

ПЛОХИЕ МАЛЬЧИКИ ПОПАДАЮТ В СИБИРЬ

Роман

Предисловие

Авторская жена посоветовала не обнажать уродство души, собственно, автору данного произведения. Как бы чего не вышло, ты, говорит, человек чувствительный, беспокойный, сейчас навспоминаешь свое детство, потом расхлебывать замучаемся. Однако мы, посоветовавшись с автором, все-таки пошли на определенные риски. И в процессе написания сделали неутешительные выводы относительно природы плохого поведения родителей по отношению к отпрыскам. Также следует упомянуть о побочных эффектах подобного душевного стриптиза. Душевного, как если бы стриптизерша из местного дома культуры во время танца начала декларировать стихи. Мы потеряли с автором сон в бездонном кармане коричневых трансцендентальных брюк. Пережевывая эту синкретичную кашу с комочками, где комочки, стоит заметить, никоим образом не желали отставать от каши, мы сделались взбалмошными, нередко срывались на крик, когда, допустим, в магазине кассирша обещала вызвать санитаров, потому как поведение не соответствовало конвенциям, принятым в Женеве.

Дистанцировавшись от лирического героя Леонида, который совершил сентиментальное путешествие к поломавшейся бабушке в Сибирь, мы, кажется, обезопасили себя от возможных кармических ударов. Отметим, что целиком и полностью ударяться мизинцем о тумбочку и превращать данное произведение в жалобную книгу нам бы чрезвычайно не хотелось. Подобные жалобные книги не вызывают у читателя никакой радости, а к радости мы относимся трепетно, всячески поощряем и желаем ею делиться, точно хорошие воспитатели конфетами. Нет настроения – сиди, молчи, другим настроение не порть, как сказали бы в достойном коллективе. В любом случае, произведение мы из себя выгнали, и на этом почти успокоились. Получившаяся история лишена каких бы то ни было подвывертов, она о том, как у одного мальчика была бабушка. Особенно проницательный читатель, скорее всего, приметит нечто карнавальное в романе, и будет совершенно прав. Выполненный текст отчаянно желает показаться своего рода Одиссей со всеми сопутствующими приметам. Здесь и далее Лёня будет фигурировать как юноша, мужчина, молодой человек. В сущности, возраст героя абсолютно неважен, ведь образ Леонида собирательный, то есть собранный на лугу близ реки Теча. То же самое касается и сибирского городка – топонимы, имена, явки это всего лишь вольно изложенный протокол. Который читается исключительно голосом Володарского.

Соседский ребенок за стеной в своих цементных ботиночках бегаёт, о чем-то совещается с жизнью. Дай бог, чтобы мальчик не повторил судьбу правнучки Брежнева. Ведь предпосылки имеются, он стоит на учете, у него аутизм. Его мама бранится на его папу, любителя носить шапочки из фольги. Впрочем, это взвешенное на рыночных весах решение, как и стремление соседа сконструировать в своем гараже передатчик сигналов для общения с инопланетной

Михаил Токарев родился в 1996 году в Иркутске, переехал в Москву, окончил институт журналистики и литературного творчества в 2018 году, в 2020 году окончил магистратуру РГГУ. Публиковался в сетевом журнале «Литература». Предыдущая публикация в «Волге» – роман «Солнышки, это чума!» (№ 5-6, 2022).

братвой. Женское говорение и проговаривание волнующих ее вопросов – важный шаг к пониманию супруга и укреплению семьи. Правда, сходим с ума мы все равно поодиночке. И как вы понимаете, автор не обошел стороной в своем произведении тему НЛО, и как вы понимаете, это было сделано не просто так. В Сибири тоже встречались неопознанные объедки. И так совпало, так удивительно совпало – на то и художественное произведение, – что во время путешествия лирического героя к захворавшей бабушке он встретился с НЛО. После прочтения романа, как полагает Миша Токарев, кто-нибудь обязательно бросит курить. У кого-то появятся силенки встать с постели, сколошматить скворечник, вынести мусор. Потому что мы трепетно относимся к вопросам здоровья, эти дела у нас положены на особый контроль. Взяв себя в руки, мы в очередной раз донесли автора до табуретки, чтобы он вам поведал новую невывдуманную историю, о которой не можно молчать. И помните, уважаемые читатели, все трюки выполнены профессиональными гражданами РФ.

Глава 1

Смежная мерзлота

Тысячи звезд на черных-пречерных погонах, какое это получается звание. Тысяча звездочек это майор, или это полковник, или это генерал. Вероятно, генерал в квадрате Альфа Центавра. Сколько таких полковников и майоров отдали свои героические жизни, чтобы светить Леониду с бабушкой. Так размышлял мальчик, кропотливо изучая четырехтомную предсмертную записку Льва Николаевича. Многоступенчатое, изматывающее чтение по специальному поручению учительницы литературы и русского языка подкосило и без того нервноически одаренного Лёню. Связанный Антониной Георгиевной стул норовил опасть, словно лист пятипальцевый с многовекового дуба в годину морока. Шерстяному коричневому стулу не хватало стержня. Как мальчик с него не падал – это вопрос, на раздумье дается минута. Именно через минуту шестидесятилетняя бабушка должна войти в комнату, где горит очаг, как вечный знак забытых истин, или попросту люстра, обросшая хрусталем. Предполагается, что когда женщина войдет, она разродится неприятнейшими фразочками – в частности, спросит Антонина Георгиевна о том, в кого такой слабоумный мальчик у них получился. Эта властолюбивая барыня, со специальной вставной челюстью, ежиком седых волос, войдет в комнату. Она встанет у двери цвета фамилии Андрея. На двери все так же, как день, и два, и три, и раз, и два, и три назад будет висеть плакат с Арнольдом Терминатором. Бабушка прищурит свои зеленые глазки, скажет: не ляжешь спать, пока не дочитаешь все, от корки до норки! – Бабушка, – возразит Лёня, хотя и понимая, что возрождение и демонстрация своей ничтожности вызовет у бабушки только ненависть, – я не успею! Что же последует за возражением – заботливый подзатыльник женщины, и даже брошенное наугад: я в домике! Не спасет.

А в домике было хорошо, по, по полудетнему тепло. А за окном то дождь, то снег, но в основном, конечно же, снег. Снежная мгла, смежная мерзлота, смежная она с одиночеством, непониманием, чем я хуже других. И почему родители живут как «не» с глаголами – раздельно. Лёня завершил прочтение авторской фамилии, Толстой. Красная стрелочка на квадратных янтарных часах приближалась к одиннадцати. Корешки книг на стеллажах в комнате перешептывались: Лёня, Лёня, это не тот писатель, ты ошибся, ты пропустил целую букву! На глаза цвета гречишного меда слетелись сибирские пчелы, они слепили мальчика, жалили, не жалели. Вопреки ожиданиям приход бабушки не состоялся ни через минуту, ни через две. В прихожей скрипнула дверь, Антонина Георгиевна закричала матными словами, однако ей ответили сдержанно, ответили даже интеллигентно, используя такие конструкции: согласно кодексу административных правонарушений вы подвергнетесь анафеме, Тонечка, дай, пожалуйста, я потом занесу, честное комсомольское! Бабушка непреклонных лет была категорична, о ее нравах и чопорности знали соседи, знал весь городок. В общем, все знали, что в долг она предоставляет самогон, который

гонит лишь в двух случаях. В первом и во втором. Но люди не оставляли надежду, but people did not give up hope. Наведываясь в их с бабушкой квартиру, эти смельчаки, точно другой смельчак, предпринимали попытки заболтать Антонину, словно женщина была плодом любви Химеры и Ортры. Стоит заметить, у некоторых это получалось, ведь прямо подпадало под второй случай, который мы обозначили выше.

Бабушка, кажется, сдавала позиции, кажется, она перестала поедать визитера, сделалась как Лев Николаевич, вегетарианцем. И разрешила отпустить все невзгоды, переживания, сказав, что вшивый интеллигент, хотя насколько вшивый, не уточнила, может идти с миром. Полуночный пришелец был не готов покинуть жилище на улице Сталепрокатной, где сталь прокатывали. Проситель самогона был подобен профессиональному поэту, который вынужден кормить жену и детей ямбами с хореями. Ему не хватало непосредственно денежных средств, а словами сыт не будешь, это всем известно. Антонина Георгиевна, смягчившись, словно галлий, сказала: ладно, мерзавец, будешь должен. Мерзавец использовал благодарственные высказывания. Правда, они у него быстро закончились. Он пробубнил: мм, хм, чудо, невероятно. Хлопнула дверь. Леонид почувствовал февральское дыхание на щеке, или то был обычный сквозняк с лестничной клетки. Мама мамы загрохотала банками-склянками, позвала мальчика: сюда подойди, сюда, я сказала, подошел! Лёня нахохлился, словно так называемый воробей, он втянул голову в плечи. Воспитательская методика бабушки предполагала соблюдение крайней степени тирании в отношении внука. Эта методика передавалась из поколения в поколение. Пренеприятнейшие побочные эффекты в виде новых маньяков, затюканных граждан, боящихся собственного чиха, были скорее вынужденной жертвой. Однако цель воспитать совестливых, пусть и чрезмерно нервных товарищей вполне себе достигалась посредством подавления воли, начиная с пеленок. И даже произведение Льва Николаевича, которое было не включено в программу четвертого класса, Антонина Георгиевна включила, убедив учительницу русского языка и литературы, что книга еще как включена в программу четвертого класса.

Лёнчик, а мы назовем его Лёнчиком, чтобы разбавить темно-серые краски, которыми пишется данная история, подобно каракулям, воспроизведенным пареньком в детском саду, эти мрачные полутона оттого, что у парня не ладятся дома дела, его пилит жена. Мальчик вошел в комнату, опустив голову, как будто на свидание с Агамемноном, но только с бабушкой, совершающей проверочные действия с уроками внука. Нет, она была не Агамемноном, она была словно Медея, обреченная убивать психику ребенка день за днем, потому что того требовала сверхзадача, озвученная нами выше. На стене висел красный узорчатый ковер, сервант поблескивал в свете неоновых фиолетово-голубых ламп, в гостиной никто не проживал, в гостиной лишь проверялись уроки и гнался самогон, словно заяц охотником. Металлический хобот дистиллятора тянулся до самого потолка, две пятидесятилитровые стеклянные колбы, точно яйца курицы-великана, стояли у подоконника. За окном с потрескавшейся рамой, напоминающей кожу престарелого белого слона, происходила ночь. Антонина Георгиевна сидела за круглым столиком, на котором была постелена черная скатерть с алыми цветами, кажется, цыганский платок. Женщина напоминала егеря в этом африканско-сибирском заповеднике. Ее напряженный взгляд напоминал о том, что проверка на дорогах в тетрадах, принадлежащих Леониду, будет доведена до своего логического завершения.

Бабушка читала вслух, глядя в тонкую, словно грань между любовью и насильственными действиями, тетрадь: кровь приобретает красный цвет из-за фибрина, гемоглобина и... Мальчик, дрожа от волнения, пустил скупую слезу. Родственница закричала: что, коммунизма, коммунизма?! Ах ты, жижа человеческая! На кровати лежала газета, унижаемый ребенок, чтобы отвлечься, пока женщина высказывалась, принялся читать. В заметке говорилось: «...названа самая вредная россиянка, ею признана Любовь Валентиновна из Ахтубинска, за 62 года работница вокзального буфета сжила со свету 27 ахтубинцев, разорила 12 предприятий общественного питания, посадила в тюрьму 12 человек, сгубила жизнь 8 мужчинам, дочери и 3-м внукам. На счету Любви Валентиновны 23 расстроены свадьбы и утреник в д/с "Орленок". Женщина лично устроила

58 скандалов на поминках...Подсчитано, что каждый 2 житель города хотя бы раз подвергался грубым оскорблениям со стороны Любви... 36295 жителя города пока только мечтают оторвать ей голову, а 32659 хотя бы раз в жизни желали ей «сдохнуть». Бабушка устала оглашать причины того, что именуется слабоумием, и как это слабоумие соотносится с Лёнчиком. Слеза, сбежавшая из глаза, высохла, точно мокрая курица в поговорке про мокрую курицу. Проверяющая качество уроков сказала, ее интонация сделалась спокойной: а, завтра же выходной, а я совсем забыла, пойдем тогда подстригаться, оброс как образина. Мальчик сглотнул килограммовый ком, сотканный маленькими пауками грусти из ниточек слюны. Выходной означал утомительный, бессодержательный, издевательский день. От бабушки не получится скрыться в школе, подобно тому как скрывается Фантомас от Луи де Фюнеса. И в этом грядущем времени еще необходимо было не бояться зла, чтобы долина смертной тени не смогла затянуть.

Перед отправлением на сневиденческий фронт мальчишка чистил зубы мятной пастой. Желтая щетка-копье с жесткой, точно ежовые рукавицы, щетиной терзала десны. Малиновая капель барабанила по нездорово-серой раковине, оплетенной паутинкой трещин. Темные пятна на побеленной стене напоминали айсберги, дрейфующие в океане. Едва теплая струйка воды, бежавшая из тоталитарной страны, была с металлическим привкусом. «Ну, что служивый, нравится тебе наш самогон? Еще бы, в нашей воде железа много!» Несмотря на тревожные ожидания, Леонид чувствовал также, что совсем скоро произойдут большие перемены между длинными уроками. Мама по телефону, с которой он общался два раза в неделю, обещала забрать на каникулы. Ее слезливый голос уверял, что финансовые трудности в скором времени разрешатся. Парень передернул плечами, выстрелил в раковину мятно-красной полоской. И отошел в мир вон тот, то есть в свою комнату с плакатом Арнольда Терминатора.

Следующим утром, как и обещала родственница, был выходной. Мальчик проснулся с унылым настроением, целую ночь бессознательно что-то вынашивал, вынашивал, и вот родил уныние. Темно-синее шерстяное одеяло в полоску неприятно кололо тело. Молочная плева на окне мешала проникнуть лучам солнца в комнату. Леонид размышлял о религии, не открывая глаз, размышлял о вероятности переродиться в другом теле, другой семье, размышлял о том, обманщик или нет Валентин Пикуль. На кухне радостно возвещало радио, возвещало про то, что утренняя гимнастика занятие почетное и нужное всем живым организмам. Звуки пионерской зорьки по-хамски вторгались в уши Леонида. Это было начало двухтысячных. Вообще, создавалось впечатление, что смена эпох в их сибирском городке опаздывала, как будто одноклассница, которую отчего-то называли чумичкой. Главный психопат класса Давид Наказов придумывал всем обидные прозвища. Страшный человек, страшный, потому что Лёня не знал, как реагировать на его злые шутки. При встрече с этим отморожком юнец как будто терял уверенность, что он это он. Иными словами, Лёнчик не понимал, кем он является – хулиганом или человеком интеллигентным. Каким образом реагировать на происходящие вокруг безобразия – плюнуть в глаз или все-таки сломать носовую перегородку обидчику.

Антонина Георгиевна, стоит заметить, поэтому заметим, ведь ничего не теряем, готовила вкусно. Запах белаяшей кружил голову. Аромат, источаемый стряпней, напоминал дорогой парфюм, который носит на своей коже таинственная незнакомка. Такой он был приятный. Бабушка в синих узких трико, клетчатой рубашке с коротким рукавом стояла у плиты, жарила холестеринные незабудки. Ведь в будущем, безусловно, подобное питание вызовет брошки в сосудах. Масло в сковороде шипело, женщина, глядя на внука, сказала: такой маленький, а уже ненормальный. Леонид не поверил бабушке, подобно тому как древние граждане не верили Кассандре. С чего это ненормальный, очень даже нормальный, два уха, нос, руки, ноги, голова. Однако бабушка имела в виду что-то иное, что-то пока не понимаемое в силу нежного возраста. Свет на узкой кухне замерцал. Это проехала снегоочистительная машина, оснащенная двумя огромными оранжевыми прожекторами. Родственница поставила на пластиковый серый поднос настоящие фарфоровые тарелки. В семье мальчика питаться из настоящих фарфоровых тарелок – это вообще никакая не диковинка. На дне посуды были изображены немецкие запрещенные

символы. Отец Антонины Георгиевны в далекие годы присовокупил данные артефакты к их семейному быту. Он дошел до Берлина, а позже, кажется, дошел до ручки по семейной традиции.

Сладкое мальчику выдавалось по праздникам, следовательно подозревал наличие скрытого диабета. Поэтому трапезничали исключительно серьезной пищей, пищей во фраках. Вместо сахара в какао бабушка положила корицу, корицу было можно, корица не порицалась. В моменты тоски по наполеону, или зефиру, или эклерам Леонид проделывал старый, как слово кандибобер, фокус. Он произносил: халва, халва, халва. И во рту делалось слаще. Но при бабушке такого не сделаешь, речь внука строго контролировалась. Антонина Георгиевна выступала в роли цензора, спорные моменты вымарывались. Жир из белаяша, точно радиоактивные осадки, выплеснулся на белую клеенчатую скатерть с ромашками. Последовавшие за этим событием высказывания женщины мы приводить не будем. Мальчик бросился под поезд, чтобы найти кухонную тряпку, он ощущал себя ликвидатором крошечной, но катастрофы. Бабушка властно крикнула: стоять, я сама все вытру, садись, доедай! И Лёня послушно вернулся доедать. На кухне потрескивал холодильник, лично знакомый с изобретателем Альбертом Маршаллом. Радиоприемник с багровой, словно река в деревне грешников, звездой, имитировал тиканье часов. В квартире было девять утра, который сейчас час на улице, никто не представлял.

Идти по колено в зимней муке в парикмахерскую пришлось долго. Еще и входная дверь не поддавалась, в подъезд намело снега. Кромешный мажор, подумал мальчик, когда Антонина Георгиевна заставила надеть на себя кальсоны, которые бились током, а потом еще одни для подстраховки. Леонид стал каким-то полупроводником, синие искры от него так и летели. Потом синтетическая серая водолазка, свитер из овечьего меха, дедушкины ушитые брюки на подтяжках, шапка-ушанка на резинке от старых трусов, чтоб никто не уволок. А то участились случаи краж – люди, толкаемые преступным умыслом, заигрывали с законодательством, срывали с приподнявшихся гражданок норковые шапки. Конечно, у Леонида была шапка из кролика, но прозорливая бабушка знала, как будет правильной. Место, где избавляли от волос, называлось цирюльня. Оно находилось исключительно по звездам. А также оно находилось возле котельной и пункта приема цветастого металла. Недалеко протекала речка, вечно зашита льдом, как непослушный ребенок в одеяло. Вечная.

Бабушка с внуком пришли в так называемую цирюльню. В ней было три подстрекательных зала. Длинный сквозной коридор, круглогодично мерцающая мишура. Рядом с вешалкой висел жемчужный плакат с изображенной тарелкой. В тарелке лежали зеленые спагетти, крупными буквами было написано «I want to believe». Черные усики парикмахерши напоминали о том, что любая женщина имеет право на самовыражение. Антонина Георгиевна привела Леонида не вовремя, случился обеденный перерыв. Впрочем, одну девочку почти стригли, Леонид видел ее в школе, она была из малообеспеченной семьи. Еще у этой субливной и трогательной малышки водились вши – собственно, преждевременные каникулы в младших классах из-за нее и случилась. Длина серых волос не превышала пары сантиметров, пятна зеленки на трогательном черепе походили на мелкоцветковые хризантемы. – Подстригите меня лесенкой, лесенкой хочу! – выразила свое желание юная особа. Женщина в синем переднике, с родинкой на всю щеку сказала: так у тебя и так стремянка на голове. Мадмуазель изумилась: правда, как красиво, спасибо! И побежала в своих красных сапожках по сероватой, словно кожа куриц на рынке, плитке в сторону выхода. – Люда, – сказала бабушка, Людой звали парикмахершу, – Люда, а подстриги его как-нибудь нормально. – Можно под горшок, ему под горшок пойдет, – посоветовала тетка. Антонина Георгиевна сдернула с мальчика шапку, под ней оказалась другая шапка, вязанная, чтобы не окоченели мозги. Родственница сняла ее тоже. Потом сказала, раздумывая: под горшок, давай под горшок, я пока газету читаю. Рядом на черном журнальном столике лежали стопки типографских изделий номер два, в метафорическом смысле, конечно же.

Леонид вскарабкался на широкое скрипучее кресло, из прорванного в двух местах сиденья торчали куски поролона. Парикмахерша накрыла мальчика специальным клеенчатым одеялом, чтобы эмигрировавшие с макушки волосы не падали, куда не просят. В овальном зеркале с

молочным налетом отразился фронт. Лицо Лёни являлось театром боевых действий. Из траншеи выглядывал красноносый командир в памяти, словно консервная банка, каске, он кричал: вперед, ни шагу назад! А после бросал гранату в сторону предполагаемого противника. Ревели сирены, русалки завлекали мореплавателей на глубину, в морские впадины и пещеры, где затонувшие пиратские сабли, прочие металлические эти самые тронула ржавая проказа. Состояние лица Леонида показалось бы занятым сотрудникам органов по делам несовершеннолетних. Нарушенный гормональный фон, проблемы с щитовидной железкой, гастрит. Эмоционально нестабильная обстановка в семье, и все такое прочее. Мальчик не помнил, когда последний раз чувствовал себя благостно. Нет, он чувствовал себя благостно прошлым вечером, когда думал о маме. Но сегодня он не чувствовал себя благостно, и это вызвало приступ апатии. Жить с двумя родителями, а не с бабушкой, в понимании Лёни было почетно. Почетно, словно присутствие на Грушинском фестивале, где косматые аспиранты, доценты горланили свои эсхатологические песни о постжизни. Гитарные переборы звучали в ночи, искры костра возносились к черничному небу.

Людмила, прибавив громкость музыкального центра, чтобы возможные крики подстригаемого ребенка не мешали процессу избавления от волос, взяла длинные, блестящие ножницы. Бабушка в это время, покачивая головой в такт звучащей песне о бровках домиком и еще гномиках, читала какую-то тарабарщину в газете «СПИД-инфо». Парикмахерша выстригала виски, как будто выстругивала из полена деревянного идола. Стоит признать, что руки сибирского цирюльника были сильные, как десять собак, запряженных в сани. Однако силенок, кажется, все равно не хватало. Женщина включила даже специальную машинку, которая даже зажужжала. Отстающие от головы волосы скользили по клеенчатому темно-синему покрывалу, пикировали на пол. Внезапно Люда как заорет: Тоня, может, узор ему выстричь, это сейчас модно? Антонина Георгиевна оторвала взгляд от печатного издания, за взглядом тянулись тонкие, едва заметные нити клея ПВА. Бабушка, перекрикивая музыку, сообщила: не вздумай, и так он страшенький. Лёня был равнодушен к критике чистого разума, поэтому сообщение родственницы не вызвало в нем негативных переживаний. Бывало, буфетчица в школьной столовой говорила, накладывая сероватое пюре с куриной печенью или сосиской: мой маленький Квазимодо, кушай осторожно, а то горячо. Бывало, в маршрутке пассажиры, завидя Антонину Георгиевну с внуком, восклицали: что за страшенький ребенок, просто чудо! Мальчик давно перестал обижаться, приняв к сведению общественное мнение.

Стрижка получилась не особенно выдающейся, до выдающегося, к примеру, филолога Владимира Проппа ей было далековато. Лёня стал походить на священника, или на сказочного персонажа, которого неминуемо в классе прозвали бы додиком. Жестокие дети, как писал Выготский, способны оторвать башку своему собрату по школе, пребывая в кризисном периоде. Аффективные вспышки, капризы, отсутствие собственной идентификации, прочие инволюционные процессы. Приобретенные ранее взгляды подвергаются деградации, необходимо честно, не таясь, взглянуть в зеркало, сказав себе, семи, тринадцатилетнему: да, я мерзость, не способная ни на что, но я исправлюсь, я буду чище и добрее! Правда, не у всех находят силы для столь важного шага, порой унижение слабых, войны на шариковых ручках видятся единственным входом в офис, где работают взрослые. Антонина Георгиевна, прищурившись, произнесла одобрительно: и так сойдет, спасибо, дорогая, он даже ничего! Парикмахерша довольно хрюкнула, спросила: а ты его не пробовала на горох ставить? Бабушка помедлила отвечать, потом, набравшись должной квалификации, ответствовала: нет, Люда, что я, совсем изверг, что ли. Подстрекательница, подметая волосатую речку, пролитую с головы мальчика, спросила: Тонь, а ты знаешь, что ключицы растут у людей до двадцати пяти лет? Родственница отложила журналчик, порекомендовала внуку одеваться, иначе ничего хорошего не выйдет. Людмила подбросила еще один вопросик: Тонь, а Тонь, вы сегодня на день рождения пойдете-то? Бабушка ничего не ответила по этому поводу, решив не вступать в полемику с тетей Людой. Кажется, на то были свои причины, разбираться в которых мальчик счел неэтичным.

Этот внеплановый для Леонида день рождения, конечно, не для него лично, просто так совпали звездочки. Был посвящен, этот день рождения был посвящен появлению на свет сколько-то лет назад бабушкиной подруги. Между подругой и должностью телеграфистки не было бездны. Однажды женщины вместе вышли из подъезда своей работы сразу на пенсию. На севере рано выходили на пенсию. Женщины служили на автоматической телефонной станции. Антонина Георгиевна когда-то служила телефонисткой, ныне готовила алкогольные напитки, получала пенсию, соответственно, была пенсионеркой. Точное наименование ее подруги мальчик не мог вспомнить, пока они шли мимо красного кирпичного дома, в подвале которого в советские годы заседали сотрудники НКВД. Мимо пологого берега речки, мимо рыбного комбината. Также мимо изъеденного неизвестными цеха обслуживания корабельных деталей. Пронизывающий ветер покусывал в местах, где была брешь в безопасности. А именно в районе поясницы. Парнишка не желал быть таким же изъеденным, как цех обслуживания корабельных деталей, но соблюдал обед молчания. Тем более что в гостях у бабушкиной подруги наверняка бы накормили, ведь бабушкина подруга покупала продукты по спискам, у нее даже был целый архив бумажек с тем, что необходимо купить. У нее даже была наколка на ладони: килька в томате, что-нибудь вкусенькое. Антонина Георгиевна ускорила шаг, поменяла языковой регистр, ветер усилился, слышимость не усилилась, поэтому боевой клич женщины был не слышен, хотя она и надрывалась, к тому же имела грыжу. Белые кошки попадали в глаза, ничего не виделось путного вокруг. Лишь темные фигуры редких, словно зубы у моряков с цингой, прохожих маячили где-то там вдаль. Наконец фраза бабушки оформилась во что-то членораздельное: что ты телишься, как корова, мы сейчас тут навсегда останемся, негодий! Кажется, она и вправду допускала возможность быть занесенными снегами республики комы. Поэтому в срочном порядке, наподдав необходимых пендалей, женщина увеличила ширину шага, позабыв о физических способностях мальчика, все-таки ножки у него были коротки.

Барак цвета разъяренного Бисмарка, как сказала бы учительница изо, что бы это ни значило, возник неожиданно, точно простуда на губах. Во дворе обширные мужики, облаченные в сто одежек, откапывали машину-буханку большими лопатами. Буханка, само собой, зачерствела на морозе, поэтому в пищу не годилась. Застывшее на веревке белье – женские трусы-парашюты, носки, пижамка в полоску, – оно казалось таким сиротливым без содержания, то есть без людей. А вокруг лишь млечная обстановка, эра водолея, что бы это ни значило, просто Леонид был водолеем, а про конец рыбной эры и начало эры водолея рассказывала учительница изо. Бабушка с внуком зашли в подъезд, дверь которого была дополнительно усилена шерстяными покрывалами, прибитыми гвоздями. Пока поднимались на второй этаж, Лёня успел вздремнуть, Антонина Георгиевна отвлеклась на фикус, который был подобен последнему из могикан, краснокожий фикус, не протянувший пока ноги, стоял на подоконнике в глиняном горшке, как оловянный солдатик. Родственница проявила ботанические замашки, рассмотрела как следует растение. Коричневые половички скрипели, пока она в своих валенках топталась подле цветка. Неизвестно, как он еще выжил, подумал мальчик. И продолжил думать о том, что вопрос выживания равнозначен тому, другому вопросу, о шуме, который издает спиленное дерево в лесу, слышится ли этот шум, если в лесу никого нет. Наконец Антонина Георгиевна вдоволь насмотрелась – кажется, фикус был таким же интересным, как фильм «особенности национальной охоты», демонстрируемый в кинотеатре. И они поднялись с колен в квартиру подруги.

Леонид опешил от запаха стервятины. В прихожей их встретила бабушкина подружка, с которой они тут же стали шкворчать, как две котлетки. – Валюша, – говорила Антонина Георгиевна, – а чем это так пахнет? Валентина выглядела замечательно, синяя губная помада подчеркивала, двумя полосками, словно глагол, подчеркивала ее не закрывающийся рот, – впрочем, губы это часть речи, поэтому мы поспешили с деталями. Кислотные ленточки дождика, свисающие с потолка, покачивались. На паласе пепельного цвета обнаружились хлебные крошки. И мальчик вспомнил, что муж тети Вали, дядя Слава, потерялся год назад. Тропинка из хлебных

крошек тянулась до самого порога, наверное, дамочка предполагала, Вячеслав однажды сможет вернуться по ним. Валентина поймала взгляд Леонида, бабушка, ничтоже сумняшеся, раз-улась, повторила вопрос: ты фарш крутишь, что ли? Хозяйка медной горы ответила растерянно: а, да, из говядины с индейкой. Антонина Георгиевна ногами влезла в гриновые войлочные тапки, торжественно сказала: дорогая именинница, от лица трудящихся и этого вот, поздравляю! Внимание этого вот, к которому относился Лёня, привлекла мясорубка. Она занимала половину кухонного стола, вокруг все было заляпано кровью, в розовом тазике росло мясное дерево: это Верденская у тебя мясорубка, тебе зять подарил? – Зять, угу, – ответила подружка. Антонина Георгиевна обняла именинницу, но та успела уклониться, словно математик Перельман от премии. Мальчик подумал, а сколько таких, кто не успел уклониться от бабушкиных объятий, вот если бы его она обняла хоть разочек, он совсем не протестовал бы. Его багровые веточки шевелились, листва опала, была ли когда-нибудь листва. Бабушка спросила, он же не хиппи патлатый, чтобы протестовать. Женщины удалились вершить свои бабьи дела, устраивать праздничный ужин, а Леонид воздушно-капельными путями побрел в маленькую комнату, где стоял старехонький компьютер.

В центре комнаты, как в центре вселенского дебилизма, Лёнчик почувствовал недомогание, синяя кварцевая лампа безбожно выжигала сетчатку. Тетя Валя совершала крупную, как проигрыш в игровых автоматах, ошибку, не выключая ни на минуту свой аппарат. Машина напоминала миниатюрную установку, изобретенную в чудовищном Дахау, если там, конечно, изобретали что-либо эти негодяи нацисты. Окно было заклеено типографскими изделиями, книги на полках уфологического толка. Правда, мальчик заметил потрепанный зеленоватый фолиант «отрочество» на подоконнике, «детства» не было замечено. Компьютер пискнул, когда Леонид нажал на липкую кнопку, пискнул, словно мода, экран загорелся голубым. Система потребовала забыть о личной жизни, система потребовала вспомнить пароль, который мальчику был неизвестен. Он присел на двенадцатый стул, оказавшийся таким же опасным, как электрический. В поясищу вонзился гвоздик, но проявить несогласие не удалось, случился астматический приступ. Лёня воспользовался ингалятором и ухватил воздух за хвост, ведь синица хороша к обеду. Парень пересел на самый край стула, принялся играть со стрелочкой, дрыгая мышкой.

Нечаянные крики тети Вали отвлекли от этой нескучной истории. Антонина Георгиевна тоже отличилась своими междометиями. Леонид выглянул в коридор, на пороге стоял Вячеслав, он был одет по форме ноль. Какие мысли ночевали в голове мужчины, что привело его после годичного отсутствия в постели тети Вали, вопрос. А его конъюнктивитные глаза, пугающие своей краснотой, напоминали глаза совершенно невменяемого гражданина. Ребра, выступающие на худосочном теле – как сказала бы бабушка, соплей перешибешь – вызывали умиление или даже неловкость. Мальчик и сам не понял, чего больше он чувствует, сочувствие или неловкость. Тетя Валя начала расспрашивать о причинах отсутствия, имели место уважительные причины, не имели. Дядя Слава сказал голосом жертвы, заикаясь, при этом гусиный лебяжий пух на его голове точно вызывал к доске, и в Леониде сочувствие, мужчине было лет сорок, а он казался подростком. Редкие кучерявые волоски на груди совершенно не походили на тайгу. Дядя Слава сказал: Валечка, меня похитили, как бы это ни звучало странно, но инопланетяне, то есть я не алкоголик какой-то, ты же знаешь, но инопланетяне меня похитили. Бабушка посмотрела грозно, как невеста на хромоногого жениха, на любознательного внука. Мальчик скользнул обратно за дверь, в комнату. Взрослые, должно быть, осмыслили суждения Гераклита о небесных телах, населенных иными цивилизациями. Посмотрев на кварцевую лампу, Лёнчик ощутил прилив тепла, в глазах заплясали зеленые человечки в фуфайках с балалайками. И сознание стало покидать голову маленького Леонида, а некая неизведанная девушка махала с перрона синеньким платочком этому сознанию.

Глава 2**Счастье мое, я здесь и жду тебя**

– Пенисы как снежинки, двух одинаковых не найдешь, – задумчиво сказала поэтесса в теле девушки, разглядывая причиненное до рождения Леониду место. Порой нам до рождения причиняют нос неправильной формы, глаза не с тем разрезом, прочие милые глупости, которые, в сущности, не достойны нашего внимания, потому что причинили нам их не со зла, в этом, вне всякого сомнения, присутствует какой-нибудь смысл. Погода была нервной, как Грета Тунберг с ее произвольными тиками, сначала шел дождь, он барабанил по металлическому подоконнику все утро. Потом выпал снежок, прохожие хрустели, точно конфетами, шли на работы, в детские сады, на ограбления банков, а кое-кто, наверное, получил даже новостную повестку и отправился в военкомат. В комнате с плотно задернутыми шторами пахло свершившимся сексом. Как именно пахнет данное мероприятие, вы можете прочесть в соответствующем справочнике по сексопатологии за авторством Георгия Степановича Васильченко. Не будем заострять внимание на физиологических подробностях. – И рождались дети для войн, а женщина заботилась о мире! – выдала очередную сентенцию полуголая Полина. И тут же добавила буднично: ты, кстати, на работу опаздываешь.

Лёня, выросший в 25-зимнего человека, посмотрел на девушку, сказал, что да, опаздывает. У сожительницы были густые каштановые волосы, так называемые кудряшки. Или даже змеи. А взгляд ее малахитовых глаз, казалось, *transforme une personne en piégre*. Они познакомились несколько лет назад на поминках общего товарища-литератора, покинувшего телепроект «кто хочет стать пенсионером» на излете седьмого десятка. Она с таким премиленьким личиком, как у фарфоровых кукол, поела куриную ножку в окружении одиночества. Леонида не смутило наличие в ней ста двух килограммов массы нетто. В то время как масса брутто юноши, то есть со всей одеждой, ботинками, равнялась пятидесяти семи килограммам. Он подошел тогда к этой величественной особе, сказал, что неплохо было бы познакомиться. Она рассмеялась в ответ и протянула куриную ножку, на которой оставалось примерно грамм тридцать мяса, юноша умилился этому жесту доброй воли. И вместе они нашли общий язык, которым связались друг с другом в приступе взаимной симпатии. Спустя месяц банкетно-чулочного периода началось совместное житие в съемной квартире недалеко от Канатчиковой дачи. Детей у пары в наличии не было, их даже и не планировали. Полина трудилась корректором в издательском доме. Правда, мама парня путала с публичным домом, спрашивала порой, когда звонила по телефону: как там у Польки в публичном доме дела?

А дела у Польки шли с переменным успехом. Работницей она была качественной, как останкинская колбаса, начальник не всегда, но ценил, премию бухгалтерия обещала когда-нибудь выдать, впрочем, книги корректировались добротной. Однако у девушки побаливала душа за обиженных и оголенных граждан, всех без разбора. Она была не согласна со многими вещами, с капитализмом, голодными детишками Африки, положением женщины в современном обществе, иными, вполне вероятно, важными проявлениями жизни. И в этой связи бунтарское поведение, бывало, становилось причиной конфликтов. К примеру, поэтесса могла выпустить рыбок из аквариума директора в протухшую речку возле работы. Или помочь денежным переводом гонимому чернокожему режиссеру с нетрадиционной сексуальной ориентацией в чужой стране, который оказывался на деле гопником из Мытищ. И все-таки Полина была как будто Джоном Ленноном с Йоко Оно на фотоснимке в номере отеля. Вот они стоят в своих белых пижамах, ждут, пока служанка заправит кровать, чтобы супруги смогли продолжить свой протест против капитализма. То есть нечто комичное и несурзное видел в поведении сожительницы Леонид, но, как говорится, кто не без странностей, тот пусть бросит в меня слона.

Молодой человек служил диспетчером на почте. Утром, когда погода была дерганной, как продавщица, у которой не сходится дебет с кредитом, таким вот утром парень опаздывал на работу. Он вышел из подъезда в состоянии опоздания. В состоянии опоздания он пребывал

перманентно большую часть своего бытия, как-то не специально это получалось. На перекрестке Демьяна Бедного свершилась авария, две собаки, в простонародье Грелка и Тарелка, радостно лая, прибежали поглядеть на поломку. Столкновения интересов случались на перекрестке с завидной регулярностью, бесхозные псы традиционно не пропускали ни одного ДТП. В этот раз лиходея на БМВ, выехавший из КПП, смял, как ДСП, розовую машинку. Духи гаишников гладили грязно-рыжую и черно-белую собачек на лихом участке трассы. Животные, высунув свои мокрые языки, тяжело дышали, кажется, они были удовлетворены происходящим бардаком, впрочем, много ли четвероногим нужно для радости. Леонид перешел дорогу по зебре, минуя черный изящный автомобиль пантеру с помятой дверцей, минуя другое транспортное средство, хрюшку с расквашенным пятаком. Превосходство пантеры над хрюшкой было видно не вооруженным ЗРК глазом. И в этой связи вспоминается афоризм Аркадия Давидовича: «кому на Руси жить хорошо, те не дают жить хорошо другим».

Выданный Полиной обед Лёня благополучно скормил собакам. Три белых коня, три белых коня, три белых кусочка хлеба, а не коня, с намазанным на них паштетом из ливера. Помидорку решено было не предлагать. Ничейные питомцы ластились, лизали парню ладошки. А косой, словно мышцы живота, дождь вперемешку со снегом хлестал по незащищенным участкам тела. Стройный гаишник, глядя на чудаковатого Леонида в желтом пальто, резиновых сапогах цвета хаки, достал мобильный телефон. Нацелил прицел фотокамеры на любителя покормить собачек. Ведь на фоне этой идиллической картины происходило горение одной из пострадавших машин. Владелица розовой повозки такого-то века, дамочка с длинными, как лапки паука-птицееда, ресницами, продолжала сидеть в салоне, вцепившись в руль. А языки пламени, точно языки насилия, которые всяческим образом порицаются в прогрессивном обществе, охватили капот ее колымаги. Водительница оцепенела, звуки вокруг стали приглушенными, как будто девушку окунули в бассейн с киселем. Солоновато-сладкий привкус на разбитых губах навевал участнице ДТП воспоминания о проведенном на море отдыхе. В ее расширенных от ужаса глазах непонятного цвета могли бы утонуть вообще все. Послышался рев пожарной машины. Испуганные собачки бросились на четыре стороны, по частям. Мужчина пошел на почту, решив сэкономить на троллейбусе. Но был перехвачен, словно шпион на границе. Подошедшие подростки в разноцветных пуховиках расстреляли всю пачку сигарет «Николай Второй». Пухлая девчонка с наколкой слезы под глазом, чей внутренний мир вряд ли смог возбудить интерес Леонида, спросила: у вас будет сигаретка? Когда молодой человек полез во внутренний карман пальто, девчонка кивнула своей пестрой орде, и тинэйджеры обступили парня. Вот так расстреляли Николая Второго, в общем-то.

Несмотря на тернистость пути, но до работы Лёня расплелся. И даже привязавшаяся миловидная смуглянка, имеющая разительное сходство с цыганкой, не помешала, хотя и пыталась. С грацией кошки, насколько позволяла сложившаяся погодная обстановка, она вышла из универсама. В блестящей смоляной дубленке, держа в руках сетчатую сумку с продуктами. Что там были за продукты, Леонид разгадал сразу: бутылка кефира, два яблока, брикет масла, пачка ультратонких прокладок. Проходя мимо крыльца, молодой человек увидел, как инородное тело готовится на него опасть. Гражданка размахивала руками, смешно причитая: ой-ой-ой. При этом девушка не спешила рухнуть тут же стремительно, продолжая балансировать на самом краю ступеньки. Навернувшись с вершины социальной лестницы, предположительно цыганка непременно бы сломала себе шею, сделавшись безосновательным иждивенцем. Леонид, ведомый принципами добропорядочного, богобоязненного Леонида, подхватил эту смуглую, невесомую, обладающую талией, как у стрекозы, барышню. И вот они лежат вдвоем, словно упавший сервер, на холодном асфальте. А школотроны, бредущие с мест отбывания наказаний с пачками сухариков наперевес, кричат про тили-тили тесто. Молодой человек, глядя на распущенных детей, подумал, как плохо, что у них мамы не волейболистки. Ведь мамы-волейболистки смогли бы научить своих отпрысков быть благоразумными, у мам-волейболисток достаточно сильные ладошки. Барышня лежала сверху, как сыр на хлебе, разглядывая лицо Лёни. Она сказала: какое

у вас мужественное лицо, вы, наверное, посещали войну. Не посещавший войну Леонид ответил: гражданка, идите куда шли.

Дамочка слезла с Леонида, сообщила: грубить не надо, а за мягкую посадку спасибо, сударь. Ее речи были многозначными, как личности Эриха, Марии, Ремарка. Парень прищурился, разглядывая значок на дубленке барышни в виде таблицы для проверки зрения, седьмой ряд был трудночитаем, впрочем, до седьмого ряда доходят единицы. Ведь если не заинтересовать читателя в экспозиции, тогда, считай, и нет читателя. Со стороны девушки последовала попытка завязаться в беседу, а возможно, завязаться в семью. Она произнесла: еще раз спасибо, я спрошу у вас, может быть, глупость, у вас восточная внешность, у вас в роду были монголы? У Лёни таких в роду не было, парень так и сообщил: нет, я спешу. Незнакомка стала знакомкой, представившись: а меня зовут Лена, вы мне понравились, давайте знакомиться. Леонид не хотел этого делать, тогда Елена начала городить чушь про то, что молодого человека ожидает дальняя дорога. Развеселенный пророчеством, юноша направился в сторону почты. Он решил не делиться с приставучей как банный лист смуглянкой новыми репликами. Правда, барышня кричала ему-то что-то вслед. Впрочем, она быстро сдалась, встретив нового прохожего, на которого можно навалиться.

Почтовое отделение являло собой голубовато-зеленое двухэтажное здание с толстыми каменными стенами. Мы вполне могли написать, что почтовое отделение было голубовато-зеленым, однако словосочетание «являло собой» в данный момент кажется нам наиболее правильным для решения художественных задач, поставленных автором. Безмянный человек оставил надпись белой краской над самым входом: счастье мое, я здесь и жду тебя. Столь мощное поэтическое высказывание почему-то решили не закрашивать. Леонид, поскольку нувшись на крыльце, высказался о внешней политике государства. Тетя Вера, непосредственная начальница парня, дама возраста существования рецепта рижского бальзама, озадачилась: Лёня, как так можно, ну? Молодой человек взглянул на женщину, переспросил: что именно вас удручает? Женщина улыбнулась, как бы заигрывая, несмотря на количество прожитых лет, она по-прежнему была дамочкой интересной, словно бражник мертвая голова. А в коллективе Веру Ивановну называли шальная императрица за ее способность хулиганить в повседневной жизни и вообще. Желточный шелковый платок, повязанный на шее, как будто ленточка на подарке, скрывал шрам. Шею Веры Ивановны однажды порезал бывший супруг, и эту печальную историю Леонид слышал много раз, и в этой печальной истории страшны были выводы, которых начальница не сделала. Ведь после развода с тем Потрошителем, она закружилась в диком, смертоносном вальсе с неким гражданином, который впоследствии оставил ожог на сердце, а также на руке этой доброй, отзывчивой женщины. Вера Ивановна сказала Леониду: опаздываем, котик, опаздываем. И первая зашла на почту, цокая каблучками белых полусапожек в черную крапинку.

Леонид переоделся в синий фирменный комбинезон, шутиливо отдал честь своей напарнице Снежане, та запустила в парня воздушный поцелуй, едва не зашибла. На почту зашли двое. Мальчик в вельветовой горчичной курточке, замшелых ботинках, видно, житель болотистой местности. Он держался за вывернутый карман коричневых отцовских брюк. Семенил за бородатым гражданином в бежевом плаще. Должно быть, парнишка боялся опустить карман, его лицо было средоточенным, губы плотно сжаты, глаза прикованы, словно Сизиф к булыжнику, прикованы к брючине. Потеря связи с предками, родом, пожалуй, явилась бы для ребенка настоящей гуманитарной катастрофой. Парочка направилась от мифа к логосу, к Леониду, мужчина спросил: подскажите, можно ли у вас перевести денежную сумму? – Ах, денежную сумму, можно, куда мы ее переведем? – уточнил парень. За посетителя с треугольной бородачкой, тонкими усиками, ответил сынок: бабушке в Воркуту, у нее случился двойной перелом жизни, она теперь сидит дома, никуда не ходит! Голос у ребенка был низким, простуженным. Снежана – смешливая барышня тридцати лет, приехавшая поступать в театральный, но поступившая не очень красиво. История морального падения напарницы полна драмы, предательства, как в случае с Атреем, уничтожившим сыновей своего брата Фиеста, приготовившим из них блюдо, накормившим

этим самым блюдом родственника. Вроде бы у Снежаны была даже судимость, иметь которую nepозволительная роскошь, как, например, видеомагнитофон. Служивица зажурчала, нет, зажурчала – это сразу возникают пошлые ассоциации. Служивица, точно птичка-невеличка, пропела со своего места: уважаемые, перевод совершается через меня! На самом деле услуга оказывалась и Леонидом тоже, просто девушка была в активном поиске Аполлона Григорьева. Поэтому каждый посетитель рассматривался в этой связи.

Мальчишка недоверчиво пробасил: папа, кажется, тетя говорит правду, посмотри на этого дядю, он же какой-то ни рыба ни мясо. – Сынок, – сказал джентльмен, – нехорошо при живом-то человеке, главное, что не рагу. Пока молодые люди подходили ко второму окну, в котором сидела девушка, та успела нарисовать зубы красной губной гармошкой, подышать в свою ладошку, решая, стоит ли употреблять духи с запахом воскресного зимнего утра, когда тебе семь лет и нет никаких забот, для пристойного аромата. Решила, что и так сойдет. Гражданин расстегнул плащ, под ним оказалась гавайская рубашка. Иноземные цветы были похожи на маринные укусы, цветущие на бледной коже студента, забывшего закрыть на ночь окно. Леонид заметил, что мальчик занервничал, потянул пальцы ко рту, стал обкусывать полнолуния ногтей, получались полумесяцы. Его папа спросил у Снежаны: как и сказал мой коллега по семейной жизни, нам необходимо переправить пять тысяч рублей в Воркуту. Внезапно гражданин проявил женскую натуру, на его глазах появилась влага. Моя напарница удивленно спросила: что с вами, вам нездоровится? Сынишка ответил за родителя: вы понимаете, у нас не заладилась день, вот еще бабушка неудачно сходила к психиатру. В разговор включился отец мальчика: да, вы представляете, у женщины кризис семидесяти лет, а ей вместо специалиста дали голубя, говорят, новая методика, зоотерапия. Леонид видел, как Снежана поскущела. Накануне парень видел такой взгляд у Полины, что в нем особенного, в этом взгляде, кто ж разберет, но такие вопросы, конечно же, разбирать надо на самом высоком уровне. Просто вот девушка улыбалась, ожидала радостные события, а потом серотонин внезапно закончился, как пирожки с пророчествами, остались только пирожки с капустой. Сожительница Леонида участвовала в поэтическом конкурсе, наступило зрительское голосование. Проголосовали недостаточно хорошо, Поля написала в своем онлайн-дневнике: спасибо всем, кто поддерживал, у меня ничего не получилось, вы самые ужасные читатели, но это не ваша вина, это недостаток вашего образования. Потом сожительница проплакала полночи.

И Снежана прикрыла свои потускневшие глаза, лишь бы не видеть клиентов, как будто клиенты были только что нарезанным луком. А джентльмена было не остановить, он жаловался и жаловался, как нюня. Леонид различил обрывок фразы: ...одежда прикрывает мое тело, но что прикроет ранки в моей душе? Сынок, кажется, был готов к заигрываниям родственника, поэтому объявил на берегу Леты, которая протекает на Аляске, между прочим, что друзьями они со Снежаной не будут. Вместо родителя, жевавшего сопли, мальчик сказал: если вы с моим отцом пойдете на свидание, а потом переедете к нам жить, мы с вами не подружимся. Напарница Лёни ответила ему: мальчик, твой папа показался мне интересным мужчиной, а сейчас я вижу, что мужественности в нем кот накаркал. Напарница барабанила пальчиками по стойке, Леонид подумал, что если на пальчики надеть маленькие лакированные башмачки, то получится танец чечетки. Девушка прошептала достаточно громко для того, чтобы цитата стала достоянием общественности: да, нашла мужика, называется. Франтоватый клиент вспомнил о друге, таком единственном, словно печень у наших сограждан. Мальчишка тяжело вздохнул, проворчал, что это теперь надолго. Коллега объявила: так, хватит, он сделает вам перевод, к нему, к нему, мальчишки! И указала на задохлика, которым, по ее мнению, являлся напарник.

Лёня продолжал слышать хныканье господина: Стёпка, ах, Стёпка, зачем же ты поссал на оголенные провода!? Отец и сын оставили в покое чью-то будущую невесту, покинули почтамп, забыв поддержать свою бабушку. Засмеялись две молоденькие сотрудницы, устроившиеся недавно. Они сменили двух операторов, отправившихся странствовать в пенсионной пустыне приблизительно сорок дней. Нет, метафора неказиста, с этой метафорой далеко не уедешь. Пусть

будет: два работника вышли на пенсию, их места заняли двадцатилетние смешливые нимфетки. Барышни обсуждали, стоя в своих волнительных позах, то есть выгнув спинки, оттопырив попы, обсуждали новую модельку телефона, какой лучше приобрести к аппарату чехол, розовый или не розовый. Пахнуло аптечными, знаете, ингредиентами, кажется, бальзамом звездочка. В зал, размахивая руками, вошла Вера Ивановна. Отделившись от верхней одежды, она стала походить на лицедейку Алису Фрейндлих в старинном кинофильме. Шаги сапожек, сотканых как будто из коровьей кожи, приближались к молодому человеку. За пределами организации почтовых отправок раздавался скрип тормозов. Нестерпимо зачесалась поясница, словно был совершен точечный выстрел комариным хоботком. Одна из девушек, имени которой Леонид не помнил, нет, все-таки Роза, да, имя Розы внезапно возникло в голове, эта девушка посмотрела как-то насмешливо. Парень вступил в состязание за первенство города по гляделкам, барышня с цветочным наименованием, казалось, желает, как будто и хочет поговорить с таким интересным юношей, однако стесняется порывов своей души, что скажет подружка, зависимость от чужого мнения бич современного поколения. Будем работать, будем работать.

Начальница положила свою прохладную, точно чувства Карениной к поезду, руку на шею парня. Леонид вздрогнул, и захотел выпить пивка, и решил, что после работы осуществит задумку, тем более что для этого не надо быть Кулибиным. Вера Ивановна сказала: мальчик мой, а у меня для тебя поручение, ты его выполнишь, и мне будет приятно. Лёня догадался о намерениях дамы. Как правило, подобные просьбы означали работу на складе, где хранились посылки. Мужчин в коллективе совершенно не хватало, потому что на десять девчонок по статистике девять ребят. Женщина убрала руку с шеи, попросила поработать над манерами, а также на складе, ведь сегодня там Евгений один-единешек, зашивается, он человек возрастной, может спину надорвать. Поэтому мы совместно с Леонидом перемещаемся в комнату, где почтовые мыши были образованы не в пример лучше домашних. В темных уголках, куда не добирались световые щупальца энергосберегающих лампочек, попискивали. Но в этом: пи-пи-пи как будто было сокрыто математическое понятие, число пи. Частенько на складе появлялись бандероли с книгами от фонда помощи исправительным учреждениям. Однако, как ни крути, писк интеллектуальных существ гораздо грустнее, чем бытовое пи-пи-пи о потомстве, норе в ипотеку и всяком таком прочем. Евгений, чье отчество вместе с отчеством были неизвестны Леониду, являлся мужчиной жизнерадостным. В свои сорок с рублями, а не копейками, лет он имел четверых сыновей и одну дочку. Каждый раз, когда судьба в лице начальницы сводила с Женей на складе, старший товарищ рассказывал о замечательных детках, которых надобно завести каждому порядочному господину. Лёня вошел в полуподвальное помещение, заставленное бандеролями. Голубые коробки напоминали слово вечность, если вы, конечно, лингвист, задувало в приоткрытую дверь приемки. В двух метрах над уровнем пола, под углом была прилажена горка шириной сантиметров пятьдесят. Когда приезжала груженная машина, дяденьки экспедиторы, словно детей малых, подталкивали груз, груз катился вниз, повизгивая от удовольствия. А тут Евгений его принимал, сверялся с накладными, отсортировывал, это в библиотеку психоневрологического диспансера от доброжелателей, это, значит, еще куда-то.

Леониду послышался запах детского питания, что было несвойственно складскому помещению. Как правило, тут пахло сургучом, резким, словно движения Брюса Ли, одеколоном. Молодой человек даже потер уши, ведь запах фруктового детского питания все-таки послышался. Нет, не послышался, коллега сидел за серым пластиковым столиком, который, как и всю мебель для почты, закупили в Китае. Ее закупили в Китае, потому что Вера Ивановна все закупала в Китае. Мужчина употреблял желтоватую субстанцию из баночки. В его больших и черных, как ящик в телепрограмме «Знаатоки», глазах отразился молодой человек. Волосы с приставшей к ним жизненной известкой, морщины в уголках губ, добрая улыбка, все зубы на месте, в подтверждение того, что они на месте, можно даже провести расчет. Евгений в джинсовой куртке, розовой безрукавке с крокодильчиком завтракал. Он сказал голосом вожатого в лагере, то есть мягко, выделяя шипящие звуки: привет, спортсменам, а я вот широко, с размахом завтракаю, жаль,

конечно, что без мяса. Лёня спросил: а что же вы так? Мужчина, который проработал двадцать лет своей жизни директором детского оздоровительного лагеря – эта деталь ни о чем, собственно, не говорит, просто вспомнилось – ответил: да, язва, жена пюре покупает, тоже язва еще та. Раздался противный звонок, это прискакала газель, навьюченная посылками. Женя ползлелся открывать створки двери, они открывались нажатием на пластиковую кнопку, напоминающую цветом кожу Мурзилки. По горке, по горке скатились тюки, и мужской надрывный голос посоветовал: эй, чешежепецы, принимайте!

Евгений управился самостоятельно, словно мужчина был первоклассником, который на момент первого сентября умел писать и составлять взрослое резюме на работу. Холщовые мешки он отнес в комнату ожидания, там хранились посылки, пока не занесенные в базу, там просиживал штанишки системный администратор по прозвищу Немо, правда, его Леонид ни разу не видел. Женя молот языком зерна речи, расспрашивал и расспрашивал, пока таскал мешки: друг, ну, как там с детьми, не решились еще? Лёня ни на что не решился, ведь решения, как правило, принимают арбитражные, верховные и прочие суды. В этом отношении парень был сознательным, он категорически не желал обречь кого-то на счастье. То есть вытягивать из несуществования нового уполномоченного по делам жизни. Он ответил: нет, мы пока не торопимся, нужно сначала с квартирой придумать, там видно будет. Наверное, ответ расстроил мужчину, потому как тот невесело усмехнулся. Усевшись за столик, сказал: логично, у меня вон дочка отчебучила, конечно. Евгений не стал продолжать, словно догадывался, что подобная недомолвка вызовет нешуточный интерес, однако просчитался. Леониду было глубоко наплевать, ведь кроме мифов Древней Греции его в последнее время мало что интересовало. Хранитель склада не выдержал первый, произнес горько, уж точно не сладко: представляешь, купила у мошенников детали насекомых, пять тысяч с моей карты перечислила непонятно кому. Парень сказал машинально: почему непонятно, мошенникам. Затем сконцентрировался на реплике, переспросил: как это детали? Мужчина показал на своем телефоне определенный фотоснимок. Лёня опешил, на темно-голубом покрывале, в самом деле, лежали детали насекомых. Гора Ямантау, составленная из полупрозрачных крылышек, шоссе, проложенное из пчелиных тушек, чащоба из лапок муравьев. – Красиво, и такое продают? – спросил молодой человек риторически. – И такое покупают маленькие девочки, а вообще всё продают, даже носок президента! – обозначил дискурс площадки, где торгуют, Евгений. И продолжил говорить: может, и хорошо, что вы не спешите заводить своих, тут важно семь раз отмерить, чтобы потом пришивать не пришлось. – Что пришивать? – недопонял паренек. – А еще вот что сегодня там нашел, – сказал коллега, демонстрируя новое объявление. В заглавии значился «череп инопланетянина». И следовал текст: «Продам череп инопланетянина, из сбитого военными в 1965 году НЛО недалеко от Керчи. Череп чистый, немного порос земным мхом и лишайником. Клыков уже нет, выпали от удара об штурвал при крушении, их военные на сувениры растащили. Сам инопланетянин смог отползти от места крушения и спрятаться, где позже и умер. Тело не сохранилось, звери растащили. Да, и это не баран, просьба людям, не разбирающимся в инопланетянах, ерунду не писать и не портить бизнес». Входящий в состав городского округа Химки вызов от мамы положил конец речам Евгения. Матушка сказала весьма грустно: у бабушки случился инсульт. Леонид спросил: у чьей? Она радикально высказалась: ты клинический просто, поедешь к ней, я потом приеду! Звонок неожиданно прервался такими словами: оставайтесь на линии, или перезвоните позже. И заиграла мелодия под названием «свой среди чужих, чужой среди своих».

Юноша с архетипом рахитичного героя не испытал, в общем-то, потрясения от новости, которую принесла мама Сорокина. Но все-таки, когда на склад зашла Вера Ивановна и спросила, хочет ли кто-то глазированный сырок, он гомерически рассмеялся. Начальница недоуменно посмотрела, на ее губах блуждала улыбка, никак не могла выйти к цивилизации. На складе сделалось душно, синий фирменный комбинезон прилипал к телу, вел себя по-скотски, одним словом, впрочем, дефис. Руководительница спросила уже не про сырок, а про состояние российского образования, в смысле о самочувствии Леонида спросила: все хорошо, милый?

Евгений проболтался, хотя телефонный разговор был делом не его ума: у бабушки несчастье, наверное, наш храбрый почтальон уедет! Причем здесь храбрый, не храбрый, подумал молодой человек, что за ерундистика. А вот Вера Ивановна как будто прониклась трагедией подчиненного, сказала, потрепав парня по голове: ты чего, не кисни, один мальчик тоже довел бабушку до инсульта, ходил за ней весь день, говорил – молись и кайся, оказалось, что хотел посмотреть малыша и Карлсона. Женя неуверенно хихикнул. Женщина произнесла на ухо юноше, чтобы он ничего не перепутал: ты вот что, поезжай, отгул я тебе оформлю, недели тебе хватит, надеюсь. Леонид прикинул в уме, потом прикинул на пальцах, даже посчитал на деревянных счетах, одобрительно кивнул. И покинул рабочее место раньше положенного.

Перед тихим часом, ведь Полина собирала в дорогу до самой ночи своего гражданина мужа. Спать оставалось всего ничего. А муж был сосредоточен, точно занимался нумизматикой. Перед тихим часом Лёня, забравшись на подоконник, покуривал в приоткрытую форточку. Просторные семейные трусы колыхались, напоминая пиратский флаг, хитро прищурился череп с зажатой в зубах динамитной шашкой. Череп располагался прямо на заднице, поэтому Поля не преминула сделать словесный укол: задница, задница, встань ко мне передом, а к лесу задом. Юноша забычковал сигарету в банке из-под шпрот, отправил ее, как сбитого инопланетянина в последний полет, прямо в окно. Сожители проследовали в постель, предварительно почистив зубы. Отчего-то на сайте железнодорожного вокзала было указано, что продажа билетов осуществляется очно. – Хотя бы не проспишь, а то купишь, а завтра проспишь, а так приедешь, купишь и поедешь, как Одиссей, а я тебя, наверное, дождусь, – оповестила девушка. Сладко, словно ромовая баба, зевнула. Сказала какую-то подзабытую вещь: я слышала, у вас есть талант, это было в прошлом году, в этом я просто пытаюсь выжить. Сонно посмеялась своей же шутке, провалилась в сневиденческую прорубь. Лёне сделалось прохладно, Полина перетянула все одеяло на себя. Собственные грезы долгое время не посещали. Вот эта навязчивая мысль: а все-таки была ли неблагополучная семейная обстановка когда-то давно, когда-то тогда – запускала процессы думанья. В беспокойном сне привиделся субъект, состоящий как будто из насекомых. Глаза-улитки медленно тянулись, чтобы получше рассмотреть юношу, белые усики-личинки шевелились. Шляпа, плащ, все было в движении. Он приложил свой палец – зеленую, мохнатую гусеницу – к губам, которые являли собой Венерину мухоловку. И призвал тем самым к тишине, потому что Хрюша и Степаша совсем постарели, и некому теперь было следить за малышами беспокойными ночами. Ночами хрустальных мечей.

Глава 3 **Отсюда – Сибирь**

Гобеленовый ковер с изображенными полуголыми, атлетически одаренными мужиками в белых набедренных повязках красовался на стене возле комнаты милиции. Бурое пламя факелов, которые держали над своими кучерявыми головами данные спортивные мужички, рифмовалось с кошковой шерсткой. Животинка возлежала на широком подоконнике цвета марлевой повязки. Девочка и мальчик, по внешнему виду двойняшки, неистово гладили кошку своими лилипутскими, липкими от сахарной ваты ладошками. Мурка, в свою очередь, пытаясь быть независимой, как Ирландия от Великобритании, срывалась на шипения и откровенную агрессию. Быть может, она предпочла бы бесконтактные поглаживания, быть может, не с этими людьми. На вокзале слышался запах выпечки, помноженный на двузначные, а то и на трехзначные числа. Стоимость билетов на поезда дальнего следования отчего-то подскочила, точно противопехотная мина-лягушка. С чем был связан этот отрицательный рост цен, оставалось загадкой даже для Агаты Кристи. Билетёрша в окошке читала книгу «Тайна голубого поезда», слюнявила пальчик, чтобы перелистнуть страницу, кажется, была кем-то занята. Об этом свидетельствовало серебряное кольцо на безымянном персте. То есть у перста как бы не было своего имени, чудны пути господни, в общем-то, да.

Редкие пассажиры имели лица, словно искусанные шмелями, иными словами, гранатометами. Они бродили, точно лунатики по вокзалу, глядели на электрическое табло, кто-то дремал. Например, вот нимфа с бледным круглым лицом в красном длинном пуховике дремала, скрючившись в кресле, словно буква зю. Она похрапывала, а получавшийся звук был таким: фу-фу-фу-фу. Конечно же, выделялся гражданин с глазами-аленькими цветочками, пребывающий в обеспокоенном расположении духа. Заскорузлыми пальцами он теребил прямоугольный билет, складывал его пополам, разворачивая, что-то шептал, подносил близко к глазам, вчитывался. Возбужденный, как рота солдат при виде девушки в короткой юбке, он суетился возле ковра с мифологическим сюжетом. Леонид, проходя мимо, нечаянно наступил ему на ногу. Однако гражданин даже не заметил, продолжая демонстрировать шепоты и крики. К рукаву воронного пиджака пристала использованная, словно творческий потенциал наивной практикантки, жвачка. Мужчина в своем костюме напоминал школьного учителя – седой одуванчик волос, милые причмокивания, – он как будто искал обретенную мысль. А потом, соответственно, закричал: счастливый! И принялся жевать свой проездной документ. Подошла уборщица с повязанной на голове косынкой, укоризненно сказала гражданину: Кокорякин, что ж у тебя все счастливые падаются, сколько ты уже выехать домой не можешь! Потом она обратила свой взор, свой удивительный взор, лучащийся такими, как бы красными лазерами, на молодого человека, сказала: вы не обращайте внимания, этот замечательный ученый приехал на конференцию, и на конференции опозорился так, что сбрендил. Лёня поправил вещмешок за плечами, кожаная черная куртка давила в груди. Молодец расстегнул молнию, процесс расстегивания походил на причинение компрачкосами улыбки Гуинплену. Свитер крупной вязи заинтересовал тетушку: ой, какой хо-рошенький, вы похожи на геолога, вам так идет!

Кошка, наконец, вцепилась в лицо одному из двойняшек, упоенно крича, она кромсала столь прекрасное неоперившееся создание. Создание верещало на своем детском диалекте. Уборщица обратила внимание на это досадное происшествие, тем более что на черно-белую плитку, напоминающую шахматную доску, полетели тромбоциты, лейкоциты, эритроциты. Отмывать частицы ребенка женщине чрезвычайно не хотелось. Труженица тыла извлекла из-под синего плотного халата со значком желтого смайлика на груди серебристый свисток. И принялась дудеть в него, правда, киска не прекратила играть на уничтожение с мальчиком. Вместо этого на мелодию начали стягиваться мыши, пораженные музыкальным вкусом тетушки. Два, три, десять грызунов со слезливыми блестящими глазками внимательно слушали. Насвистывания походили на звуки, производимые женщиной-убийцей с белой повязкой на глазу. Эта хладнокровная исполнительница цокала каблучками по больничному коридору, рука в изящной перчатке сжимала длинный красный зонтик. Губы округлились, цок-цок в палату Умы Турман, цок-цок, гражданка киллер. Кажется, к происходящему нарушению целостности ребенка все были равнодушны. Никто не стремился преодолеть горизонт событий, ни охранник, отвлекшийся на плановый обед, ни случайные свидетели Иеговы, скучающие на вокзале в своих жалобных одеяниях.

Билетерша с темно-серыми короткими волосами выглянула из окошка. Синие тени отца Гамлета на глазах, голос повелительного наклонения. Служащая воскликнула: билеты на Сибирь кончились, Мурзик, твою-то мать! И кошечка прекратила неспортивно себя вести, отлипнув от ребенка. На вокзале послышался недовольный рокот космодрома, земляне сразу же загомонили: «как же я поеду в свой Усть-Илимск», «а Сибири совсем теперь не будет?», «это издевательство какое-то». Пострадавший рыдал, его сестренка успокаивала: это плохой котик, ты ни в чем не виноват, тебе нужно проработать свою травму, идти дальше. Со стороны буфета неслась на всех парах, сбивая граждан, дамочка. На дамочке были облегающие штаны цвета угля, шнуры ее высоких армейских ботинок развязались. Барышня, по всей видимости и невидимости, приходилась матерью двойняшкам. Ее напудренное, бледное, точно у донора со стажем, лицо выражало, как показалось молодому человеку, нешуточное волнение. Ей бы заниматься

недвижимостью, продолжал размышлять Лёня, лечь в теплой постели, не двигаться целый день, слушать приятную музыку и спать. Вместо этого владелица двойняшек была вынуждена решать вопросы сохранения здоровья детей. Привлекательная мамочка поинтересовалась у присутствующих путешественников: господа, у кого есть подорожник? Кокорякин, к всеобщему удивлению, протянул зеленую пластиковую карту с божьей коровой. Тетушка уборщица, глядя на него, радостно сказала: Кокорякин, так ты петербуржец, а скажи что-нибудь по-петербургски! Мужчина, почесав пористый, как после поражения шрапнелью, нос, произнес: вы бы поместились в три пакета. Израненный мальчик перестал реветь, спросил у матери: я не понял шутки, причем здесь пакеты? Женщина ответила: я тоже ничего не поняла, странный какой-то дяденька, пойдемте, я вас умою. И семейная чета проследовала к платным туалетам. Возможность его посещать бесплатно была только у держателей билетов. *Ce sont des ordres tristes.*

Леонид плюхнулся, как капля шампуня на ладошку, плюхнулся на скамейку, и решил повременить с обращением в религию паникеров, которые осаждали окошко кассы. Билетерша благоразумно выставила табличку: на Сибирь билетов нет! Она спряталась в недрах своей каморки, кажется, не желая общаться с пассажирами даже из жалости. Гражданин с высоким лбом, редкой, словно Атлантический морж в Арктике, бородкой, в синей куртке с мехом, в так называемой «аляске», говорил, пробираясь сквозь пассажиров: пропустите, я доктор! Некая бледная дамочка, как будто проявившаяся с фотографии из прошлого века, поинтересовалась у него: ну и что, что доктор, человечество создано такими вот докторами, и это разве дает право определять женщину не как таковую, а лишь по отношению к мужчине? У скандалистки была прическа-каравай, наверх она даже кого-то любила, правда, не выбрала. Иначе к чему вступать в словесные дебаты с незнакомцами. Ее глаза голубовато-изумрудного цвета, цвета плесени в датском Донаблю, сверлили в докторе отверстие, в которое с легкостью поместился бы троянский конь. Впрочем, словоохотливая гражданка сама была троянским конем и баламутила теперь и без того волнующихся пассажиров. Мужчина не спешил скрещивать с дамочкой свою интеллектуальную шпагу, вместо этого прижал портфель к груди, точно защищался, сохранял нейтралитет, остальные посетители вокзала следили, словно за гладиаторским поединком. Тетушка-уборщица тихо посвистывала, и у Леонида создалось впечатление, что действие происходит на полудиком западе, меланхолично катится перекати-поле, затаились птицы. Дамочка первой выхватила фразу из кобуры: а вы доктор чего, я могу поинтересоваться? – Доктор философских наук, – тихо произнесла куртка «аляска», гражданин исчез в ней, даже руки, вцепившиеся в коричневый портфель, и те пропали. – Очень интересно! – крикнула наשמלילו тетка. Из кармана ее сиреневой британской шинели торчала рукоять кортика, рукоять оплела золотистая кобра. – Симона Валерьевна, прекратите нервировать пассажиров! – воскликнула билетерша. Все посмотрели на окошко, торговка проездными документами вновь спряталась в своем убежище.

Лёня подивился поведению любительницы детективчиков, вела она себя по-ребячески. Вещмешок стоял подле скамейки, напоминая холм, поросший мхом. Пальцами с неаккуратно обгрызенными ногтями молодой человек погладил кадык, на котором проступили, словно грачи на картине «грачи прилетели», проступили черные жесткие волоски, кто же так бреется, что все остается. С детской поры, когда поры на лице были расширены, а нарывы чудовищным образом кровоточили, пуская багровые ручейки по воротнику рубашки. С тех самых времен, это еще бабушка говорила: кто на тебя посмотрит, страшилище, тот сам делается страшилищем. Любовь к зеркалам сменилась на брезгливость, Любовь к зеркалам сменилась на Веру в то, что бритые на ощупь не лишены смысла. Даже в глади борща другой Леонид не нравился этому. Народное восстание откладывалось до лучших времен. Симона объявила, что она тоже доктор философских наук: я тоже доктор философских наук, еду я в Читу, но два дня не могу, понимаете ли, какое дело. Пассажиры сочувственно закивали, выражая коллективную мысль: да, помотало тебя, мать, раз ты не можешь добраться до своей Читы столько времени, за столько времени ты и не поняла, что и Чита, и философия – это все сплошная тщета. Все они как-то быстро притихли, передумали линчевать молоденькую девушку, верно, пришло понимание, что билетерша может

потом вернуться, чтобы плюнуть на могилы обидчиков. И посмеяться последней, и разгадать тайны смеющихся слов. В общем, граждане на вокзале перегорели, как малолетние волонтеры в питомнике, почувствовав стойкий аромат жизнедеятельности собачек. Скороспелые мысли Леонида о том, что бритва-то позабыта, вызвали горькую улыбку, забыта была не только бритва, но и хозяйственные принадлежности для умывания. Косметичка осталась одиноко лежать на стиральной машине, Полина отвлекла. Спросила что-то про писательницу Тэффи, у которой был юбилей. Сожительница поинтересовалась, можно ли Николая Васильевича считать предтечей Надежды Александровны. – Нет, не можно – ответил парень. А после подумал о бабушке, с которой, пожалуй, не хотел бы встречаться. То есть нечастых поздравлений с Новым годом вполне хватало для того, чтобы не погружаться в бездны детских травматологических переживаний. И неизвестно еще, помог ли наложенный на психику гипс.

На вокзале чай-то голосок вывел, подобно тому, как персонаж с огненным светильником вывел граждан из тьмы, так же и голосок помог покинуть молодому человеку пещеру грустных раздумий ни о чем, и обо всем сразу. Девчонка сказала: мама, а дай мне хлеба, у меня в сыре нету хлеба! Женщина ей отвечала: неправильно ты, тетя Феодосия, бутерброд ешь, потому что вместо хлеба необходимо просить зрелищ. Цитата, заслужившая внимание Леонида, принадлежала даме, на которую он незамедлительно посмотрел. Как много в этом произведении разных дам, барышень – кажется, автор закичился на женском роде, словно страдает синдромом Адели, эта его одержимость прекрасным потолком неизвестно чем закончится. Ладно, возвращаемся к женщине, чья цитата привлекла Леонида. Мать ребенка была обладательницей коротких рыжих волос, наливных яблоч вместо щек. Она сказала своей дочке, грустной какой-то, в сарафанчике с оливковыми веточками: Лапанальда, я расскажу тебе одну невеселую историю о том, как твой папа-полярик на льдине ушел в открытое море и не вернулся. Девочка воскликнула: это я уже слышала, это неинтересно, расскажи лучше про зеленых человечков! Леонид подумал, что мамочка напоминала жителя мезонина из Швеции. Те же белые брюки с ляжками, та же фисташковая кофточка. Дама сказала этой шмакодявке: может, тебе про голос Америки в китайском радио рассказать? Дочка не поверила: а такое бывает, в смысле, такое бывает? У юноши затекло ухо, в которое он подслушивал. Билетерша покинула территорию кассы, оповестила присутствующих: я схожу к начальству, никому не двигаться, извините! И застыли в странных позах люди, как будто происходила игра под названием «море волнуется раз». Кроме Кокорякина всем удалось изобразить соответствующую положению в обществе фигуру. К примеру, уборщица показала пассажирам Демиурга. Ведь она являлась безусловной создательницей вещей чувственно воспринимаемого вокзала.

Молодой человек закемарил, а когда пробудился от кошачьих коготков, тяжести ее тушки на своей груди – таким образом, она похищала дыхание, между прочим, – возвратилась девушка, продававшая проездные талоны. Она поддумянилась, точно гусь с яблоками, пока посещала руководство. И воспроизвела такую нелепицу своим пересохшим, словно горный ручей, ртом: у нас начальство заболело идеей, ушло на больничный, но я нашла завалявшиеся билетки, правда, их всего несколько, и они в разные города. Женщина с дочерью Лапанальдой, наследуя принципам своего зарубежного брата, воскликнула: никакого спокойствия, я вообще-то в положении, уступите мне все! Она встала, демонстративно погладила свой поспевший живот-дыню. Субъекты обоих полов, облаченные в темные строгие костюмы, хором возразили: сестра, дал бог зайку, даст и лужайку, не спеши, нам бы только до Братска добраться, там у нас встреча общины. Карлсон, который ждал второго малыша, заругался на фанатиков. Симона, успев распустить свою прическу-каравай, задала резонный вопрос билетерше: и как мы будем решать это недоразумение? Мужчина в синей Аляске поддержал свою философичную коллегу: да, будьте любезны, проясните! Читательница «Тайны голубого поезда» пригладив свои темно-серые короткие волосы, предложила: я предлагаю тем, кому нужно ехать в такой-то и такой-то город, сыграть в камень-ножницы-бумагу. Леониду как раз нужно было в такой-то город, и это было удачное стечение обстоятельств.

Женщина в расцвете силенок с легкостью одолела докторов из мира эйдоса, используя одну-единственную комбинацию. Ведь согласно японским исследованиям, те индивиды, кто побеждает в текущей партии, с высокой вероятностью повторят действия в дальнейшем. Совершить победоносную серию беременной дамочке, которую придумала Астрид Линдгрэн, помог средний палец. В то время как философ номер один выбрасывал ножницы, ему отвечали средним пальцем, против которого аргументы не придумал ни Кант, ни Гегель. В свою очередь философ номер два выкидывал камень, приговаривая: по логике, если мы проиграем, необходимо явить знак, который бьет последний победный знак оппонента. Бульжник неминуемо разбивался о то же самое. Философ номер один робко показывал бумагу, наивно полагая, что если он выиграет, то гарантированно очутится в плацкарте, а то и в купе. Однако это не совсем верно, играли-то до трех побед. А женщина с короткими рыжими волосами упорно побеждала. Настал черед Леонида, он избрал выжидательную тактику. Пока пассажирка тыкала ему в лицо средним пальцем, парень сохранял полное равнодушие, в конце концов, соперница не выдержала, сказала: а вам в такой-то город, если в такой-то, то нам без надобности, берите свой билет, но помните, что я выиграла! Билетерша радостно объявила: и у нас есть два победителя! Она подошла к женщине, спросила: как вы планируете распорядиться своим призом? Сестра Карлсона ответила: я выбираю автомобиль. Хранительница проездных документов сказала: к сожалению, у нас только три разных города. Дамочка не растерялась: тогда я отправлю свою дочь, все лучшее этим, а когда родится мальчик, я ему тоже билетик, и про себя не забуду, но все лучшее этим.

Леонид несколько устал, камень, ножницы и бумага сложились с беспокойством от предстоящей поездки, вот и получилось несколько устал. Поэтому юноша вышел на перрон, где заканчивалась весна. Где ткань повседневно, из которой пошили платье на дородную женщину, облегла красивые изгибы тела так называемой природы. Все-таки почтальон был живым человеком, такую пригожесть пропускать зазорно. Вдоль платформы прохаживались прихожане, прихожане чего, что это за церковь, молодой человек не знал, во что верят эти люди. А также не знал, какие мысли бытовали в их головах, – как говорится, сплошные Потёмкины. Ворона металлически каркала, сидя на желтой скамейке. Леонид кое-что вспомнил, мама рассказывала, в детстве, еще задолго до высылки в Сибирь, он говорил вместо каркала – какала. А вместо фашистов – пушисты. А еще говорил Напапусь вместо... вместо чего, Леонид не вспомнил. Букву «р» с тех пор он так и не освоил. Сколько бы логопед ни рычал на мальчика, мальчик не воспитался волком и не пополнил ряды детей Маугли. Что за чудесные времена беззаботной болтовни ногами с дивана, созерцательные времена мультипликационной вакханалии по телевизору. Столько подробностей, казалось, утеряны в тетрадках памяти, молодой человек прикручинился. На перроне по-прежнему была весна, по-прежнему железнодорожный состав не шел. Прежний Лёня пытался солидаризироваться с нынешним Лёней, но пропасть меж ними напоминала протяженность китайской стены.

Сейчас в нашем произведении будут фигурировать физиологические подробности, мы бы хотели разбавить сухое, словно сухарики «три корочки», описание чем-то живым. Леонид услышал всасывание, рядом стояли двойняшки, на одного из которых было совершено нападение. Детишки пили, точно африканские комарики-переростки, через соломинки томатный сок. Они были оставлены матерью вновь, как будто их матерью была Лилит, первая жена Адама. Девчонка сказала с видом знатока своему братику: когда-нибудь тебе придется прятать себя маленького в себя взрослого, подумай об этом. Она опустошила свой пакетик, который тут же с легкостью метнула на рельсы, показав этим поступком свое отношение к обществу. Леонид, будучи неконфликтным молодым человеком, почему-то оскорбился поступком девочки, поэтому начал заниматься с ней диалектикой, сказав: а вот дворники, ты не подумала, что дворники эти замечательные люди, которым потом убирать твои фантики. Так сказал про дворников герой неспроста. У него была написана определенная повесть, называлась: вышел дворник из тумана. Написал он эту повесть, когда работал на муниципальные службы и был еще чрезвычайно мягким, словно родничок младенца, человеком, но это совсем не относится к делу. Теперь же он стал мужественным и

надежным мужчиной, наверное. Девочка ответила вопросом на вопрос, как сами знаете кто: а вам не кажется, если люди будут относиться друг к другу в соответствии с тем, как они пишут электрические письма, то есть добрый день, будьте любезны, чего уж там, добрый вечер, то мир выиграет больше, чем если мы откажемся мусорить? Какая некультурная девочка, подумал юноша. Ее братик спросил у нее: а почему кровь по вкусу железная? На его детских губах возропала кровь. Эта вечная жертва обстоятельств, братик, которого сперва покусала кошка, а потом он покусал по незнанию свою плоть, стояла и хлопала глазками, ожидая ответа сестры. Что же могла ответить рассудительная некультурная девочка, она сказала: это потому, что мы роботы.

Послышался пронзительный гудок, Леонид не был впечатлительной Феклушей, чтобы поражаться «огненному змию», поэтому и не поразился, когда вдалеке показался глаза паровоза. Также Леонид не был закаленным плацкартами, поэтому волнение все же присутствовало. И даже мысль девочки о новом национальном языке, которым должен был стать язык электрических писем, не смогла отвлечь от ожидания долгой дороги. На соседнем перроне оказалась мать потеряшек, из ее ушей валил пар, валил на подельников, все у нее были виноваты, только не она. Шнурки на своих высоких ботинках дамочка, кажется, завязала. Принялась вопить точно резаная, да, женщина не была Леонидом Рогозовым, который, как вы помните, в условиях крайнего севера провел сам себе операцию по удалению аппендицита. Барышня кричала через пути, видно, переживая за двойняшек: педофил, уйди от моих детей! Мужчина в дымчатом плаще обеспокоился, он, неестественно вышагивая, направился к Леониду, при этом стал выговаривать что-то нравоучительное, то есть: как не стыдно, гражданин, приставать к ограниченными существам. Субъект напоминал сомнамбулу, вкочущие, диковинные звуки, рождаемые неравнодушным пассажиром, испугали парня. Внимание матери детишек перекочевало, точно Кандинский в Европу, перекочевало на мужчину: так, вы тоже уйдете от моих детей, милиция!

Тем временем краснокожий состав разделил маменьку с потомством, отныне поколения перестали понимать друг друга. Мужчина, порывавшийся защитить двойняшек, кажется, осознал, что подобными вопросами должна заниматься социальная опека. Он пробурчал нечто настолько жалостливое, что нацарапанная надпись, замеченная Леонидом на вагоне: «папа, не пей», – показалась незначительной. Проводница с анемичным лицом, остреньким носом, кофейными слезящимися глазами поставила специальную лесенку, по которой молодой человек поднялся. Чахлый, точно «тощий болотный лесок с чахлыми березками», товарищ остался. Девушка, шмыгая носом, испытывала билет на пригодность, наконец она тихо сказала: место тридцать шесть, вода для чая вскипит через час. Леонид прошел вглубь состава, посмотрел на титан, потом вернулся к проводнице, поинтересовался: а будет ли сахар у вас? Девушка предложила стокгольмский сироп, или капельку крови к чаю, из сладкого больше ничего не было. – А почему вы предлагаете кровь? – спросил удивленно парень. На перроне происходила Санта Барбара, мать двойняшек гладила плюгавого неравнодушного гражданина, дети безразлично ковырялись в носках, каждый в своем. Женщина, насколько расслышал молодой человек, сказала: а вы ничего такой, чем-то похожи на моего бывшего мужа, его задрал медведь. Жертва комплиментов потупила взгляд, кажется, мужичок даже смущенно улыбался, по крайней мере, линия губ искривилась. Проводница пролепетала, печально вздохнув: просто у меня сахарный диабет, вам как раз хватит.

Поезд начал движение, кроме Лёни никто из пассажиров не загрузился. Хотя текстуры выглядели весьма реалистично. Верхняя полка возле туалета – вот и весь результат отвоеванного билета. Если отталкиваться от метафоры, где фигурирует изобретенный Верой Мухиной сосуд, то вагон был наполовину полон. На столике лежали две копченых стерлядки, похожие на худосочные тела измученных третьим рейхом граждан. Отчего-то юноше при взгляде на них вспомнилась хроника, посвященная узникам концлагерей, ее часто показывали в школе на факультативе по биологии. Половинка бледно-желтого лимона, полупустая бутылка

«Столичной». На нижней полке восседал кудлатый мужичище, восседал по-турецки на васьковом пледе. На нем был темно-синий халат, такие халаты по обыкновению носят рабочие на заводе, белоснежная майка, правда, с красным пятнышком на груди, как будто насытившегося комара прихлопнули. А борода товарища, хотя Леонид и не знал, товарища ли, напоминала громкостью крик: Серега, скинь попить! Попутчик смотрел своими слезящимися глазами, язык с привязи не спускал. Лёня перевел взгляд на тыльную сторону его кисти, на ней была синяя наколка: «север». Мужчина сказал: вот, север. И выжидаяще уставился, состав набирал ход. Две соседние полки были свободны, юноша сел, сказал: ладно. Субъект неожиданно произнес, он самую малость картавил, однако дефекты дикции совершенно не мешали воспринимать речь: а вообще мы пломбы в зубах этой истории. Молодой человек спросил: какой-такой истории? Мужичище повернул свою вихрастую, с вплетенными в нее седыми ниточками голову прямо на читателя, хитро сказал: а вот эту. Бюджетный художественный прием вызвал приступ зевоты у Лёни. Он поспешил за постельным бельем к проводнице.

За окном посмурнело, в проходе зыбились пяточки пролетариата, свесившиеся с полок ноги, шуршали наподобие веточек человеческих деревьев. Дверь в купе железнодорожников оказалась запертой. У Леонида стали тяжелеть веки. Он топтался подле титана, услугами которого так и не воспользовался. Сонливость нарастала – раз, желание спать усиливалось – два, лишь слышался мерный стук – три. На счете четыре ключ залопотал в замке, на пороге стояла проводница. Ее воспаленные от слез глаза, не мигая, все-таки не семафор, смотрели отрешенно на молодого человека. Ее помятый полуночно-синий френч был признаком расхлябанности, плакса молчала. Вялотекущий Леонид мысленно попросил: выдайте мне, пожалуйста, белье. Девушка так же в уме сказала: что, какое белье, а, щас. И отвернулась, как жена-консерватор от мужа-либерала, принялась копаться в шкафчике, потом вручила постельные принадлежности. Наволочка, пододеяльник, простынь были настолько лилейными, что кошмар. Парень даже подумал, куда он такой чумазый, даже щетку с пастой забывший, словно ребенок, которого посадили, а выкопать и не удосужились. Источники света в поезде захворали, впотьмах Леонид брел к своей полке. Желание рухнуть и уснуть было сильным, таким же сильным, как брежневский поцелуй. В проходе бегали дети в белых плавках и маечках. Храпели – казалось, вот-вот испустят дух – люди. Добравшись до своего места, Лёня вскарабкался на верхотуру, оттуда открылся чудный вид на площадь Монмартр. Постель долго не желала вытаскиваться из пакета. Леонид заметил сиротливый черный носок, написанный как будто маслом, он валялся там, под столом. Сосед куда-то удалился. Извлеченная накрахмаленная простынь путалась и путала юношу. В ней было много крахмала, поэтому она казалась родственницей картошки. В своем запутывании она была подобна дедушке, запечатленному в любительском ролике. Его там спросили: который час? А он ответил: минут десять, пятнадцать, минут пять пятого, четыре, пять, десять пятого. Вымотавшийся Лёня задрых, так и не выполнив поставленных задач.

В первой фазе сна, когда его качественные показатели не равнялись по части жирности сорокапроцентной сметане, он слышал диалог соседа и проводницы – кажется, проводницы. Мужской голос успокаивал: что ты плачешь, ты же утонеешь, знаешь, причинно-девственные связи разорвать очень легко, а потом вы так рыдаете, кулёмы, а надо было думать. Девушка протестовала: что вы такое несете, я просто принесла вам пивные напитки, как вы заказывали, соблюдайте субординацию. Сказав это, милочка начала всхлипывать. Всхлипы звучали, казалось, над самым ухом, проникали в самое ухо, подобно Жаку Иву Кусто в труднодоступные впадины. Из осмысленного, но не осмысленного в должной мере, Леонид услышал: меня, кстати, Дионис зовут, прикиньте. И снилось Лёнчику нечто романтическое во второй фазе, школьные дни ему снились, влюбленности всякие. Было чрезвычайно душно, потливо. Да, в жару девочки, как правило, покупают себе вентиляторы, а женщины выбирают отморозков. Наверное, проводница плакала из-за такого необязательного субъекта, впрочем, Лёня не хотел развивать эту мысль, ему снилась общественная девочка Вика, красивая.

Глава 4 Электорат весны

В полную силу на небе светил Пушкин, каникулы и не думали приближаться к школе. Но если бы они все-таки решились приблизиться в этом апреле такого-то года, то педагоги заподозрили каникулы в подозрительном поведении. И непременно вызвали соответствующие органы. Поэтому школьники безропотно переносили все тяготы лишений, глядели растрёпанными глазами на учителей. Мыслями, конечно же, пребывали за гаражами, неслись по улицам, где плыли ленивые льдины. И даже в этом лунном звуке Л, казалось, кроются ответы, как будто в шпаргалке, почему бы нас не отпустить сегодня пораньше с уроков. Громкая связь шуршала, потом говорила, громкая связь. Можно было предположить, что качество звука измеряется в банках, которые связует длинная нить. Какие такие банки, две консервные банки, подумал невесело Лёня, ученик такого-то класса.

Вошла учительница химии, хотела задать вопрос, задала вопрос, правда, он был неудобен, как одежда, из которой ты уже вырос. Она задала уровень своим вопросом всем вопросам, которые должны будут звучать в олимпийской программе: кто сегодня дежурный? С Леонидом сидела девочка Вика Ложкина, ее называли Вилкой, соответственно, Ложкиной. Она была взбалмошной, рыженькой, вместо того чтобы носить, как все остальные дети, юбку синюю или брючки синие, пиджачок синий, она носила, конечно же, тоже все синее. Но вот, нет-нет, да-да, в гардеробе встречалась совершенно запрещенная деталь. Допустим, губная помада с блестками. Когда в гардеробе помимо колготок в сетку, розовых ошейников еще и губная помада с блестками, не только хиленькие одноклассники, но и трудовик возбудится. Леню посадили на два года с Вилкой, потому что дамочка не успевала по учебе. Она все ждала и ждала свой трамвай, полагая, что счастливый талончик попадетя совсем скоро. Девочка гуляла со старшеклассниками, поговаривали, что ногами. Целовалась с физруком, молоденьким выпускником педучилища. Только с трудовиком не целовалась, трудовик был все-таки пожилым, а еще от него пахло спиртными гортензиями. Счастливый билет в виде ранней беременности, женитьбы никак не желал попадаться.

Кто же был так называемым дежурным, Алла Геннадьевна, уроженка Китая, женщина с белыми гидроперидными волосами, высокими скулами, не смогла выяснить. А дежурным в ту школьную смену был мальчик по прозвищу GG Allin, любитель. Любитель, но не профессионал, как одноименный певец, эпатировать незрелую публику. Клетчатая короткая юбка Ложкиной, еле прикрывающая так называемый стыд, приподнялась. На коленке у Вики была серая аккуратная татуировка, надпись «север» и схематическое солнышко. Она показала мальчику север, но вопреки царившему там холоду, Леня вспотел, как не в себя. Запахло весной, и метели получили команду отбой, а еще запахло клеем, булочками, свежеиспеченным асфальтом. GG, обитающий на Камчатке, достал из синих брюк свой несгибаемый вопрос: Алла Геннадьевна, мы сегодня пойдем в кино классом, вы обещали? В голове преподающего человека прозвучал вопрос иного толка: где напалм, эти уроды не должны выбраться целыми? Тем не менее, совершеннейшая невозмутимость в лице, красные, как будто в свекле, тонкие губы не предприняли попользований в сторону крика. Напротив, женщина в коричневом пиджаке, словно разделяя концепцию неизбежного взросления и сопутствующим этому взрослению идиотским вопросам, ответила: на следующем уроке пишем контрольную, если все умрут, а я останусь, то пойдем в кино.

Обнаглевшая Вилка избавилась, как избавляются от нежелательных элементов в таблице Менделеева, избавилась от юбки. Розовые трусики с мишкой вызвали у Леонида приступ панической атаки. Ладочки вспотели, струйки воды текли на пол. Спустя семнадцать мгновений возле их парты образовалась лужа. Сердце ушаченно билось не на жизнь, а на смех. Ложкина была красива, как тюремное барокко, впрочем, даже красивей. Она высунула кончик языка, облизала губы, глядя на волнующегося, точно на свидании с военкоматом, подростка, дразнила. Прогавкал

на манер овчарок у вышек с автоматчиками звонок. Химичка посадила зрение отдохнуть за учительский стол. О чем был урок, никто не знал, дежурного так и не обнаружили. Все двадцать учеников направились на обед.

В столовой происходила давка на Ходыньском поле. Круглые, как дураки, но не дураки, просто буфетчицы, просто служительницы колбасы и хлеба, выдавали детишкам похлебку. Пахло ухой, не все уху ели, ведь непереносимость рыбных изделий свойственна маленьким людям. Как непереносимость, скажем, стоматологов. На стенах висели плакаты с призывами не упускать ни одной крошки, с призывами мыть руки перед приемом белков и жиров. Директор, высокий, как давление у гипертоника, прохаживался между столов, следил за правопорядком в своем королевстве. У мужчины была русая борода, подкрученные усы, он походил на Николая Второго. В сущности, он являлся Николаем Вторым, по крайней мере, так он объявил на родительском собрании всей школе несколько лет назад. И никто ему не возразил. Леонид сидел в одиночестве. Старшеклассники в спортивных костюмах – видно, только вернулись с физкультуры – стреляли мелочь. Один из них зацепился, словно рыболовным крючком, взглядом за Лёню, подошел. Лысый, с поломанным ухом, борец, он спросил: мужчина, я одолжу ваши десять рублей? И, не дожидаясь ответа, полез своими сильными, точно зависимость от мака, руками в карман мальчишки. Костяшки у старшеклассника были разбиты, алые капельки остались темными пятнышками на синих брюках Леонида. Грабитель освободил от мелочи, удалился к своим напарникам.

На красном пластиковом подносе в чашке с бульоном плавала упитанная и невоспитанная муха. Два неровных куска белого хлеба, без корочек, корочки директор попросил обрывать, чтобы ученики не травмировались, эксцессов никому не хотелось. На второе кормили пюре, сосиской и обещаниями. Обещаниями, что вот совсем скоро к школе пристроят бассейн. И дети, не все, самые одаренные, конечно, смогут плавать. Леонид без аппетита жевал мясо с привкусом бумаги, сои, говядины. Дома ожидали родители, у них начался бракоразводный процесс. Братик вернулся из армии, все говорили о том, что талантливый парень растет, окончил школу в десять лет, в одиннадцать направили в часть. Но мужчина и женщина, которые породили, – они огорчали своим поведением Леонида. В сущности, мальчик проживал с бабушкой, а брата и всех остальных он попросту выдумал, ведь был тем еще фантазером. Вилка Ложкина сидела на коленях у физкультурника. У него была квадратная челюсть, волосы набриолинены, зачесаны назад, сверкают. Ровные белые зубы, улыбка, точно фокусы с колодой карт, заворачивала. Девушка смеялась сальным, как голова самого Лёни, шуточкам. Вишневый компот символизировал распутность этой особы, сладкий, недоступный. Потому что подошел второй старшеклассник, такой же лысый, как первый, с лунными кратерами на лице, и отобрал напиток, поблагодарив: спасибо, мужчина, вы очень любезны. Николай Второй предложил считать Российскую империю непобежденной, а также предложил считать прием пищи окончанным. Лёня пошутил про себя, интересно, если Вилка выйдет замуж за физрука, чем закончится их первая брачная ночь. Очевидно, он скажет: три-четыре, закончили!

Ученики такой-то школы в таком-то неблагоприятном, по мнению участкового, районе разбрелись по классам. Алла Геннадьевна переоделась в специальный костюм для проведения контрольных. Он представлял собой лабораторный халат мышинного цвета. Во время процесса думания школьники нередко выделяли опасные вещества. Атмосфера, точно губка для мытья посуды, покорно впитывала все эти умственные соединения. Педагог со стажем посмотрел в окно, Пушкин по-прежнему грел, даже сквозь слой нетканого полипропилена ощущались весенние лучики. Перед оглашением регламента, один ученик влез со своим вопросиком. Этот научно подкованный Борис в громадных очках всегда выражался по-особенному. Напрямую он никогда не говорил, его речь напоминала сколиозную спину. Вот и сейчас мальчик с пробившимися, как успешные певички, усиками над верхней губой спросил: Алла Геннадьевна, Алла Геннадьевна, что такое диалектика души? Женщина не спасовала перед столь образованным юношей. Напротив доски в своем лабораторном халате она перевела взгляд на ботаника, ответила: это, милый мой,

трудная работа от ощущения к чувству, от чувства к мысли, от мысли к убеждению. Кажется, учительница высказала все, что хотела. В классе повисло молчание. Вилка, Леонид и прочий электорат весны ожидали заданий.

Китайская женщина сказала: перед тем как я открою створки доски, мне бы хотелось, чтобы каждый ученик класса написал коротенькое сочинение. Дети посмотрели на коричневую доску, ее закрытые половинки напоминали панцирь древней черепахи, потраченный жизнью, словно лотерейные билетки, которые продолжают и продолжают скоблить монеткой руки, не верящие, что приза не будет. На видимой классу части доски ученики могли видеть вопросы, связанные с атомами химических элементов, молярным объемом газообразных веществ. Лёня догадывался об ответах, однако из приоткрытого, как секретные архивы, окошка повеяло женой резиной. Послышался протяжный кошачий крик, ему вторили прочие кошачьи крики. Так называемый полифонический оркестр. Алла Геннадьевна сказала: как хорошо, дети, что сегодня у нас два урока, на второй будем решать контрольную работу, а на первом пишем донос на соседа по парте. Присутствующие несколько озадачились от поступившего предложения, кляузы было не принято писать в их коллективе. Но химичка, предвидя бунтарские настроения, заверила: в школе участились диверсионные мероприятия, мне важно знать, что делали лично вы в прошлый четверг, а также прошу написать о странном поведении ваших однокашников.

Леонид после оглашения темы закашлялся, поперхнувшись слюной. Поднял свою правую руку, на которой висели часы casio на металлическом браслете, спросил, можно ли отлучиться в туалет. В зеленом коридоре бродил скучающий дежурный по школе. Красная повязка на рукаве была призвана возвысить этот долговязого, лопухого школотрона среди прочих. Веснушки на его щеках казались излишним дополнением к образу человека, следящего за порядком. Он, когда Леонид проходил мимо, сказал ломающимся, как девушка на первом свидании, голосом: что это мы тут ходим вместо уроков. Лёня ответил ему сдержанно, чтобы тот заткнулся. Тогда наглый ученик схватил мальчика за руку, угрожающе произнес: может, мне у тебя прописку проверить, щенок. Событие происходило возле двери с изображением черного, перевернутого вверх тормашками треугольника. Соответственно, то была дверь мужского туалета – шар, символизирующий голову, кто-то похитил. Когда случилась стычка между Леонидом и дежурным, дверь злачного места открылась, оттуда вышли два старшекласника. В спортивных костюмах, это были те же самые ребятишки, что встретились во время обеда. Архаровцы пленили лопухого школяра, затащили внутрь. Мальчик тоже зашел, ведь приступ астмы усилился, предстояло пшикнуть ингалятором, чтобы прийти в норму и сочинить для Аллы Евгеньевны так называемый донос.

Спортсмены из двенадцатого класса традиционно тусовались в клозете. Войдя в это помещение, Лёня почувствовал запах сигаретных испражнений. По кафельной стене ползла сороконожка, каждая ее лапка была обута в заморский кроссовок. Вместо кабинок облезлые перегородки. Тонкий металл перегородок был испещрён вмятинами, порезами. Вместо полноценных унитазов – отверстия. И эти отверстия пугали не меньше прозы Лавкрафта. Порой из глубины веков доносились печальные всхлипы, дикий смех. Мальчик извлек ингалятор из внутреннего кармана пиджака. Задышал полной грудью, сделав выстрел аэрозолем. Дежурный забился в угол, хныкал и вопрошал: а что я сделал, я вообще-то дежурный, дежурный я. Старшекласники переговаривались на понятном только им языке. Как будто африканский диалект с приблатненными пословицами, подумал герой нашего времени. На фоне зефирного неба пролетел самолет, оставляя за собой терракотовую полосу. Форточка висела на одной петле, на раме гвоздем кто-то нацарапал принижающие чужое достоинство лозунги. Откуда такие грязные, как портовые шлюхи, мысли у людей, невесело усмехнулся Леонид. Один из пожилых школьников сорвал голос и красную повязку с дежурного. Тот по-прежнему протестовал, но без особого энтузиазма. Один из нападавших сказал бедолаге: будем играть в древний Египет, чмо. Жертва школьной травли, плача, произнесла важную, как нам кажется, вещь: не называйте меня, пожалуйста, чмом, это унижает мою честь и достояние. Старшекласники засмеялись, не придав значения словам лопухого. А ведь я не чувствую от них опасности, – подумал Лёня. И продолжил

думать: они, словно советские рабочие из фильмов, такие работяги, которые любят пошалить, но и которые заступятся за додика, если надо.

Дежурного взяли в школьный захват, и с помощью нескольких рулонов серой, шершавой туалетной бумаги сделали мумию из паренька. Красная полоска ткани с белыми печатными буквами осталась лежать у батареи. Один из археологов произнес шутливо: сегодня же пятница, так что раскопают тебя уже в понедельник. Бог ты мой, пятница, да еще и тринадцатое, – подумал Леонид. На этот счет была одна уморительная история, вычитанная в чих-то дневниках. В истории шел разговор про английских людей, решивших продемонстрировать несостоятельность тринадцатых пятниц. Они начали строительство судна в этот день, и на воду его тоже спустили в этот день, и даже назвали соответствующим образом. Собственно, пароход разбился и утонул именно в пятый день недели. Мумия что-то бубнила на афразийском языке, ныне забытом, не изучаемом в школах. Лёня веселой желтой струей гремел в бездонном отверстии в полу. Один из старослужащих закурил сигарету, дым начал щипать глаза. И мальчик поспешил покинуть Египет.

В классе полным ходом шел процесс написания сомнительного сочинения. Кто-то вопрошал: Алла Геннадьевна, Алла Геннадьевна, можно мне ластик, я хочу стереть ошибки своей юности! Женщина, не колеблясь ни секунды, достала из-под учительского стола пачку порошка с китайскими иероглифами. Какая-то ученица принялась плакать от своих мыслей, прямо так и сообщила: они на меня давят, я не могу, нужно что-то с этим делать, эти мысли, они не дают мне спокойно спать по ночам! И выбежала, покрасневшая, как сеньор помидор, в коридор. Леонид уселся возле Ложкиной, которая, высунув язык, что-то старательно фиксировала в своей тоненькой тетрадке. На мгновение показалось, показалось на мгновение, что-то показалось. Давид Наказов, упитанный, до безобразия злой мальчик, кажется, вошел во вкус. Он строчил, по меньшей мере, доносы на всех жителей города. Учительница, заметив подобные наклонности, поощрила юного литератора. Она сказала, обращаясь к этому крупному, жилистому мальчику: Давид, какое упорство, какой задор, только в прошлом году научился писать прописью, а уже романы сочиняет, дети, скоро у нас презентация! Кто-то из одноклассников засмеялся, потому что не верил в способности Наказова, все-таки он обладал техническим складом ума. Лупил окружающих он, конечно, технично, сияяков почти не оставалось, поэтому снимать побои не удавалось. Леонид имел наглость взглянуть на темного, как чернослив, драчливого, как Германия в прошлом веке, Давида. Но в отличие от Германии, которую мы, само собой, победили, одноклассник был сверхчеловеком. Он посмотрел своими крошечными красными глазами, прошипел: я тебя деклассирую за школой. Леонид не совсем его понял, однако звучало пугающе.

В класс, не совершив традиционные тук-тук, вошла завуч. Лапидарная женщина, соответственно, выражалась она всегда кратенько, исключительно по делу. Произнесла, обращаясь к учительнице: Аллочка, сегодня пораньше можно закончить, на речке случилось ЧП. Затем ее голос похудел, то есть опустился до шепота: вообще, милиция говорит, что лучше не высовываться, они сами разберутся. Давид Наказов, как и остальные ученики такого-то класса, все прекрасно расслышали, несмотря на приемы шепота. И немедленно заинтересовались новостью, ведь в душе были теми еще фанатами повести Алексина про Алика Деточкина. В двух партах от Леонида сидел товарищ Шамиль. С ним общение было доверительным, можно даже сказать дружеским, а можно не сказать, ведь доверять сказанному детьми не всегда разумно. Как только очень страшная история начала оформляться в детективный роман, после слов завуча, мальчишки переглянулись. Характер у Шамиля был мягкий, словно печенье, когда его окунаешь в горячий чай. А голосом одноклассник напоминал Сергея Парамонова в композиции: товарищ время. Может быть, в других композициях тоже был такой же голос у этого чудесного советского певца, однако Леонид слышал только: товарищ время. Ее частенько ставили по утрам в утренней зорьке. Могло показаться даже, что это был заговор против счастливого будущего детей, которые слушали по утрам радиопрограмму. Ведь Сергей Парамонов, к сожалению, окончил свой жизненный путь весьма рано. Почему бы не поставить Дмитрия Машнина с его сигнальщиками-горнистами, например. Как бы то ни было, мальчики многозначительно переглянулись.

Китайская учительница печально сообщила классу, что запланированная презентация романа-доноса Наказова отменяется, удалилась в учительскую. Пожухлые, точно листики, школьники проследовали с вещами на выход, они перешептывались: «пойдем на речку-то», «ЧП, подумаешь, у меня каждый день ЧП, когда папка выпьет», «а у меня критические дни», «давайте, может, лимонада бахнем». Шамиль подошел к Леониду, показал пустую, точно голова, не дающая рукам покоя, тетрадь. И сказал своим этим совершенно прекрасным голоском: сдавать своих это сложнее, чем сдавать какой-нибудь экзамен. Лёня незамедлительно ответил: а сдавать бутылки это моветон. Парни посмеялись, в опустевший класс никто более не вошел, а менее чем через пять минут школа и вовсе опустела, словно по ней прошел Мамай. На площадку перед учебным заведением, прямо на асфальт в рытвинах высыпали школьники, как будто дети минутой ранее находились в кюветах аистов, и вот, просыпались. Беспрецедентная жара напоминала письма Анны Франк, всполыхнули леса. Чудаковатая учительница биологии, у которой был почвеннический характер, она поелада землю, и всем советовала. Так вот, она агитировала выходивших из школы ребят быть героями своих отчетов. Торфяной плащик эксцентричной дамочки волновался, она жестикулировала руками, напоминала: дети, завтра у нас городская контрольная, пожалуйста, подготовьтесь, я верю в вашу сознательность! Ложкина смеялась, как лошадь, с какими-то пацанами. Разные компании школотронов направились на речку, наперекор предостережению завуча. А Леонид подумал про себя весело, что недавняя диспансеризация выявила такую особенность. Во всей школе гельминты обнаружили только у двух человек, у него и у Вилки. И значило это лишь то, что в отличие от прочих ухажеров и ухверток между ними была по-настоящему глубинная связь. Которая измерялась не в банках, конечно же. Впрочем, все на свете могло быть совершенно другим, не таким, как есть в данный момент, но смысл от этого не изменится.

Подлый, как птичий грипп, Наказов соизволил плюнуть на спину Леониду, правда, плевок остался никем незамеченным из школьной ватаги. Этот поистине чудовищный акт проявления человеконенавистничества произвел огромное впечатление на воробья, который незамедлительно нагадил на витиеватую голову Давида. Кто-то из детей спросил учительницу биологии: а почему земля круглая, а мы не падаем? Ее лакричный ответ поразил не только вопрошающего, но и Леонида с Шамилем: а потому, что все прикреплены к поликлиникам. Логичная учительница взглянула на небо, улыбнулась чему-то своему, антропологическому. А товарищи пошли на речку. Жужжала газонокосилка, мальчики шагали мимо стадиона. Дрозодилы, словно члены ОПГ, стали нападать на школяров. Пришлось спасаться бегством. Остановились только на пустыре, вдаль виднелся тоскливый дуб, на нем висели вязаные куколки. Шамиль сказал: знаешь, мой брат нашел в старой больнице пачку папирос. Лёнчик пригладил волосы, жир остался на ладошках, как будто рыбу ел, он спросил: и что? – А ничего, когда их куришь, то приходят строители Беломорского канала, – удивил одноклассник. Леонид хмыкнул, что значило: ладно. Школьники миновали пустырь, миновали столько-то классов общеобразовательной, миновали повальное увлечение токсикоманией среди юношей и подростков. Школопендры, покинув пустырь, по периметру которого были натяканы таблички цвета незабудок – внимание, опасно, скотомогильник; – очутились на берегу.

Товарищ милиционер с выцветшими синеватыми буквами на ребре ладони «ЗА ВАС». За веселую армейскую службу, соответственно, был товарищ милиционер. Разгонял слезоточивыми газами праздно шатающихся граждан. Преимущественно там собрались школотроны, они с интересом обсуждали личность того, чьи ноги в брюках и летних туфлях, с отверстиями перфорации, хотя, заметим, что год созрел только до апреля. Однако странности в ногах претерпевшего некоторые лишения жизни гражданина были не всеми странностями, увиденными Леонидом и Шамилем. – Кажется, этот человек зашел в одну и ту же реку дважды, – поддал глубокомысленную реплику начитанный Борис. Вика прижималась к уже другому кавалеру, какому-то старшекласнику в кожаной куртке и больших мотоциклетных очках. Он курил и дыма извергал столько, что можно было повесить топор. Милиционер, имеющий внешность капитана

Пронина из одноименного мультфильма, наистрожайшим образом сказал ухажеру Ложкиной, чтобы он не перегибал палку на месте затонувшего субъекта, при котором не обнаружили документов, а все бирки на его одежде были срезаны. Милиционер выдал информацию, не предназначенную для чужих дрищей. Он сказал: что вы все пришли, этого еще выловили, ни бирок на одежде, ни документов, еще отпечатки снимать, опознавать.

Меж тем полуденный воздух был напоен древесными смолами. А духота, духота плавала, точно шоколадного волка из «ну, погоди», плавала лобные доли школьников. Под которыми выявлялись сероватые мозги, волнистые, но не попугайчики, узлы нервов. Искрящиеся, точно поля электрического снега. – А знаете, как называется погребение электрика? – спросил умственно развитый Борис. Ему никто не ответил, Пронин строго сказал: детишки-зайчишки, покиньте берег, Христа ради. Пот, выступающий из пор, откуда он мог еще выступать, источал кислотоватый аромат. Бульжники, галка скользили под ногами, на самой реке наблюдались ледяные островки. Кто-то радостно воскликнул: это называется заземление! Леонид взглянул на ноги гражданина без признаков слизи, из кармана его брюк выглядывала пачка сигарет «Космос». Позже, когда отпечатки пальцев субъекта сверят с разными специальными базами данных, а его личность так и не удастся установить, выяснится, что в пачке «Космоса» лежали сигареты марки «Ява». В потайном кармане на трусах пловца низкого качества обнаружат страницу из книги «Страдания юного Вертера», правда, неизвестно, какую именно. – Это чё хоть такое-то было? – спросит вдумчивый читатель, и будет абсолютно прав, его непонимание, возможно, некоторая озадаченность – сколько можно вплетать тайные символы и связывать их с обыкновенным утопленником – вне всякого сомнения должны быть удовлетворены. Впрочем, Леонид и Шамиль их удовлетворять не будут, потому что хватало вопросов других. Более приземленных, более важных, нежели детские расследования, достойные книжек Артура Конан Дойля. Нет-нет, что вы, крошечными Обломовыми в шаге от обрыва в обыкновенной истории мальчишки не были. Обрыв, судя по ощущениям, произошел еще до рождения Леонида и Шамиля, их поколение барахталось в каком-то безвременье, цепляясь за колоски, что держали в своих губах шагающие под ночным небом герои былых времен. А чтобы зажечь, соответственно, люстру, надо было дожидаться электрика. Но все электрики занимались проводкой в Москве, а Москва это далеко, Москва неизвестно, существует ли.

Глава 5 **Монстр из лапши быстрого приготовления**

Длинный поезд, как жизнь гренландского кита, мчался туда, куда ему нужно было. На бархатном черном небе зацвели звезды. Точнее, не зацвели, а их словно прибили гвоздями. Такими эти звезды получились внезапными, с неровными контурами. Металлические челюсти перемалывали останки животных, подтаявшие снежные глыбы, прочие приметы жизни. Пассажиры из окон поезда наблюдали, как порой наблюдают дети за насекомыми на муравьиной ферме, они наблюдали за полуосвященными станциями, деревеньками. О чем думали пассажиры? А хрен его знает, быть может, о том, что когда-нибудь они станут частью ландшафта, сольются с лугами, полями, оврагами. Путешествия на поездах дальнего следования навевают грустные мысли. И как бы ни было сильно неприятие, отрицание, закономерное завершение земного пути было неизбежным этапом взросления каждого человека. Хотя встречались субъекты, которые отрицали настолько, что это ни в какие ворота не лезло. Отрицали, словно город Ростов-на-Дону, твердящий на любой вопрос: да ну!

Случайные граждане, хотя никакие они не случайные, но об этом несколько позже, пребывали в вагоне-ресторане. Они обеспокоенно перешептывались, перемигивались, их взгляды блуждали, точно путники страдали синдромом дефицита внимания. Вагон-ресторан являлся местом преступления. Леонид, входивший в дюжину (за отсутствием шести) подозреваемых, выходявший

на остановке через двое суток, нервничал. Побитый чайный сервиз на темно-зеленом ковролине, если бы и принес кому-нибудь счастье, то лишь археологам. Инспекторша с внешностью, так скажем, Юдифи на картине Густава Климта, заставляла волноваться людей. У Лёни горели щеки, как будто их поцеловала крапива. Женщина в таусинном костюме, распушив перья, расхаживала по частичкам чашек и блюдец. Она страшила подозреваемых: пока мы не найдем олигофрена, который пришиб дедушку, вы все пойдете как соучастники! Молодая особа в широком джемпере цвета слоновой кости, заикаясь, обронила: вы, наверное, имели в виду Олоферна. Инспекторша посмотрела на сморозившую глупость интеллектуалку, ответила: среди нас есть специалисты по мифологии, как это трогательно! Девчонка смутилась, потянула в рот, как дите малое, рукав своей кофты. Вагон затрясло, очевидно, что наехали на останки крупного домашнего скота. Грузный, словно Санчо Панса, спутник чудаковатого Дон Кихота, мужчина с родимым пятном во весь лоб невесело сказал: кажись, по корове проехались, я работаю на забое. Двенадцать граждан (за отсутствием шести) обратила свои взоры на родимое пятно, напоминающее очертаниями Гренландию. Девушка с заячьей губой воскликнула: убийца!

Предшествующий событиям в вагоне ресторане сон Леонида был подобен индексации пенсий, то есть уровень беспокойства рос пропорционально приближению к местам, где молодой человек провел детство. Резкий запах винаща разбудил, Дионис, чья полка была нижняя, как вы помните, гладил по голове Лёню. Он говорил: братишка, просыпайся, я тут посчитал кое-чего, братишка. Парень воспринял подобное обращение близко к нюху, поэтому был вынужден расчихаться. Плацкарт качался, словно являлся бодибилдером на стероидах. Бородатый господин в красной фланелевой рубашке, какие по обыкновению носят дровосеки, неотступно призывал оценить какие-то расчеты. Леонид, переодевшись, как и подобает путникам, в рейтузы с пузырями на коленках, домашнюю безразмерную футболку, слившись таким нехитрым образом с обитателями поезда, направился в уборную. А лохматый попутчик следовал за ним, приговаривая: ты послушай, послушай, я говорю! Держатели билетов, словно ленивые голубцы, ворчали, застигнутые утренним солнцем врасплох. – Кто это такой прется самый умный! – окрысились граждане, когда Леонид по нелепому стечению обстоятельств наступал на чужие ноги. А вот на Диониса никто не злился, что в очередной раз подчеркивало его статус, статус юродивого человека, ведь кому захочется связываться с жителем небес. Хлипкая, точно здоровье у ребенка с авитаминозом, дверь в туалет захлопнулась за Леонидом. Присевший на уши мужичок не желал оттуда слезать, он игриво постучал в клوزет. Дробные удары костяшек напомнили капель. Запах ацетона, обжигающе холодная струйка воды, рычажок в кране поддавался неохотно. Баночка соды едва не брякнулась на заляпанный чем-то пол, баночка соды, выданная проводницей, поехала по краю раковины в Кисловодск. Дионис по ту сторону добра и зла и двери произнес: братец, если стоишь, то присядь, я посчитал, когда нас начнут захватывать! Юноша шмыгнул носом, чихнул, по случайности чихнул вселенной, в туалете засверкали звездочки. Они парили, словно белогривые лошадки, только звездочки. В квадратном чуть затуманенном зеркале отражалось лицо человека в березовом соку, бледное с черными кругами под глазами. Проклянулись усы, напоминающие щеточку швабры. Шипели специальные механизмы поезда, попутчик вновь постучал, какой душный попутчик. Молодой человек намочил палец, вывалял его в соде, словно рыбу в сухарях, принялся очищать зубы от налета сюрреалистического мусора. Шипение специальных механизмов поезда перебивало аппетитные речи Диониса, он говорил: захватят нас, точно тебе говорю, но вот, представь, что захватчики не будут нас кормить ни студнем, ни пирогами, а через трубочку напрямую будут закачивать питательные вещества!

Леонид улыбнулся, показав зубы своему фантомному я. Покинул комнату для отмывания загрязнившихся пассажиров, а не денег, как могло показаться на первый взгляд. Беспокойный мужчина с кем-то болтал в тамбуре, дверь была открыта, послышался голос некой гражданки, вопрошающий: разведен? Денис, смутившись, ответил: нет, ну что вы, круглый холостяк. Гражданка не унималась: вообще-то я спросила про спирт, у вас разведен он? Мужчина

ответствовал, что нет. – Раз нет, – сказала женщина, – тогда давайте ваш спирт употребим на брудершафт. Юноша бледный со взором перегоревшим, как желание напечататься в литературной газете после десятого отказа, прислушался к диалогу. Дамочка, кажется, флиртовала: у вас такая красная рубаха, вы похожи на калину красную. Польщенный Дионис произнес: я тоже, бывало, посещал места не столь отдаленные, но это все в прошлом, теперь я остепенился, что называется. Леонида грубо толкнула тетечка в майке канареечного цвета, от нее исходило тепло, словно пассажирка была монгольской шалью. Крупное, розово-малиновое лицо, точно на нем порисовали дошколята гуашью. Художественная тетка неприязненно высказалась: *pardonnez s'il vous plaît*. Юноша вспомнил уроки французского, вспомнил учительницу Белохвостикову, поэтому ответил почтительно, насколько позволяло образование: эта фраза станет последней в вашей жизни. Поезд заехал в тоннель, световые признаки дня стали призраками ночи. Женщина без предупреждения ухватила за шею молодого человека и начала выговаривать весьма желчные вещи, в ее дыхании выделялся чесночный дух, она выговаривала: ты обезображенный интеллект, плохой мальчишка, я тебя сейчас буду мучить! Вмешался вернувшийся из тамбура Денис, он заступился за нашего героя, в момент заступничества он напоминал лазерную коррекцию зрения. Этот веселый алкоголик из Бодайбо, по рассказам самого Диониса, был таким же полезным, как пресловутая коррекция зрения. Поезд покинул тоннель, точно дыхание господина с астмой, когда господин забыл ингалятор, а на нем скачет в приступе страсти тяжеленая женушка. И молодой человек увидел, что горло женщины на этот раз сжимает рука Диониса, тот смотрел на нее недобро, словно сельские жители на залетного ферзя, толкующего про зоны комфорта и какие-то аффирмации. Хабалка стушевалась, сказала охрипшим голосом: я перепутала, а сейчас смотрю, не билингва, на языке грубости не понимает.

Разошлись пассажиры, точно интересы Ареса с разными тетями, дядями, без особого кровопролития. Из тамбура вышла белокурая барышня сорока лет, по всей видимости, с ней Дионис лакал свой неразведенный спирт. На голове у мадмуазель была вермишель. А яркий, вызывающий желание послушать «Ласковый май» макияж присутствующих, кажется, позабавил. Конфликтная дама сказала, посмеиваясь: какая мерзкая боевая раскраска у вас. Спутница Дениса возмутилась, от возмущения она даже дала пощечину открытой ладонью. И женщины затеяли мордоплюйство, ломая предметы и демократию в узком кармане перед туалетом. – Ариадна Васильевна, – кричал Дионис, – куда ты ведешься на провокации! Клубок, который образовали дамочки, никак не желал распутываться. У дебоширки сползли синие шорты с акулами, на трусах золотистыми буквами значилось: «Персей». Исподнее данной марки стоило дорого, правда, встречались подделки. Ставший заложником обстоятельств Леонид был не в силах пройти к спальному месту, тетки мешали. Юноша... хотя, какой он, в сущности, юноша, вот мы говорим «юноша, юноша». А Леониду на момент описываемых нами событий было целых двадцать пять лет. Но, как говорится, *l'histoire est écrite par les gagnants*. Поэтому переписывать все наново мы не будем. Юноша взобрался на мусорный шкаф, женщины царапались, шипели. Если в поезде вам не встретился мусорный шкаф, значит, вас обманули, и вам необходимо обратиться в органы железнодорожной опеки. Проводница смогла разрешить ситуацию, вот мы говорим «проводница, проводница». А между прочим, на ее бейдже было написано «Юлия». Так вот, Юлия, преобразившись за минувшие сутки в полноценного председателя земного шара, то есть в человека, не дающего эмоциям волю, окатила дамочек водой из чайника. Те сразу зафыркали, расцепились, затеявшая безобразие тетя поспешила скрыться в туалете. Ариадна Васильевна, собеседница Дениса, сказала, тяжело дыша: свидетельство о рождении есть, свидетельство о заключении брака есть, свидетельство о расторжении брака есть, слава богу, что удалось не получить свидетельство о летальном исходе. Дионис рассмеялся, хотя и не к месту, сказал: первый мой срок произошел так же. – Тяжкие телесные? – уточнила проводница. – Подделка свидетельство, – ответил невозмутимо мужчина, уже не улыбаясь. Тюремный срок это всегда безотраднo.

Анатомически плацкартный вагон можно представить как длиннющего червяка. Но это и без автора понятно. Протяженность российских железных дорог восемьдесят пять тысяч двести восемьдесят один километр. Но это и без автора понятно. Композитору Джону Кейджу, восславившему в музыке тишину, в поезде не понравилось бы. Пожалуй, этот факт остался бы сокрыт от читателя, если бы не авторское занудство. Леонид взгромоздился на верхнюю полку, белесое пластиковое радио с черными динамиками-глазами, словно моль, докучало, терзало песнями эстрады внутренние шубы граждан. Лёня вытянулся на лежанке, смарагдовое пятнышко, чья-то сопелька, расцвела на полке для багажа. Юноша прикрыл глаза, вспомнились веки отца, в детстве, в редкие встречи, наигравшись, папа закрывал их, на одном из которых было написано: не. На другом было написано: буди. Леонид решил спускаться лишь по важным делам со своего спального места, Леонид решил поиграть в нирвану, доехать до своей станции, медитируя понарошку. Любопытно, что многие граждане с таким вот желанием – ехать-ехать, не слезая с кровати по несколько суток – уподоблялись буддистам. Были родственны товарищу по имени Пандита Хамбо Лама, который в 1927-м году в возрасте семидесяти пяти лет созвал учеников, принял соответствующую позу, застыл. По смелым предположениям неуверенных религиоведов, монах смог достичь не игрушечной, а самой натуралистической нирваны. Спустя неудержимое количество лет его тело, находящееся в той же позе, функционирует и находится на территории Бурятии. Быть может, где-то сейчас пассажир наматывает километры, медитирует, и никто не в силах его разбудить, хотя прошло-то солидно времени. Так он и валяется на верхней полке, запечатленный в картине «Прибытие поезда».

Неожиданно запахло чем-то весьма аппетитным, словно содержимым банок с консервированными шами, сухарями, шоколадом, запрятанными Эдуардом Толлем на Таймыре. Запрятанными, а спустя век откопанными, скушанными любителями старины. Особенно яростные пассажиры ругались на смеющихся хоббитов с одинаковыми лицами: вы в своем уме, зачем вы жарите селедку на открытом огне, мы же сторим! Хоббиты посмеивались, тараторили на своем вьетнамском. В проходе носилась девочка, она была прекрасна, словно карельская осень. Глаза цвета игольчатой листвы хвойных деревьев, в глазах цвета листвы хвойных деревьев мельтешила мошкара. А волосы цвета разделанной тушки лосося. Правда, лососей можно отнести к виду проходных рыб, но карельской природе они свойственны, в этом нет сомнений. Она кричала, и как будто журчал ручеек: деда, деда, смотри, у меня новый дружок! За ней плелся, задевая головой потолок вагона, товарищ, составленный из лапши быстрого приготовления. То есть случай был уникальный, мы бы даже сказали, экстравагантный. – Кто ты, дебилице? – деликатно поинтересовался у товарища пожилой пассажир. Заинтересованный Лёнчик свесился поглядеть с полки. Девчонка уставилась на пассажира, начала канючить: ну, дедушка, это мой новый дружок, мы с ним будем играть! У дедушки были бакенбарды, как у брата и жены, и детей Александра Сергеевича, такие же непокорные, густые. Своими широкими – примерно как у двух взрослых, если бы их четыре руки переплавили в две – своими лапами дедушка играл на струнах металлического эспандера. Это был очень сильный дедушка, дедушка рассерженный.

– Вам что-нибудь известно о Ромео и Джульетте? – спросил этот высокий, импозантный спутник ребенка. На нем были пиджак и брюки, серые, шерстяные, джемпер с белыми ромбиками, из-под джемпера выглядывала песчаная рубашка и красный галстук. С полей его шляпы свисали длинные волнистые макароны, напивавшиеся кипятком. Холодные, как фраза «мы не можем взять собаку, у тебя аллергия», глаза под стеклышками толстых квадратных очков оглядывали зловредно присутствующих. Леонид зажмурился, поднял веки, лапша исчезла со шляпы. Дедушка поднялся со своей боковой нижней полки, схватил за грудки гражданина, принялся кричать в его неширокую грудь, настолько был высок этот дружок маленьких девочек: зачем ты пристаешь к моей внучке, ты, да я тебя?! Посмотреть на бойню собрались пассажиры, и были они подобны в своем стремлении вкусить дыню казни благонадежным членам общества, кухаркам, адвокатам, газетчикам, прибывшим поглядеть, как корчится на электрическом стуле Уильям Кемплер, пер-

вый казненный на электрическом стуле. В связи с плотным людским потоком образовался затор, Леонид прыгнул со своей постели, оказавшись в туче событий. Пройти было сложно, так же сложно, как, например, игру «змейка» на телефоне Nokia. Дедушкин высокий лоб побагровел от натуги, обняв, словно Морфей товарища с нарколепсией, обняв мутного субъекта, он постарался его прикончить. Зеваки шептались: «а в чем спор?», «к внучке, говорят, приставал, теперь огребает», «так зовите проводницу, тут самосуд не нужен», «а дед настоящий ворошиловский стрелок, поучиться бы молодежи». Лёничик был зажат в тиски сдобных тел, у кого-то бурчал животик. Поезд круто повернул, в окне мелькнули нечеткие деревья, солнечная канифоль, пассажиров перемешало. Раздался свисток, пронзительней жаргонизмов, рассыпанных изо рта ребенка в яслях рабочей окраины. Люди после такого пришли в себя, встрепенулись, что же мы как в Колизее, в самом-то деле, извращенца за борт на полном ходу, деду медаль.

Проводница Юлия, плывущая в людской каше брасом, сжимала зубами свисток, Леонид углядел, как за проводницей бафтерфляем, то исчезая, то выныривая, плывет некий лысоватый мужчина в женском костюме цвета шерстки павлина. Над самым ухом гаркнул Дионис: братец, а пойдем-ка в вагон ресторан, тут ловить нечего! Дедушка и внучкин ухажер пропали из вида. Железнодорожница добралась до места событий. Вторая женщина оказалась ничуть не мужчиной, просто парик не вовремя обнажил череп. Парень заметил, как пассажиры извлекли из-под нижней полки дедушку, в руках он держал два оторванных рукава от пиджака. При этом старый вояка негодовал: как это возможно, я его схватил, а он исчез, понимаешь, что за фокусы-покусы, понимаешь! Спутница Юлии явила всем малиновое удостоверение, юноша вчитался: «старший инспектор, уполномоченный по делам...» Книжка захлопнулась. Пассажиры стали разбредаться по своим кубрикам, опасливо глядя на дамочку. Проводница поинтересовалась у дедушки, оглаживая свою униформу: вы запомнили нападавшего? – Мы с ним вместе заваривали лапшу, а он как выльет на себя, такой смешной! – Карельская внучка влезла поперек батьки. Ариадна с макияжем, выполненным в стилистке ласкового мая, зашептала жалостливо: Денис, вы поведете меня в вагон ресторан-то, а то меня тут уже звали. – Кто тебя звал, Ариадна Васильевна, не придумывай глупости, ты им не верь, если все-таки звали, они лгут, – мужчина был настроен шутить. Мысль о трапезе показалась Леониду приятной, словно одновременное получение двадцати одной пенсии. О чем он незамедлительно сообщил: послушайте, Дионис, давайте пойдем в ваш вагон ресторан. – Почему же он мой, общий, моя позиция в том, что суп должен полагаться всем вне зависимости от философских предпочтений, – балагур, взяв за плечи проводницу, отодвинул в сторонку, – посторонись, красавица! Его подружка, хохотнув, изобразила руками волну.

Миновав три вагона, Лёничик и компания очутились в железнодорожной харчевне. На плотно задернутых бордовых шторах красовалась надпись, сотворенная из цветного картона «когда я ем, я глух и нем». Девчонка с заячьей губой старательно выбивала из ноутбука душу, ее пальчики с зелеными ноготками вот-вот должны были отломаться, так остервенело долбила барышня. Корпулентный мужчина с родимым пятном на лбу неторопливо вкушал куриную мякоть, имеющую цвет внутренностей ананаса. Денис плюхнулся на стульчик, напоминающий трон своими бутафорскими золотыми подлокотниками, своими сусальными узорами, создавало впечатление некой напыщенности. Какое чудесное словечко – напыщенность. Ариадна оповестила, чего бы ей хотелось откусать: значит, я буду куропатку, белое вино, печень из печени гуся. – Какая прожорливая Ариадна Васильевна, – уверенный в себе Дионис уверенным жестом позвал официантку. Официантка, наряженная в фартук цвета шерстки норки. Мокрые кончики ее распущенных волос перепутались меж собою, она ответила мужчине: на столе меню. И не подошла, подобно тем, не подошедшим тапочкам в детском лагере, в которые ты влезашь зачинающимся утром, а вожатый орет: кто нагадил в мои тапки, признавайтесь! Леонид взглянул на меню, ламинированные страницы демонстрировали пищевое разнообразие, нутро металлического кита, мы имеем в виду поезд, содержало большое количество блюд. «Яичница с помидором и сыром, кофе черный растворимый с сахаром, салат из свеклы с сыром и майонезом,

щи из свежей капусты с картофелем, сосиска отварная с соусом, бульон куриный с яйцом, суп-лапша с помидорами по-казачьи, рыбное ассорти, свинина ароматная, говядина дорожная, каша рисовая молочная, каша манная молочная, минеральная вода с газом, минеральная вода без газа, энергетический напиток». Леонид приостановил процесс чтения на энергетическом напитке, дальше прейскурант пестрил наименованиями не столь поэтичными, поэтому интерес пропал. То есть интерес, конечно, мог сохраниться благодаря «пампушечкам в сырном соусе», но «царевна-рыба горбуша» этот интерес ликвидировала.

– Так, соколики, кто, чем насыщаться будет, я угощаю, я с вахты, у меня денег куры не кушают? – Денис, кажется, не шутил, хотя и создавалось впечатление от общения с ним, что мужчина самый натуральный Аркадий Райкин. – Так уж и быть, раз нету куропатки, я буду свиные отбивные, салат с крабовыми ножками, белое вино, – Ариадна не сдерживала себя, заказывала с размахом любительницы подкрепиться. Леонид располагал кое-какими денежными средствами, угощаться за чужой счет ему претило. Он сказал, глядя на официантку, которая так и не удосужилась подойти: будьте добры, кофе без сахара, щи. – Ну, это не серьезно, ты же растущий организм, заказывай вон беляши хотя бы, котлеты, – мужчина обратился к официантке: – а нам графинчик беленькой! Служительница вагона-ресторана скривила лицо, точно ее блондинистую голову посетила мигрень, потом скрылась с места событий. Дионис принялся окучивать капусту по имени Ариадна Васильевна: знаешь, я волк-одиночка, всю жизнь на северах, командировки. На женщине было платье цвета «последнего вздоха Жако», иначе говоря, #ff9218. Платье проглядывало сквозь малиновый свитер. Благоразумно, дабы совсем не взорветь, дама сняла джинсовую курточку, повесила ее на стул. – Как я вас понимаю, а ведь я тоже в некотором смысле волк-одиночка, – заговорщицки подмигнула Васильевна. Вернулась официантка, ее волосы были собраны в хвостик, она поставила на стол хрустальный графин, чесночные гренки. – Я вас внимательно слушаю, – девушка обладала средним ростом, где-то сто шестьдесят пять сантиметров, пристальным взглядом, заштрихованным тональным кремом синяком на щеке. – Я буду салат из крабовых ног, свиную отбивную, картофель по-деревенски, – Ариадна забыла присовокупить вино к своему заказу. Леонид почувствовал запах свежескошенной травы, свежеепеченного хлеба, филином зауhalo в желудке.

В вагон ресторан вошел дедушка с внучкой и с ветерком. Девчушка жаловалась на голод: я хочу кушать, мама говорит, что желудок начинает сам себя переваривать, если долго игнорировать физиологические потребности. Родственник этой пышущей здоровьем юной барышни спросил, помогая взобраться ей на высокий трон: и что мы с тобой будем? – Дичь, я хочу дичь! – оглушительная, словно процесс знакомства детсадовца с миром, девчонка выразила свою позицию. Ариадна поморщилась. И этот момент не ускользнул от внимания Дениса, он спросил: что, не любишь детей? – Просто мне кажется, иногда они переходят всякие границы, – Васильевна посмотрела на Леонида, зачем она это сделала, молодому человеку не нравилось, когда на него бдительно, изучающе, неотрывно смотрят. – А я вот люблю детишек, у меня где-то тоже имеется, – Дионис придал своему портрету черты сознательного человека, человека, выступающего за традиционные ценности. Официантка поставила поднос перед Ариадной. – Наконец-то, а то жуть как проголодалась, – женщина или девушка, Леонид не знал, кем ее можно считать, в общем, Ариадна Васильевна с жадностью набросилась на пищу. Дионис пригубил водочный напиток. Парень поперхнулся собственным кофе. Девчушка с заячьей губой, кажется, достучалась. Она обратилась к работнице ресторана: а повторите, пожалуйста, яблочный сок, и принесите, пожалуйста, счет.

– А нам бы не помешала сырная тарелка, барышня, – молодежавый дед погладил свою внучку. – Дичь, я хочу дичь! – девочка проявляла нетерпение доступным ей способом, вульгарными словечками. Служительница железной дороги записала пожелания в маленький голубой блокнот, удалилась. Позади Леонида слегка захрапел мужчина с родимым пятном. – А я вот говорю, сколько

можно терпеть эти холостые вечера, пора уже, говорю, остепениться, найти свою хранильницу домашнего очага, – Денис рассказывал измышления на тему семейной жизни собеседнице, она увлеченно кушала, не забывая поддакивать. Вдруг освещение вагона ресторана затихло, свет за окном, еле просачивающийся из-под штор, тоже померк. В рукотворной ночи раздался женский крик, как будто носительница крика была чрезвычайно напугана, даже обескуражена. Леонид оставался на месте, полагая, что хождения будут излишни. Мгновенье – и лампочки вновь озарили вагон-ресторан. И картина вырисовывалась следующая. Следующее за идиллической трапезой преступление всколыхнуло общественность. Лицом дедушка лежал в блюде с ломтиками сыра, как будто спал, однако не спал. Внучка с распахнутым настезь ртом, расширившимися от ужаса глазами сидела рядышком. Девушка с заячьей губой – именно ее крик вы могли слышать ранее – стояла и снимала на мобильный телефон, как будто уснувший был своеобразной инсталляцией. – Что могу сказать, звоните в милицию, – Денисотреагировал, отбросив эмоции, правильно. – Только не в мою смену, только не в мою смену, только стало все налаживаться, – причитала официантка. – А что здесь происходит, – проснулся мужик с родимым пятном. – Вот тебе и дичь, – саркастично высказалась Ариадна Васильевна, выпила рюмку Диониса.

«Знаменитый советский сыр, многие помнят этот чудесный натуральный вкус, а как приятно было порадовать себя бутербродом с колбасой и сыром, глядя на играющих в песочнице детей, завтракая на балконе. Именно таким сыром обезумевший выродок нанес шестьдесят три ножевых удара жертве». Присутствующие в вагоне-ресторане стали заложниками щекотливой ситуации, щекочущей пяточки, если уточнять степень. Дверь распахнулась, вошла дамочка, которая совсем недавно показывала свое влажное удостоверение. – Всем оставаться на местах, работает инспектор Виленина! – парик сидел на ее голове как влитой, взглядом, не допускающим возражений, она посмотрела на присутствующих, на всех разом, настолько инспекторша была всеобъемлюща. – Мы проездом, мы ничего не видели, пустите, – внучка оправилась от шока, попыталась покинуть место преступления, место, где злоумышленник преступил черту. Но строгая Виленина помешала девчонке это сделать, преградив дорогу. – Товарищи пассажиры, сейчас вы все перешли в статус подозрительных, всем вам надлежит сидеть на своих местах и не отвечивать, – дамочка была с характером, с ходу загнала присутствующих в рамки. – Да, что за акт человеколюбия мы с вами наблюдаем, – сказал Дионис, захрустев сухариком.

Расследование заняло некоторое время, примерно столько же, сколько идет фильм 1902 года Жоржа Мельеса «Путешествие на луну». По крайней мере, горячая фаза расследования с ответом на вопрос, кто же расправился с таким атлетически непростым дедушкой. И до самого разглашения тайных сведений инспекторша часа три расхаживала по ресторану, приговаривая: так, так, так, очень интересно. Леонид подумал, что внезапно заигравший в соседнем вагоне шансон, хрипловатые молекулы которого едва доносились до него, не имеет ничего общего с ним, юноша был твердо уверен в своей правоте, зная: не виновен! Виленина копошилась в ухе гражданина, лежащего лицом в сырной тарелке, потом неожиданно для всех вскричала: вот это да! Инспекторша подошла к девочке, спросила, держа что-то в руках: скажи мне, ты можешь подтвердить, что этот черный волос принадлежит уху твоего дедушки, ведь, как я заметила, там одни седые волоски? Малышка пожала плечами, наморщила лоб, видно, боялась попасть в дидактическую ловушку. – Не можешь ответить, а я могу, дело было так: вы, значит, зашли, эти сидели там, – детектив в женском обличье задумчиво почесал ухо девчонки. – А затем случился скачок напряжения, а затем, а затем, – Виленина медленно подошла к Ариадне Васильевне, крикнула: – это вы убийца! Безосновательно оболганная женщина стала отнекиваться: что вы такое говорите, как так можно, в мыслях даже этого не делала! – Ладно, верю, – произнесла инспекторша, накинута на Диониса, – тогда это сделали вы, вы! – Десять раз, так и запишите, – нервы сдавали даже у такого невозмутимого мужчины. – Ладно, верю, это был следственный эксперимент, необходимо было вывести из равновесия самых подозрительных, – представительница правопорядка делилась тонкостями своей работы, поправляя парик.

Спустя определенный век созрел банан ответа. Стоило Вилениной сконцентрировать свое внимание на ротовой полости потерпевшего, клубок распутался изящным образом. Длинным, не острым ножом и вилкой дамочка орудовала во рту мужчины. Двумя пальчиками она извлекла язык пострадавшего, всмотрелась вглубь, быть может, в самое горло. Склонила голову, принохалась, улыбнулась, точно укусила лимон. – От вас одни неприятности, когда я с вами нахожусь, случаются разные штуки, – ворчала Ариадна Васильевна. – Как же так, ты же сама сказала, что тоже волк-одиночка, я думал мы это, сойдемся, – Денис был расстроен таким поворотом событий. «Шерше ля фам», как сказал бы господин, испачкавшийся в нафталине. Лёне не терпелось покончить с этим бардаком, из-за череды событий пришлось кушать холодные щи, кажется, недоваренные щи. Щи, в которых не было ни грамма уважения к пассажирам. Ведь повар, должно быть, когда готовил, нервничал. – Мне все ясно, послушай, милочка, кем работал твой дедушка? – спросила Виленина у девушки. – Мой дедушка работал агентом под прикрытием, но это было еще в прошлом веке, – ответила внучка, создавала впечатление, судя по ее бодрому ответу, что она очень гордится своим родственником. – Что и требовалось доказать, все свободны, я вас больше не задерживаю, – сказала инспекторша. – Как это свободны, как это свободны, немедленно объяснитесь! – призвала к барьеру Ариадна. – Что же тут объяснять, ситуация понятна, как а day, ваш попутчик случайно раскусил капсулу с ядом, которая находилась у него в зубе, – детектив был неотразим, преисполнившись чувством собственной значимости, она позвонила по мобильному телефону, потребовала внеочередное звание. – Инспектор Виленина, я требую, товарищ генерал, чтобы вы называли меня теперь Афиной!

Лежа на своей полке, Леонид вслушивался в ритмически безупречный гексаметр стука колес. Как бы не потерять свою ойкумену, как бы не потерять. Жалобно скулил мизинец на правой ноге, где-то ударился. Попутчик ушел в чужое купе, там они с Ариадной развлекались. И откуда, спрашивается, у Васильевны средства на купейный вагон. Угольная шахта за окном время от времени пульсировала пунктирами огоньков. Населенные пункты. Надсадно кашляли редкие пассажиры, спующие туда-сюда. Пахло робкими ножками гражданки, дрыхнувшей на соседней верхней полке. Из-под одеяла торчали ее пяточки. Лёнчик вдохнул на посошок, закрыл глаза. Снизилась, словно рота десантников в небе, активность сознания. Длинными металлическими ножницами перезали частоту сердечных сокращений. Упало артериальное давление, потом подберем, не спешите. На счет «два» вы проснетесь, слушайте мой голос, это важный голос, вы слышите «раз!».

Глава 6

Пришвин форевер

В Гиперборее, где проживала бабушка Леонида, многие граждане мучились с радикулитом. И вопреки расхожему мнению, что до этой области вряд ли смогла бы дотянуться ручонками Немезида, она все-таки дотянулась. Поэтому логично предположить, что Пиндар, взявшийся за описание северного края, несколько поспешил с выводами, озвучив удивительно спорную мысль о преисполненных душевным покоем и счастьем жителях данных мест. Впрочем, автор произведения играет в классики и пишет главу о Сибири, подражая Пришвину, например. Ведь на каждую студеную зимнюю пору найдется свой любитель похрустеть хворостом, сидя пятничным вечером перед телевизором. К тому же, ВОЗ, она же всемирная организация здравоохранения, имеет свои статические взгляды на каждый плед в мире.

Край непуганых птиц казался тому, детскому Леониду планетой угрюмых, словно патологоанатомы, которые даже глазами делают морг-морг, людей. Это были неспешные взрослые, экономившие каждый свой вздох. Сибиряки виделись мальчику непонятными, как сложносоставная фамилия Мамина-Сибиряка. Они ходили с задумчивыми лицами, как у Ивана

Грозного на картине Репина. Водили детей в детские садики, тряслись в скрипучих автобусах, поросших инеем, и все с такими лицами. Мало зимний Леонид не совсем, конечно, понимал, он сибиряк или куда, если все-таки сибиряк, тогда почему не обладает сакральными знаниями, почему связь с землей такая слабая. Вот окружающие тетеньки и дяденьки, они с этими своими чуть прикрытыми, как будто сонными глазами выглядели не сказать что придурками, просто создавалось впечатление, впечатление вековой дремоты. А что такое сон, Леонид, несомненно, знал, сон это маленькая кончина, после которой граждане теряют двадцать один грамм своей массы. Также в Сибири было много разводов, много разводов. А что такое разводы, Леонид, несомненно, знал, разводы это маленькая кончина, после которой женщины и мужчины теряют некоторое количество своих нервов. Правда, Леонид не разумел, правомерно ли взвешивать нервы, это все-таки не говядина. Кстати, говядина, по воспоминаниям, была чрезвычайно вкусной. Правда, потом выяснилось, рядом находился скотомогильник, однако тушенка была чудесной, это да.

Хотелось бы отметить кроме всего прочего, прочего разного, что в месте проживания Антонины Георгиевны наблюдались неопознанные летательные аппараты. Иначе говоря, психическое здоровье граждан в связи с климатическими особенностями, короткими световыми днями, холодом было неважным. В школодавную бытность мальчик и сам был свидетелем и обвинителем сияний, природу которых были не в силах разгадать лучшие умы двора, включая малахольного уфолога дядю Славу. Доярки роптали на зелененьких чучмек, утверждая, что молочко портится по причине облучения буренок ихними, чучмекскими свиристелками. Таким образом, доярки устанавливали свою гегемонию, задирали юбки и цены на продукты творчества козочек и коровок. Леониду, когда он прожевывал вместе с бабушкой отведенное им время, представлялось, что его жизнь мог бы озвучивать такой переводчик, как Володарский, своим гнусавым, но выразительным голосом. Ведь круги на полях, временные петли на дверях истории – это все-таки обстановка о-го-го. Правда, частенько сцены с озвучиванием Володарского перемежались с рекламой магазина на диване, что поделать, издержки капитализма. За ошибки молодости приходится расплачиваться в юанях. Доярки шептались, что не следовало пускать китайцев для проведения опытов над крупным рогатым скотом в пятидесятые.

Недобрым утром Леонид проснулся от того, что в него тыкали длинным фригидным предметом, то есть абсолютная прохлада и безжизненность предмета вызвала непонимание, отторжение. Как будто щипцы, которыми вытягивают праздно барахтающегося в окопловных водах ребенка из чрева матери. Именно таким предметом, по ощущениям Леонида, тыкали в щеку. Проводница выросла в проводника, он сообщил безэмоционально название станции, за пределами поезда переговаривались прохожие, их переговоры были непонятными, как значение тюремных татуировок. Молодой человек открыл глаза и мимоходом новый закон термодинамики. Чувствовал он себя микроскопической системой, ни на что не влияющей. Проводник был как будто смутно знаком, как будто братом-близнецом проводницы. Чудны пути твои, подумал юноша. Враждебный предмет в руках мужчины оказался кочергой. На вытянутом изможденном лице работника железной дороги сидела сколопендра, однако дискомфорта, видимо, не доставляла, потому что проводник не кричал: волки, волки! Лёня протер глаза, сколопендра преобразовалась в бородку. Пассажиры, отягощенные чемоданами, как поэт Андрей Чемоданов своей фамилией, мотались по вагонам. Не успев прихорашиться, молодой человек был вынужден заняться вопросом сепарации от поезда, поезд не мог содержать своих детей до окончания веков. Отчего-то проводник сопровождал до самых дверей, поторапливая: стоянка десять минут, не оплошайте. Диониса нигде не наблюдалось, а так хотелось попрощаться. На выходе железнодорожник спросил: камо грядеши? Леонид с достоинством ответил: к бабушке. И вышел на июньский перрон.

Зеваки разговаривали исключительно КАПСЛОКОМ. То есть экспрессия, свойственная этим на удивление не пессимистичным, как ожидал юноша, гражданам, показалась хорошим знаком. Речи пузырились, словно квасная пенка в желтой бочке, пахло липой, но лип вокруг не было

замечено. По крапчатому асфальту расхаживали массивные воробьи, на их фоне приезжающие и провожающие выглядели дюймовочками. Тополиный пух, напоминающий клоки седых волос, попал в глаза. Глаза покраснели, как будто Лёня нырнул в лягушатник, дурацкий Ренуар со своей мазней. Ноги не слушались, юноша их отлежал. Мимо прошестел своими пятнистыми одеяниями бородастый мужчина, за ним плелась овчарка. Они остановились, оба поглядели на Лёню. Мужчина спросил, оттопырив нижнюю губу: услугами кинолога не интересуетесь? Юноша подумал, что не слушающиеся ноги – это не совсем его профиль, это сложнее, чем собаки, поэтому ответил отрицательно. Животное и человек потопали дальше. Бабушка проживала в месте, куда просто на поезде было не доехать, нелегко туда было добраться и на автобусе, дорога не всем гражданам давалась и была созвучна в определенной степени с уроками химии. Не всем гражданам, устремившимся в такой-то поселок городского типа, удавалось преодолеть Кашееву цепь, так назывался самый опасный участок пути, где зачастую сердца необъяснимо рвались, словно изношенные перчатки. А комары, если пускаться в вояж летней порой, размерами напоминали телят, поэтому запросто могли схарчить взрослого человека. И это было в некоторой степени даже миленько.

Леонид, петляя меж шарообразных воробьев, дошел до края платформы, спрыгнул на черепаху, которая оказалась слоном. Бурьян, лютики, крапива в избытке росли на путях. От стремительного полета развился приступ вегетососудистой дистонии, температура и пульс подскочили. Молодому человеку показалось, что проблемы хронотопа в его подержанном организме труднорешаемы. Предположительно кинолог, стоя над юношей, посоветовал убираться с путей, а то фарш будет. Аргонавт, да-да, мы назвали Леонида аргонавтом, поднялся с колючей, словно взгляд беспризорника, земли, нетвердой походкой пересек дорожное полотно. Предсказуемо навернулся на ступеньках, ободрал кожу на руке. Поднялся, отряхнулся, досчитал до десяти. Овчарка за спиной жалобно заскулила. Словно прочитала такое объявление и поняла его смысл «продаются детские ботиночки, не ношенные». Вопреки учению Орфея Леонид совершенно не обернулся, предпочел наvertнуться второй раз, не к месту найденная расщелина. Она походила на заячью губу на лице младенца в справочнике по акушерству, который Полина усердно читала на протяжении месяца, чтобы правильно писать о травмах. Дурацкая расщелина.

На остановке стоял 677-й ЛиАЗ, желтый, точно белые розы в параллельной вселенной. Граждан вокруг не было. На блестящем, как череп скинхеда, аспидном стульчике сидел водитель, возле открытой двери своего тарантаса. Аспидном в данном случае – это потому, что прочие синонимы черного цвета кажутся нам несколько вычурными. Водитель кого-то смутно напоминал, смутно напоминал. Он разговаривал по телефону, сюсюкая: чего ты боишься, никто там не прячется. На мужчине был фиолетовый спортивный костюм, фиалковый, грубо говоря. Он беседовал с телефоном: что, ты говоришь, в шкафу прячется бывший наркоман? Лицо водителя, обреченное на какую-то сугубо мужскую красоту, если так можно выразиться, казалось знакомым. Он продолжал говорить своим бархатистым голосом: доча, не придумывай, бывших наркоманов не существует, поэтому даже не бойся, ложись спать. Винтокрылая машина, такая же дерзкая, как репортажи Трумэна Капоте, спикировала на израненную руку Лёни. Аполлинария читала книгу про Капоте, на обложке мужчина кажется пигмеем, но по рассказам той же Аполлинарии, писатель был знатным хулиганом. По щедровитой трассе брели к Вифлеему два рыжих котика. Подул ветер, кроны деревьев, определенные Леонидом как пышущие здоровьем, задвигались в ритме техно. Водитель являлся повзрослевшим товарищем Шамилем, точно являлся. Поэтому молодой человек незамедлительно сказал ему: привет. Бывший одноклассник проговорил в трубку: дочь, я перезвоню. Пришурившись, как при ночном обстреле, сказал: Лёнька! Они как-то неловко, словно два борца сумо, приобнялись. Шамиль засмутился, он говорил: а я вот водитель, ипотека у нас, дочка растет. Лёня, с которого семь потов сошло за время поездки, был не намерен испытывать лирическое настроение, поэтому ограничился всего лишь одной слезинкой. И, соответственно, война миров случилась.

На коралловых скрипучих сиденьях, напоминающих вывернутых наизнанку, а потом покрытых лаком субъектов, молодой человек сидел вместе с теткой. В салоне кроме Шамиля и тетки больше никого не было. Бывший одноклассник что-то говорил о других одноклассниках, но голова Лёни постоянно падала, точно шейные позвонки стали резиновыми, а слова – едва слышимые, пронзительно тарыхтел мотор, – а слова Шамиля старательно избегали влетать в уши. В очередной раз, когда голова упала, парень увидел, что женщина читала форум на своем телефоне. Леонид вчитался в сообщение, тема была: дети, подростки. Интересно, интересно, подумал юноша, хотя чего уж интересного, мemento мори. За окном бежало поле, бежало, точно молоко из кастрюли на плиту. Лежала черно-белая, шахматная туша коровы, два огромных комара своими хоботами высасывали живительные соки. Лёня продолжил чтение: «Мне 38 лет. Я мужчина. Недавно съехал к своей девушке жить. Ей 17 лет. Мы живем так – я, она, и ее мама. Мать ее меня явно недолюбливает, непонятно почему, и заставляет платить за электричество. Что мне делать? Я кассир в магазине». Женщина в гавайской рубашке, с мушкой на щеке, с густо помазанными розовой дрянью губами, спросила: овтснартсорп еончил еом етеашуран, ястежак, ьв. Но сил и желатина расшифровывать послание у юноши совершенно не было, поэтому он уставился в окно, как будто кошка в иллюминатор бурчащей стиральной машины.

Сусальные, или попросту сальные растения, погост, непонятная какая-то гора. Шамиль не предпринимал попыток неловкого говорения. И не был он подобен студентам актерских вузов, которые на уроках, стоя на сцене, повторяют вразнобой: что говорить, когда говорить нечего, что говорить, когда говорить нечего. Автобус подпрыгнул, женщина продемонстрировала свой метеоризм. На поле лежал неразорвавшийся снаряд, конусообразный, леденящий кровь в жилах одним своим видом. Тетка сказала, указывая своим пальцем на снаряд: оншартс, дяранс, иртомс. – Устрашает не то слово, – подтвердил юноша. Читательница вдруг позеленела, сделалась неотличимой от брокколи, начала призывать в свою грудь воздух, казалось, ей не хватает всего лишь одного вдоха. Леонид закричал водителю: эй, друг, у тебя тут женщине плохо! Водитель высказался: Кашееву цепь проезжаем, почти проехали, вот. Любительница женских форумов смогла осмысленно вздохнуть. Она высказалась: ядрена вошь, кажется, пронесло, не надо было икру на вокзале кушать, сына в армию провожала. ЛиАЗ остановился. Спасенная начала болтать что-то про грудную жабу, но молодой человек не был Иваном, поэтому пропустил информацию мимо ушей.

Тетьа Валя, с которой Леонид поддерживал связь, общался по поводу состояния бабушки, сказала, что Антонина Георгиевна в плачевном виде, и лежит она в больнице. Мы упустили данные переговоры, и не описали данные переговоры. Из интересного, рассказанного подружкой, хотелось бы отметить изменившуюся манеру речи бабушки. Когда случился инсульт, ее речь сделалась бессвязной, буквы переставлялись местами, а голос превратился в голос гномика. На выходе из автобуса Шамиль сказал: ты это, завтра встреча одноклассников как бы, удачно ты вообще приехал, вот. Лёничик принял к сведению, провернул финт ушами. На площади Ленина, Гагарина, Карла Маркса, как угодно можете называть эту площадь, в каком вздумается поселке городского типа, на площади дети утилизировали мороженое, родители детей обмахивались газетами. Больницу строители в две тысячи первом году расположили близ школы-интерната и какой-то заброшенной усадьбы с заколоченными крест-накрест окнами. Пока Леонид шел к месту, где чинили Антонину Георгиевну, в голову проникали разные мысли. Мысли эти были похожи на плоды репейника по части своей прилипчивости. Возле жмущихся друг к другу мужчины с заметным синим носом и женщины в одном зимнем ботинке торговали фруктами. Апельсиновое многообразие манило. Молодой человек приобрел килограмма три, не пожелав мелочиться. Отойдя на некоторое расстояние, он услышал, как женщина в одном ботинке, с зелеными пятнами на лице сказала своему кавалеру: горькие слезу намочат подушку, я не любовь твоя, а всего лишь подружка. И засмеялась, заразительно, как целый букет болячек.

Ноги прилипали к битуму, сквернословящие эльфы, эльфы, пахнущие потом и спиртом, должно быть, разлили свой битум, когда пролетали на санях, именуемых не иначе как «жигули».

Подошвы обувки норовили пасть смертью швабры, трещали. Ахроматические двужильные дома, построенные ссыльными немцами, давали установку на программу ласковой грусти. Леонид смотрел на них, ощущая эффект как при просмотре советских фильмов, например, таких как «Осенний марафон», «Кин-дза-дза!». Больничка была похожа на коробку из-под обуви, впрочем, многие здания похожи на коробку из-под обуви, что роднит их с архитектурным стилем брутализм. О брутализме написала свой крайний цикл стихотворений Аполлинария. У нее там фигурировал Ле Корбюзье, здание городского суда в Буффало, заброшенная Ховринская клиника. В данном цикле она, наследуя писателям, сочинявшим о телесности, проводит безумные параллели с менструальным циклом и прочими плотскими проявлениями *potre vie* и архитектурой. Лёня даже посвятил Полине верлибр, когда прочел ее цикл, верлибр называется: «домашнее насилие это не круто». Сожительница даже растрогалась, прочитав следующие строчки:

По статистике жены
 Не рассказывают, что их избивают
 Мужья или сожители,
 Потому что удивительное правило
 Бойцовского клуба
 Не рассказывать о бойцовском клубе,
 Это, грубо говоря, нелепо,
 Слово фраза в данном контексте:
 «Оставайтесь дома,
 И останетесь целы».
 Но самое, самое скверное
 Относительно клуба,
 Это домашние запахи,
 Которые сопровождают
 Марлу Зингер, пока она собирает
 Свои зубы с паркета,
 Запах духов, запах котлет,
 Запах вчерашнего мусора,
 Даже мыло хозяйственное
 Особенно грустно
 Лежит, истощенное
 От частой стирки носков.
 А я смотрю на праздничный стол
 На свидании с женщиной,
 И пытаюсь понять,
 Она настоящая, или это фантазия.
 Обычно за ужин в ресторане
 Платит тот, кому мама
 Дала больше денег.

В больнице, где лежала бабушка, подобно босоножкам на антресолях, гостей встречала тетка, которая обладала удивительным даром – она умела читать болезни по лицам. Когда Леонид вошел в пропахший аммонием холл, медицинская служащая, на чьем носе уместилось по меньшей мере две пары очков, торжественно воскликнула: а вам не к нам, вам в тубдиспансер! Лёня возразил этой большой, больше даже чем желание кандидата стать доцентом, тетеньке: я к Антонине Георгиевне, мне пока в тубдиспансер не надо. Женщина, чей нос был испещрен капиллярными сосудами, напоминающими червячков для рыбалки, посоветовала подняться в вести семнадцатую палату, где расположилось физическое тело Антонины Георгиевны. – Почему

только физическое? – спросил юноша у этой вкусно пахнущей бальзамом звездочка тетки. Она накупила, на ее столике с наклейками динозавров стояла кружка, в которой был суп из листьев, иными словами, чай. Тетка сказала: а вы не рассчитывайте на возвращение, она не в состоянии больше читать Шекспира в оригинале. – Она вообще-то читала газету «Жизнь» в основном, – некстати заметил внук. Служащая хмыкнула, как будто была озадачена наблюдением арахнолога, который специализируется на бабушках и знает особенности их поведения – что читают, как воспитывают, каким методом тыка размножаются.

Поднявшись на второй этаж, тетушка в приемной осталась позади, как будто гербарий, забытый между страниц книги в библиотеке. Поднявшись на второй этаж, Леонид стал свидетелем некоторых событий, происходило так называемое переименование здравого смысла. На подоконнике цвета пластыря с засохшей кровью голенькая старушка совершала действия магического толка. Синие вены на ее покачивающихся грудях, напоминающие речушки, как на контурных картах, седые волосы до самого Владивостока, тонкие, как у цапли ноги. Она сыпала из перчатки на всех черную пыльцу. – Венера Степановна, зачем вы опять перчите время, оно и так уже поперчено! – восклицала нянечка с большой, как ошибка назвать ребенка Кукуцаполь, головой. Пациентка отвергала доводы пухлой нянечки, словно Диоген понятия брака и отечества, предпочитая непонятный космополитизм. В поле зрения Лёни возник статный мужчина в коричневой шинели, сквозь шинель пробивались цветы. Фиолетовая душица, белый ландыш, клевер, лютик. Скуластое лицо было нездорово-зеленоватым, мужчина пожурил нянечку: оставьте Венеру Степановну в покое, вы не видите, она резвится! Сестра что-то пробубнила недовольно, как злюка. Узнать, чем кончится дело, молодой человек не успел. Не постучав, как учат в школе осведомителей, в дверь, он зашел в двести семнадцатую. Краешком уха услышал саркастическую цитату служивого: таких как мы успокоят лишь пули, но исключительно в форме ласк и меда.

Палата, беременная бабушкой, показалась удивительно благородной. Розовые стены, как волосы Жанны Агузаровой, кровать с панцирной сеткой, очень мягкая, судя по тому, как Антонина Георгиевна пружинила, беспокойно ворочаясь, увитая трубками, как виноградной лозой. Она мычала, однако в сознание не приходила. Тем временем автор данной истории подошел в своих кирзовых сапогах к определенной развилке. Собственно говоря, произведение не только про мальчика Лёню, но и про бабушку в той же мере. Предполагаем, что плохих мальчиков, попадающих в Сибирь, будут читать подростки, поэтому отринем излишнюю физиологичность о пролежнях, запахе мочевины. Подобного рода описания весьма негигиеничны для впечатлительных особ и особей. Антонина Георгиевна предстанет в романе в образе чеховского ружья, которое висит целый спектакль и ни разу даже не выстреливает, а когда все-таки выстрелит, мало кому не покажется. В этой связи хотелось бы рассказать одну поучительную историю, выводы из нее вы сделаете сами. По крайней мере, там фигурирует пистолет, то есть ребенок ружья, то есть аналогия, полагаем, понятна. Так вот, история. В конце девяностых годов патологоанатом осматривал тело некоего Рональда Опуса, имеющее в своем распоряжении пулевое отверстие в голове. Опус, желая сказать миру и войне «пока», совершил прыжок с десятого этажа. Но когда он пролетал этаж девятый, с которого вылетела пуля, все и свершилось. Заметим, что ни стрелявший, ни жертва не знали – на уровне восьмого этажа была растянута строительная сетка. То есть, не случись рокового выстрела, Рональду не удалось бы расстаться с жизнью. В ходе расследования выяснилось: в результате ссоры мужчина на девятом этаже стрелял в жену, промахнувшись по недоразумению. На допросных мероприятиях супруги хором, иногда кто-то солировал, утверждали о том, что пистолет никогда не заряжался, а мужчина стрелял в женщину всегда понарошку, выпуская таким способом пар. Что же проявилось еще, а проявился факт родства, Рональд Опус являлся сыном этой супружеской пары. Мать лишила материальной поддержки, соответственно, сын зарядил пистолет. Правда, нам непонятны причины, побудившие парня шагнуть с десятого этажа. Однако суду стало понятно, Рональд совершил суицид, обходными путями.

Эпизод, описывающий воссоединение родственников, можно считать завершенным. Конечно же, у нас не получилось в полной мере протоколировать различные ужасы,

вызванные нападением инсульта. В частности, желтушную кожу и поразительную субтильность, не свойственную Антонине Георгиевне, вот эти моменты вызвали у Леонида ряд вопросов, на которые вряд ли бы смогла бы ответить нянечка, которая, словно волчок, крутилась по палате. Она поливала цветы, алые бегонии, с кем-то болтала по телефонному аппарату, сотовому аппарату, потному аппарату, аппарату земля-воздух. – Нет, дорогой, мы не будем больше об этом спорить, я сказала, нет! – говорила она. Леонид неожиданным образом заревел, просто ему сделалось не смешно. Антонина Георгиевна с торчащими трубочками казалась не престарелой женщиной, а каким-то подростком, усохла, словно бегонии на окне. Нянечка выругалась: ах ты, паразит нехороший, как так-то, прямо на глазах зачах! Потом она перевела свои бесцветные гляделки, спрятавшиеся в складках лица, соответственно, она повернула голову на рыдающего юношу. Ведь отдельно перевести настолько превосходно запрятанные глаза – умение, достойное спортсменов еще советской школы. – Не реви, кому сказала, не реви! – в шутку заругалась на Лёничка нянечка. И вообще, посоветовала приходить через несколько дней, когда поймут, что удастся спасти в физической бабушке. – А почему она желтенькая? – спросил непонятливый парень. – А это органы, а это, извините меня, дурно, – ответила медицинская работница, из головы которой росли папоротниковые элементы. И было сложно понять эту женщину, точно так же программист, не знакомый с теплом девичьего тела, понимает женщину двоично, не точно. Впрочем, Лёничик покинул палату, впрочем.

На улице пахло, как в школьной раздевалке, различными выделениями граждан. С красными носами пацаны, имеющие поразительное сходство с хоккеистами из мультипликационного кинофильма «Шайбу, шайбу», играли в ножички, но вместо ножичков использовали арматуры. В начертанной на песке окружности были изображены присущие детству символы, некие пиктограммы, хотя Леониду они могли и привидеться. Стальные прутики со свистом вознались в неровный круг. На длинном, точно кишечник, балконе курила девушка в черном спортивном костюме, глядела на забавы детишек. Цвет дома определялся как мшистый, зеленоватый оттенок доскам придавали листостебельные. Лёня, выйдя из лечебного заведения, стал свидетелем игрищ. – Галя, Галя, скинь попить нам! – громоподобно загундел сорванец. Девушка нагнулась, исчезла по принципу кролика в кроличьей шапке. Так вот, дамочка, половина ее тела, вновь показалась, а потом некоторая Галина сбросила пацанам двухлитровую баклажку, жидкость внутри выделяла пену дней. Мальчуган фальцетом возблагодарил: Галя, спасибо, я не расскажу родителям, что ты куришь! Девушка показала срединный палец, ушла на глубину жилища. Леонид побрел какими-то дворами, до бабушкиного дома было недалеко. На побеленной стене висело написанное от руки объявление: «профессиональный перерезатель пуповины, замену впечатлительного отца, возможен выезд». Под ногами стелился великий ворсовый путь. Десятки ковров родом из прошлой эпохи образовали настоящее шоссе, шоссе протекало меж сараев, поленицы, терялось где-то вдаль. Лёня шел по этим несвежим коврам со своими бесполезными апельсинами, тремя килограммами. Волк остался без кожицы, *little too late is much too late*.

Поиски золотого ключика от квартиры Антонины Георгиевны, где воспоминания детские лежали, превратились в пытку. Леонид стоял на своих железобетонных, негнущихся ножках перед заношенной до образования пчелиного улья дверью. В длинном-предлинном коридоре – подобные коридоры встречаются в коммуналках – сидел в кресле субъект, как будто вымазанный глиной, курил самокрутку, голем потому что, воссозданный различными трудовыми коллективами. Он спросил: что, ключи потерял? Соседу нравился немецкий романтизм, Леонид его помнил как Щелкунчика, любителя включить посреди ночи Чайковского. Антонина Георгиевна определила соседа в разряд неприятных, словно гастроскопия. По причинам, которых взрослый Лёня не мог вспомнить. Юноша ответил: совсем потерял. Тогда гражданин, лягнув зубами, залез своей пятерней во внутренний карман древнего пиджака, достал связку бананов, неспелых, сморчков, а не бананов, грибов. Отворив дверь бананом-грибом, Лёничик столкнулся с откровенной бардельерой, и это был не французский военный деятель. Это были полупустые бутылки, продуктовые упаковки, мусор. Количество мусора превышало все допустимые нормы,

и Леонид сразу же распознал в бабушке Плюшкина, правда, не стал определять ее ни в какую категорию, все-таки родственница. В коридоре послышался пчелиный рев. А также полные грусти причитания Щелкунчика: – Ой, ужалила, ай, ужалила, а что поделаешь, надо терпеть.

Бабушкина квартира, бабушкина квартира, о подобной квартире замечательным образом написал рассказ Миша Токарев, это произошло в сборнике под названием, названием: «психотронный террор». В произведении лирический герой – корреспондент, которому поручили написать статью о Плюшкиных. И автор, значит, поехал к тетке мусорофилке и успешно у нее потерялся. Конечно же, не обошлось без мистических экивоков. К началу первого часа ночи Лёня вынес достаточно лишений и ударов судьбы, и плотных черных мешков с мусором. Расчистив тропинку в комнату, подобно кефиру в случае с печенью. Измученный путешествием и уборкой, молодой человек стал клевать носом крупу бардака, просыпанную там и сям на потеху рыжим тараканам, или *blattella germanica*, если корчить из себя умньего. Стоя в ванной перед зеркалом, Лёня взял свою детскую щетку, за столь пронзительные, и пронзенные иголочками возмужания годы, щетка не потерялась, не обросла новыми формами жизни, стояла и дожидалась хозяина. Волосы на голове отрасли, теперь это и не волосы были вовсе, но дремучий лес, где чиркали птички, бегали кролики, спал медведь. Внимание Леонида привлекла кастрюля, из трещины на потолке в нее капля за каплей, кап-кап-кап. На раковине лежали металлические громадные ножницы, лезвия облепили кусочки бледно-желтого мыла. Молодой человек сполоснул посудину, надел на голову, подобно каске, и варварски обкорнал свою не в меру разросшуюся шевелюру, на ощупь. Стрижка была выполнена в стилистике небрежной шапочки. На корректировку не было сил, Лёня кое-как умылся и ушел в комнату бабушки ночлежничать. Вне рамок жилища, на самом краю ночи старушка, не Антонина Георгиевна, другая какая-то старушка с длинными седыми волосами сидела на высокой кирпичной трубе котельной. Сидела под луной, и расчесывала свои пряди гребешком, само собой, волшебным. Костяные бусы на ее шее мерно постукивали, раскачиваясь. И никто не предполагал, что же случится, когда старушка перестанет расчесывать волосы, наверное, ничего хорошего, надо разбираться. Вы уж разберитесь, соблаговолите. А потом сообщите о результатах по номеру 8-915-311-42-81.

Глава 7

Чемпионат по грудному вскармливанию

Временно влюбленные в школотронов практикантки педагогических вузов были веселы. Леонид смотрел на молоденьких, точно гвардия девушек в гофрированных бирюзовых юбочках. Он сидел на трибуне стадиона, по небу летели ласточки в своих голубовато-белых обертках. Дурочки, вы же растаете, подумал молодой человек, и они, эти ласточки, действительно, шоколадными каплями принялись опадать на песок. Сетка-рабица с нездоровым цветом лица, которая опоясывала стадион, навевала меланхоличные мысли, кажется, она не проходила диспансеризацию с перестроечных времен. А две практикантки хихикали, кажется, обсуждали разные хаханьки. Зудела спина, вспотела. Пахло кострищем и шашлыком, еще пахло черемухой. В школе, низкорослом здании цвета туловища Святого Себастьяна на картине 1408 года, прозвенел звонок. И будущие педагоги побежали проводить экзамены в соответствии со специальными, которым обучались. Глупышки, подумал юноша, влюбленность в детей пройдет. Стоит им только прийти к осознанию: школотроны – как дипломы, их надобно защищать на протяжении всей жизни. Леонид не на шутку взбудоражился от подобного умозаключения, достал из поясной кожаной сумки телефон, включил диктофон. Льняная салатовая рубашка липла к спине, усы зачесались, почесав указательным пальцем, парень стал надиктовывать. – Дети, дети это подобие дипломных работ, защищать приходится перед судьей, говорить, что ребенок так-то хороший, просто дурная компания, просто не туда свернул, защищать в военкомате, говорить, он вообще-то у меня слабоумный, был бы сильно умным, не лепил бы птицам башмачки из хлеба.

В глаз попала чья-то смешинка, это куражились розовощекие акселераты. Леонид большим пальцем нажал на кнопку: стоп запись. Запись приостановилась, словно рост ребенка, через которого перешагнули. Аромат собственного пота оказался созвучным аромату, производимому целлюлозно-бумажным комбинатом, он пока не приказывал долго жить, он пока еще работал возле бабушкиного дома. Лёня закурил сигарету, стал спускаться с трибуны, облезлые серые скамейки, по ним шагал юноша, хрустели, напоминая хруст облаток транквилизаторов, прописанных Полине. Стадион, ох, этот стадион возраста дожития, подумал парень, когда его нога в синем тряпичном кроссовке провалилась со стыда перед бездействием и оставлением пожилого стадиона в беде. Деревяшка, переломившись, вызвала у Лёни приступ жалости к неумолимо стареющему всему: батюшки! Воскликнул он. Ребятишки, два переростка в джинсовых куртках с нашивками козы, значками анархического толка, девчонка с прической «полет над гнездом кукушки». Молодежь чему-то радовалась, хотя такой команды – радоваться – Леонид не слышал ни по радио, ни по телевизору. Школьники склонились к земле, к предкам, изучали, понапрасну не рисковали, лишь шевелили что-то прутиком. Лёня разулыбался, вспомнив детсадовскую историю о веточках, которыми они помешивали кашу-малашу, отвратительное геркулесовое блюдо. Все ложки в садике неожиданно пропали, за это даже уволили сторожа. По весне, когда снег растаял, словно надежды жителей маленькой тоталитарной страны на смену режима. Когда снег растаял по весне, во дворе обнаружили сотни ложек, закопченных, как будто на них жарили блинчики дварфы.

Голову, на которую был надет ночной горшок кардинала Ришелье, напекло солнце. Интересно, когда меня настигнет кризис средневекового возраста, подумал наш герой, по всем признакам время подходит. Встреча бывших одноклассников должна была состояться поздно вечером, поэтому до кризиса средневекового возраста была уйма времени. Акселераты не замечали стоящего за их спинами почтальона, хотя кто знал, что он почтальон, кроме нас. На людях, как правило, не пишется адрес их прописки. На коротком, словно песенка о жизни сома, носе девушки, которая могла являться как восьмиклассницей, так и опытной особой, на ее носе выступила капелька пота. Леонида почему-то привлекла эта капелька, интересно, какая она на вкус, наверное, сладкая, как пастила. Быть может, недостаток общения с Полиной вызвал игривое настроение, быть может, либидопромышленное производство вновь приступило к выполнению плана. Какая все-таки странная мысль, а все же возникла. Один из подростков, чей рост превышал ВВП на душу населения в Китае, спросил: дядь, а тебе чего? При этом он миролюбиво улыбался, показывая зубки, был похож на человека, который носит на своей щеке отпечаток подушки. Зарождающаяся духота располагала к сиесте. Леонид спросил: а что это вы здесь делаете? Девушка ответила, что инопланетянина рассматривают. Молодой человек не поверил, поэтому сам посмотрел, и только тогда поверил.

В коробке из-под апельсинов лежало коричневатое мумифицированное тельце с большой головой. Так называемый Каштымский карлик не впечатлил юношу. Рядом со школой находился роддом, поэтому, к сожалению, не оформившиеся плоды любви нередко встречались, халатность медперсонала отчего-то никоим образом не штрафовалась. Подросток с кучей бородки сказал девушке: а у меня брат вчера разрушил старый сарай, грустно. Гипотетическая восьмиклассница заметила: он теперь перешел на сараи, он же деревья рубил. Капелька пота на ее сливе, да-да, мы заменили нос на сливу, капелька пота превратилась в две капельки. В мареве жары предметы исказились. Дышать стало труднее, из поясной сумки юноша достал ингалятор. Другой подросток обратился к Лёне: а вы не могли бы купить нам вина? Ласточки продолжали капать, и в этих сахаросодержащих каплях почудилось что-то совершенно безотрадное. Неизъяснимая тревога, если можно так выразиться. Бабушка была, почему была, она там лежит сейчас, мычит. – Куплю, – еле выговорил сохшимися губами Леонид, а потом поцеловал девушку, ведь танатос, безусловно, не может обойтись без эроса. А в определенной степени Антонина Георгиевна, какой бы ни была невыносимой женщиной, не заслуживала болезни. Рано ей было направляться к Петру за яблоками; Лёня полагал, что злость, которой питалась бабушка, поможет ей пережить судный

день. На удивление акселератка ответила взаимностью. Когда обмен бактериями завершился, подросток повторил свой вопрос: так вы купите нам вина?

И герой нашего произведения в компании этих чижиков потащился к ближайшему магазину. Мимолетный песок – очевидно, где-то поблизости кто-то состарился – хрустел на зубах. Леонид подумал: должно быть, девушка училась целоваться на помидорах, у нее это хорошо получается. Автограф ее губ, оставленный на щеке, горел, точно плеснули уксус. Они шли мимо церквушки, орехово-бурой, раньше в ней был кинотеатр, а еще раньше ничего не было. По левую руку бежала река Лена, цветом напоминала созревший синяк на бледной лодыжке. На мотоцикле с коляской «Ява», вздымая пылевые частички, клочья земли, проехал поразительно похожий на этого Леонида другой Леонид. Челка-штрих-код развевалась, двойник пыхал папироской, зажатой в зубах. Во что был одет всадник, молодой человек не заметил. Непримечательная мыслишка, точно искорка в квартире, где включен газ, проскочила в коммунальном черепе Лёни. Если бабушка отколется от этой реальности, что делать с квартирой, ее же как-то необходимо оформлять на себя, продавать. Подобные терзания, конечно же, были несвойственны хорошему внуку, но хорошим внуком юноша себя не считал, если бы не Полина, он так и жил бы с мамой. А если бы не мама, он так и жил с бабушкой. Преемственность. Белые одуванчиковые пушинки полетели обширным облаком в сторону ржавой колонки. Вареньем из одуванчиков или вареньем из цикуты в свое время угощал Сократ Владимирович, угощал на крыльчке своего дома, потом звал проследовать вовнутрь, обещал показать кое-чего. И те, кому кое-чего было важнее наставлений родителей, пропадали бесследно. Что случилось с этим трехпалым ветераном труда, что же случилось, кажется, его посадили, когда начался сезон посадки овощей.

Показалось деревянное одноэтажное здание, выкрашенное желто-персиковой краской. Неоновая вывеска «шик 24» добавляла некоторую пикантность деревенскому пейзажу. Разговоры подростков Леонид прошляпил, впрочем, такое он успел услышать от девушки: а что я, у него заусенцы, как у Фредди Крюгера, у этого Феди Крюкова, он полез, а я сломала ему нос, ну, и все. Лёня потрогал свой мокрый, как у пса Белого Бима, нос. Акселераты примолкли, уставились на юношу, им не терпелось погрешить. Со стороны бань шла старушка в цветастом халате, за ней плелась коза, старушка приговаривала недовольно: живет, гнидагадодид, живет, сейчас «Вечный зов» начнут показывать. Коза была черной, а на ее лбу, откуда росли рожки, белая шерсть напоминала формой крест. Подросток повторился, хотя душные люди в коллективе это к беде: магазин вот, купите нам вина? В помещении, где отоваривались, пахло залежавшимся на полках историей продуктами, сыром, творогом, чем-то еще. За кассой стоял бывший одноклассник Шамиль. Мужчина вырядился в доспехи бога торговли, червонный фартук, нарисованные массивные брови, безвкусные синие тени. Бывший одноклассник лопнул пузырь, сконструированный из жевательной резинки посредством надувания. Смущенно, как бы оправдываясь, сказал: у меня ипотека, вот дочка растет, жена, приходится крутиться. За его спиной на темно-бежевых полках стояли бутылки «Жигулевского», соки «Добрые». Лёня вспомнил шутку сожительницы: если бы не сок «Добрый», я бы всех уже расчленила. Повисло неловкое молчание, впрочем, подростки без оглядки на тонкие материи его нарушили, бессовестно вторгнувшись в мысли молодого человека о семейной жизни. Девушка зашептала: вон то, «Кубанское», и два в пакетах, красное. Подвеска с ангелочком на ее шее блестела, капли потной росы блестели на ее шее. А сквозь черную майку с двумя пришельцами рокерами проступили соски.

Леонид приобрел спиртные напитки для улады акселератов. На прощание продавец обронил: ты приходи сегодня обязательно на встречу, столько лет не виделись. Выходя из магазина, Лёничок подумал о степени своей популярности в классе. Вроде бы народ его любил, хотя вида и не подавал. Глупости какие, популярный, не популярный, главное, что не механика. Один из сопровождающих парней поблагодарил: спасибо вам, выпейте с нами. – А вам не надо учиться разве, экзамены сдавать, их же летом сдают? – проявил задатки Макаренко наш герой. Девчонка дотронулась своими пальчиками с черными ногтями, черными не потому, что земля, а черными потому, что лак, до локтя Леонида. Сказала, хлопая ресницами, взлетая: пожалуйста,

мы аттестаты уже получили. Подросток с молочными зарубцевавшимися порезами на запястьях спросил: а можно на ты?

Изобразили на четверых в беседке цвета кожи буйвола, изобразили полновесных, живых людей. На обочине стоял КамАЗ, на своей спине он держал детали деревьев. Из приоткрытой кабины доносилась песня, исполнял песню некий андрогин, и понять, кто это, девочка или мальчик, не представлялось возможным. А слова были житейские, про вообще всех нас, и автора, и Леонида. Слова были такие: «одинокий вечер без тебя, тебя нет со мной, скучаю я». И так далее: «и пустует наш столик на двоих, догорают свечи, я одна». И так далее: «а по темным улицам гуляет дождь, фонарей далеких мерцает свет, ты сегодня уже, наверно, не придешь, тебя нет сейчас со мною, нет». Девчонка выпивала как заправский водопроводчик, не проливая ни капли. До горящих труб предстояло дожить, однако совместное питание могло преобразиться для хилого Лёни в белочку, ведь глядя на этих пышнотелых подростков, создавалось впечатление, что это какие-то уберменши. Акселерат с замашками говорить на ты поднял указательный палец, вдумчиво произнес: а я поступаю в цирковое училище в Иркутске. Девушка захохотала, породнившись с лошадиной фамилией. Впрочем, подобный смех ничуть не испортил школьницу. Губы арбузные дольки, груди дыни торпеды, слива-нос на жаре не скисли, были аппетитны и полны витаминов. Леонид невольно залюбовался, но эти фрукты не принадлежали ему, ведь продавцами овощей и фруктов рождаются. А Лёня родился поэтом. Подростки стали переговариваться о своем подростковом. О ценах на мясо, повышении пенсионного возраста. Молодой человек быстро захмелел. Дальнобойщик захлопнул дверь, песенка была спета. Акселерат с множественными порезами сплонул, словно кобра, через передние зубы тонкую струйку слюны. Слюна угодила прямо на подсолнух. Мимо беседки прошла бабулька с козой, приговаривая недовольно: гнид гнидыч, быстрее, сейчас «Вечный зов» будут показывать, не успеем.

Герой повествования решил окончить аудиенцию. Но собеседники запротестовали, аппетиты выросли, теперь им надо было купить напиток, в чьем названии присутствует целых два животных. Леонид спросил, и для своего вопроса он использовал цитату, покрытую нафталином: мне бы хотелось узнать, по каким принципам вы, ваше поколение намеревается существовать в обществе, наше поколение желает знать ответ на этот насущный вопрос? Парень с бородкой рассмеялся, повторяя: насущный, насущный. Да, это поколение, смеющееся над словом насущный, кажется, ни на что не годится, промелькнула печальная мысль у Лёни. Голова разболелась, жара угнетала душу сибиряка. Муравейник, растущий неподалеку, возгорелся, коротышки муравьи бежали живым ковром в сторону пожарной части, нелепо попискивая. Девушка проявила задатки полупьяного социолога, попытавшись охарактеризовать свое поколение: ну, смотри, наше, вот наше детство прошло в относительно стабилизированное время. Акселерат с порезами на запястьях подсказал: стабильное, попрошу. Юная особа икнула, продолжила рассказывать свою увлекательную, настолько же увлекательную, как милицейская волна, теорию: и попроси, стабильное детство у нас получилось, мы бесплатно учились в школе, неизвестно, будут ли бесплатно учиться наши дети. Кажется, девушка всерьез размышляла, какие параметры, особенности, принципы у поколения. Бородатый парень вставил свои пять копеек: мы на распутье, наше конкретно племя, оно вот без ориентиров каких-то, просто, не знаю даже. Все устали на него, Лёня кивнул, мол, хорошее замечание, товарищ. И все дружно направились в магазин к Шамилю за коньяком.

Дальнейшие возлияния ничуть не интересны с точки зрения развития и воспитания детей старшего школьного возраста. Леонид, не пивший долгие годы ничего крепче пива, окосел в довольно-таки короткие сроки, примерно столько же мама-кошка вынашивает котенка по времени. Деревья принарядились в тулупы сумрака. Нетленные разговоры о наличии мечты у акселератов переросли в нечто большее. Задорные губы девушки пожгли, пробившиеся колоски волос на лице юноши. У Лёни даже промелькнула мысль, какая же сильная эта акселератка, почти как бабушка. Антонина Георгиевна, бывало, сбивала мухобойкой вертолеты и внука с ног, в молодости она занималась гиревым спортом. – А у моей бабушки было четверо братьев и сестер,

а они все уже того, бабушка одна их тянула! – беспочвенно затосковал молодой человек, чем вызвал ряд вопросов у подростков. Все-таки бабушка была красива, как молитва в молодости, только кожа у нее была идентичной коже Леонида. То есть обменные пункты веществ в организме на юани вечно не работали. Подросток, чей портрет стал напоминать кашу, сказал остроумно: а мой дядя самоубился, можно, интересно, считать его преступником и судить за убийство, он же себя порешил. Лёнчик не стал даже вступать в диспуты на этот счет. Со стороны магазина шел бывший одноклассник, который и водитель, и продавец, и молодец. Шамилю, ну, как Шамилю, его маме Леонид как-то посвятил верлибр. Слушаем, дорогие читатели.

Мать моего одноклассника
Была очень мрачной,
Они даже кушали в темноте,
В таких перманентных сумерках,
Как депрессивные думы,
Просто стучали ложками
По дну керамической чашки,
Вбирая в себя перловую кашу,
Похожую на головы
Располневших личинок.
Наверно, причина
Мрачности матери
Моего одноклассника
Была в отце одноклассника,
Наверно, матери одноклассника
Не стоило убивать отца
Моего одноклассника.
Несмотря на вескость причины,
В сущности, мужчины
Бывают разные.
И этот мужчина отец
Поколичивал свою жену,
Он колотил ее каждый раз,
Когда она была мрачной,
И поэтому ей приходилось
Ходить, не снимая улыбку,
Не естественную, липкую.
Однажды она не сдержалась.
Мать моего одноклассника
Стала выглядеть снова,
Как будто она прочитала
Всего Хайдеггера, Сартра, Камю.
И поняла смысл жизни
В перманентных сумерках.

Перекрасившийся в цвета нидерландского художественного мира школьный товарищ. На черной, как тоска по временам, в которых не жил, футболке были изображены собаки с людьми. Оранжевые, черные, серые, тощие тела животных совместно с фигурками людей, держащих в руках палки, бежали по снежному склону. Внизу цвел населенный пункт, деревья, похожие на рыбы скелеты, гнулись, да не ломались. Голубые, как ориентация, джинсы. Бывший одноклассник

шел уверенно к акселератам и Леониду. Юноша привстал с догоревшего муравейника, на котором очутился по нелепому стечению обстоятельств, потерял равновесие, вовремя не обратился к психологу. Это сожительница всю жизнь обращалась к психологам, она лопала их, словно конфетки, оттого и добрела. Когда Шамиль приблизился, выяснилось, что коммуникация совершенно нарушена, ведь пьяный трезвого в уме не поймет. Поэтому Шамиль достал из своего дипломата серебряную фляжку с красной звездой и принялся выпивать, поглядывая прищуренными глазами на Лёничка – мол, сейчас мы с тобой сравниваемся. Один из подростков, причмокивая, выдал очередную порцию пищи для размышлений: чью-то дочку звали Америкой, повезло же муженьку, каждую ночь он эту Америку того. А мужчины – в компании Шамиля Леониду как будто начислялись положенные годы, и таяла сырная инфантильность. А мужчины обнялись, но без излишней сентиментальности, для проформы. Шамиль спросил весело Лёню: закончишь разговор со своими новыми друзьями? Герой повествования ответил, что нет, это вообще потерянное поколение, если выразаться конкретно и без всякого. Девушка возразила: знаешь, пока не изобрели бальзам прекраснотушия, даже не смейте называть нас потерянными какими-то, в себе разберитесь для начала.

Никто не пошел на поводу у дерзкой девчонки, к тому же акселератка имела на губах молоко. Мужчины устремились к школе, оставив подростков разбираться самостоятельно с ценовой политикой в отдельно взятом городе, ростом преступности, отключением горячей воды с июля по август и так далее и тому подобное. Время от времени Шамиль прикладывался к фляжке, схожим образом прикладываются кошки к большому месту. Если, например, ноет спина, то Мурзик вам обязательно поможет, необходимо лишь примотать его скотчем к хворой области. Леонида штормило, и был он, собственно говоря, яхтой Аризоной. – Леша, Алексей, ты это брось свои наклонности показывать! – кричали в плохо освещенном дворе нетрезво. А речь товарища стала заторможенной, тягучей, словно тот угостился лидокаином. Он говорил: а ты такой вообще не измененный, у меня дочка отросла, жена, ипотека, два кредита, все растет, как живот, а ты такой же легкий, прямо ключ на двадцать четыре, ведь все, что меньше двадцати четырех, это, конечно, нанотехнологии уже. Мужчины – пока не мужики, тем более не мужички – походкой зомби миновали библиотеку, измазанную как будто сметаной, в неточном свете фонаря по крайней мере казалось, что библиотека такая белая, липкая. Заухало нечто свиное, низко посаженная луна напоминала глаз Носферату, желтый такой, дикий. Стадион перед школой выглядел на все сто лет, призрачные силуэты спортсменов слонялись вдоль забора. Трепыхались кусты как птички в сгоревшей клетке. Бледно-зеленый туман стелился подобно скатерти на обеденном столе, если питаться на ночь, то приснятся цыгане. Поэтому Лёня рационально совершил брекфаст наоборот. В тумане послышалось немецкое говорение. – О, выходит, наверное, от своих отбился! – сказал Шамиль, и потянул приятеля к школе. Блеснуло лезвие ножа, или то был мираж, поди разбери.

В фойе висели надувные шарик, три штуки. Стоял упитанный и воспитанный охранник, одна штука. Черная форма родила мужчину с готическими осябиями, на его лице была пятирублевая картонная маска зайчика, такие элементы комедии дель арте продаются в каждой «Союзпечати». Лысина поблескивала. На полу не хватало квадратиков плитки, Леониду даже показалось, на мгновение показалось, он летит на вертолете, а далеко внизу эти пресловутые заплатки на земле, поля кукурузы, выжженные островки, коренастые заводы. Половое покрытие звучит в достаточной мере сексуально, не менее сексуально, чем синхрофазотрон. – Куда, не падать, сомкнуть ряды! – вмешался Шамиль, удержав от выпадения из ротовой полости вертолета. Охранник с опущенной, словно пациент, которому говорят: нагнитесь, мы посмотрим, головой. Он заложил руки в карманы, а выкупить не успел, он горячечно сказал вошедшим джентльменам: что ж вы так долго, я вас десять лет ждал, мучился дурными снами, вы из милиции, я просто вот десять лет назад, когда еще на заводе трудился, коммуниздил провода, думал, гадал, когда же за мной пришлют. Сдобные мотыльки, две штуки, долбались о цельнометаллическую лампу, в которой не хватало нескольких делений. Душно было, как жертве старинной пытки под названием «брак

с неживым». Казалось бы, некоторая эклектичность присутствовала в этой пытке, когда органически полноценного убийцу связывают с жертвой, однако смысл кристально ясен. По лестнице спустились две дамочки, взглянув на них, Леонид понял, что степень близости с ними не такая, чтобы добавлять их в социальной сети «Одноклассники» в друзья. И вообще, он их не помнил, хотя, должно быть, посещал одинаковые уроки. Женщина в черном платье, расшитом блестками, радостно воскликнула: ой, мальчики, а мы в кабинете литературы вас ждем! Шамиль обратился к охраннику: мы вообще-то на встречу, милиция будет потом.

Потом наступило будущее, в котором женщины, Шамиль и Леонид поднялись в кабинет литературы и этого языка. Та, что в черном платье, с прической под мальчика, чуть заостренными ушами. Курносая, без спроса, а может, по соглашению с родителями, с округлым, беременным животом. Без умолку болтала: ребята, как вы заматерели, особенно ты, Шамиль! Лёня совершенно не помнил ни эту, ни вторую дамочку, они казались ему какими-то прожженными сигаретой, как школьная форма. То есть женщины были опытные в житейском отношении. То есть совершенно сформированные организмы, это ладно, что девочки взрослеют быстрее парней, просто, просто, мысль ускользнула, как только вошли в класс. За партой сидели два мужика, на парте сидела барышня в короткой юбке цвета граната, она показывала им что-то в телефоне, говорила: а это вот у нас был чемпионат по грудному вскармливанию, я заняла второе место, у меня грудь после рождения Фомы, третьего сына, много давала молока. На другой парте, медово-коричневой, лежали принадлежности к чаепитию, вафли с клубничной начинкой, конфеты, трубочки со сгущенкой. На стенах висели портреты преставившихся белых мужчин. Учительница литературы и русского языка, беспокойная женщина в сером платье немолодых лет, суетилась, предлагала всем выпить чай и вспоминать славные школьные годы. – Ребята, – говорила она, поправляя очки, – давайте, угощайтесь, я подмешала в чай крепкий алкоголь! Сказав это, она заговорщически улыбнулась. – Елена Сергеевна, ох, Елена Сергеевна! – сказала весело Вилка Ложкина, мать троих сыновей, обладательница второго места в чемпионате по грудному вскармливанию. Да-да, Леонид вспомнил, вспомнил, несмотря на затуманенность рассудка.

Один из одноклассников с мировым именем Борис торжественно произнес: всем, чего я достиг, я обязан вам! – А чего ты достиг, Боря? – спросила учительница, багровея щеками, предвкушая похвалу. – Ничего, – жестоко сказал этот самый умный ребенок в классе, по мнению участкового. Борька сдал позиции за минувшие столько-то лет, столько-то зим. Теперь у него были черты лица как у человека на плакате: до чего доводят никем не разрешенные вещества. Подобные плакаты встречаются в центрах помощи зависимым от чужих мнений. Шамиль включил джазовую композицию на телефоне, чернокожая певица завораживающе хныкала, громкость была небольшая, всем же надо было слышать речь друг друга. Ребята озвучивали секреты полишинеля, то есть существенных тезисов, после которых можно сказать «вау», озвучено не было. Лёня дремал полусидя и слышал диалоги на самом краешке сознания. Время от времени он умудрялся подавать реплики, когда его спрашивали, конечно. Чавканье, чавканье, личный вопрос: Лёнчик, а ты детишек еще не родил? Наш герой бубнит нечленораздельно, агрессивно. Тогда ему говорят поучительно: эх ты, часики-то тикают, тик-так. – Дети, ой, граждане, посмотрите, какое полнолуние, я не знаю даже, у меня нос даже зачесался! – восклицала Елена Сергеевна радостно. Шамиль посвистывал, хотя у него была ипотека, жена и ребенок. Слышалось швыркание чаем, слышались и новые вопросы: Лёнчик, а ты на какой машине гоняешь? Когда нестарый человек отвечивал на этот бестактный вопрос, у него даже вырвались горестные вздохи, которые даже могли что-то означать. Девчонки, хотя какие же они девчонки, дамы, переговаривались: а вы знаете, где Наказов наш, Давид? – В тюрьме, наверное? – Представляете, в Европе, кино снимает! – Ничего себе, а я всегда верила, что получится у него пробиться или пробить кому-нибудь череп, по обстоятельствам, как говорится!

– А помните, как бабушка вот этого Леонида заставила нас изучать Толстого в начальной школе, хо-хо? – спросила учительница, указывая пальцем на юношу, подобным образом предатели

указывают на партизан, это все можно посмотреть на старых фотоснимках времен войны. Палец был длинный, суставы напоминали головы змей, правда, необходимо было посмотреть под определенным углом, иначе вам ничего бы они не напомнили. Вилке позвонили, она достала свой розовый с блёсточками раскладной телефон из выразительной, как глаза сингапурской кошки, сумочки, покинула класс. Устрашающе, как поклонение свастике, оторвалась доска, едва не пришибив изучающую в зеркальце свой налившийся новой жизнью живот одноклассницу. Елена Сергеевна не вовремя обрадовалась: это знак, дети, это знак, надо нам обратиться к великой силе словесной! Даже дремавший Леонид подумал: одухотворенная любительница произведений белых мертвых мужчин несколько перегибает палку. Слышались недовольные восклицания Ложкиной: «как еще один, я же поставила спираль, куда еще одного, что вы такое несете?!» – А у меня вот как раз книжка сочинений, сами знаете кого, имеется! – сказала преподавательница, достав из учительского стола книжку цвета неопытности. Она продолжила подначивать своих бывших учеников, странное дело, все на этой встрече было каким-то бывшим – одноклассники, учитель, влюбленности, товарищество. Бывшим, как будто в значении почивший. Так вот, учительница призывала ребят: ребята, Леонид, ну-ка, назови страницу, назови абзац! Лёничек проворчал: абгрр. – Замечательно, страница 18, абзац 4! – воскликнула Елена Сергеевна, стала читать вслух: «Лицо его теперь не выражало, как обыкновенно, торопливости и тупоумия; напротив, он был спокоен, задумчив, и даже величав, движения его были медленны и обдуманно». Вика за дверью на кого-то роптала: похлебай-ка лаптем щи, мой дорогой, с такими заявлениями! Леониду чрезвычайно поплохело, и уже вертолетики завертели своими лопастями, перемальвая душный, желеобразный воздух для лучшего усвоения. В коридорах школы громыхало жестяное ведро, швабра, одетая в тряпку, целовала зеленые полы: чмок-чмок, хлыщ, чмок-чмок, хлыщ. Елена Сергеевна, поистине преданный словесностью человек, но продолжающий верить своему супругу – русскому языку. Вызвалась погадать на замечательной книжке Борису, однако Шамиль предостерег учительницу: вы поаккуратней с этим всем, хотя посмотрите страницу, будьте добры, 7, абзац 2. Педагог начал зачитывать, покачивая головой: «Медведь подошел к нему и стал нюхать: он и дышать перестал». – Все? – уточнил мужчина. – Истинно все! – подтвердила Елена Сергеевна, зачем-то перевернув книжечку вверх тормашками. Ложкина неистово кипятилась в своем телефонном аппарате, как будто являлась курицей какой-то в похлебке. Она так и не вернулась, ее записали в герои, но называть улицу именем не спешили. У каждого времени свои образцы.

Леониду помыслились динозавры, облепившие, как переводные картинки, ладони. Он приоткрыл глаза, бывшие одноклассники о чем-то дискутировали с учителем, надрывали животики. Освещение в классе стало фальшиво-туманным. Личности людей были стерты ластиком, который делают, кстати говоря, из винила и пластика. На Лёничка смотрели бородатые господа, женщины – и те стали носительницами бородатых лиц. Один из старцев с голосом Шамиля приблизился, он вглядывался в глаза юноши, порой так вглядывался Юрий Манн в тексты Гоголя. Другок говорил: так, этому не наливать, я вызываю такси, ты у бабушки остановился и от бабушки ушел? Этот утвердительно кивнул. И в следующее мгновение очутился в салоне транспортного средства. Дохнуло парфюмерией, выдохнув проспиртованный дух, Лёня прислонился к холодному окну. Силуэт водителя на переднем сиденье, необязательная речь извозчика: что, пионер, прижало? Светились кошкины глаза в ночи, посвистывал ветерок, как будто в щель между зубами. Транспортное средство вырулило в поле, а за полем, за дамбой, возле комбината целлюлозного проживала бабуля. Кучер спросил: а ты не думал, почему все повести о пионерах-героях строятся по принципу жития святых, и тех и тех объединяет кончина. Леонид, хоть и был нетрезвым Леонидом, но все же парню хватило сил, чтобы посмотреть на автора данной истории. Скривив лицо, мол, что же ты, негодяй, вкладываешь в уста водителя шляпу какую-то. Во-первых, он не выражается подобными оборотами. А во-вторых, пиши следующую главу, с этой все понятно. В ее жизнеспособности сомневаться не следует. Скептицизм еще никого, никого не доводил до добра. Как и вся философия, хотя Декарт о чем-то догадывался.

Глава 8 Культура из фритюра

Мужской, пестующий, да не выпестывающий в слушателях тревожные истечения прямо на постельки, в которых они предположительно спали, голос. Мужской голос монотонный, отчасти пугающий, как будто решение отца назвать своих детей Яна, Ян, чтобы в дальнейшем восклицать в детском саду: Янки, гоу хоум! Мужской голос диктора с тембром драматический баритон. Мужской голос по радио говорил: «Нам стало известно, что в начале XX века за нашим миром пристально следил разум, значительно превосходящий человеческий, и тем не менее столь же смертный. Теперь мы знаем, что в то время, когда люди занимались своими делами, их исследовали и изучали, возможно, почти столь же пристально, сколь человек, вооруженный микроскопом, может изучать недолговечные творения. Роящиеся и размножающиеся в капле воды... разум, превосходящий человеческий, как ум человека превосходит ум зверей в джунглях, разум безбрежный, спокойный, лишенный сочувствия, рассматривал Землю сквозь бесконечную эфирную бездну алчными глазами...»

Голос рассказчика покрывается электрическими мушками. Помехи, напоминающие работу советского следователя с шутником, данный следователь спрашивает данного шутника: откуда у вас Евангелие? Небесами данный шутник отвечает: от Матфея. Сквозь помехи проступает женский, слегка охрипший голос, кажется, совсем недавно дикторша плакала. Она озвучивает прогноз погоды. Почему она плакала – это неважно, у нас в стране самое постоянное – это временные трудности. Порой способность видеть чуть больше, чем Стиви Уандер, толкает на весьма кислотные размышления. Быть может, дикторша о чем-нибудь таком подумала перед тем, как вторгнуться в эфир. Женский голос говорит: «а теперь прогноз погоды, с вами Аида Райская. В ближайшие двадцать четыре часа существенных температурных изменений не ожидается. Преимущественно столбик термометра будет находиться на отметке тридцать два градуса. Однако атмосферные колебания в связи с неустановленными причинами замечены в районе...»

Леонид проснулся на подробной, как доклад ботаника, бабушкиной кровати, на которой с легкостью могли поместиться сорок человек. Из рта квартиры попахивало «Белизной». На ногах были носки с желтоволосой мультипликационной Сейлор Мун, ноги торчали из-под одеяла, колкого и равнодушного. По комнате циркулировал, да не выциркулировал душный воздух. Соответственно, дышать было невыносимо. На расстоянии пяти с половиной плевков рос горный хребет, изготовленный бабушкой из одежды, тряпок, прочего вещественного барахла. На внушительном, как послужной список Александра Солоника по прозвищу Александр Македонский, шкафу лежал весь перепачканный мягкий заяц. Отчего-то Леониду стало грустно при взгляде на этого помоечного зайца, грустно, как будто его направили в можайскую колонию на каникулы. Невольный зевок, вырвавшийся из глотки, напугал, настолько прозвучала неожиданно эта звуковая вольность. Похмелье было подобно Агафье Лыковой, то есть не беспокоило. Лёня продолжил слушать радио, которое необъяснимо включилось на кухне, исключительно само.

Мужской голос, бодрый, как будто голос экскурсовода в музее революционной направленности: экскурсовод показывает на скелет, говорит, это скелет Чапаева. А что за маленький скелет рядом, спрашивает посетитель. Это скелет Чапаева в детстве, отвечает, лукаво улыбающийся работник музея. Казалось, диктор, пришедший на смену зареванной барышне с прогнозом погоды, полон жизненных сил. Мужчина сказал: «а теперь, уважаемые слушатели, мы перенесемся в концертный зал в доме детского творчества нашего города, где совсем юные музыканты исполняют композицию “Товарищ время”, слова Роберта Рождественского, музыка Игоря Шамо». Начинает звучать та самая композиция, правда, звуковому ряду, на скромный взгляд Лёни, не достаёт экспрессии, чудится, что запись осуществляется на испорченную пленку. Оттого, оттого слова: «остался дом за дымящей степной, не скоро я к нему вернусь обратно, ты только будь, пожалуйста, со мной, товарищ Правда!» – звучат пугающе пожёвано. К завершению первого куплета музыка сделалась тише, смолкла вовсе.

Ушами слушателей овладела дамочка с мурлыкающей манерой речи. Она сказала: «уважаемые радиослушатели, мы вынуждены прервать программу ностальгического звука, чтобы передать экстренное обращение, поступившее из Бурятской обсерватории. Как стало известно, в двенадцать часов дня профессор Налимов Б.А. заметил ряд вспышек раскаленного газа, свершающихся с интервалом в пять минут на поверхности Марса. Предположительно раскаленный газ является не чем иным, как водородом, который приближается к Земле с достаточно высокой скоростью. Коллега профессора Налимова Б.А. Разливайко Г.В. подтверждает данные наблюдения и дает следующее определение явлению, цитата: вздутие обыкновенное. Мы будем следить за ходом событий, а теперь предлагаем слушателем возвратиться к прослушиванию выступления детского хора».

Леонид, сбросив одеяло, поставил свои, с проросшими синяками, ноги на обшарканный пол. Природу синяков чудесным образом описала писательница Саган, читательницей которой была Полина. И пусть Франсуаза сочинила лишь название, но зато какое: «синяки на душе». Впрочем, юноша не имел представления об этом литераторе, как и не помнил, в какой отрезок вчерашнего дня зерна синяков попали в открытые ранки на ногах. Безусые музыканты продолжили музицировать. Детишки полоскали своими языками замаравшееся белье мыслей радиослушателей: «я все смогу, я клятвы не нарушу, своим дыханьем землю обогрею, ты только прикажи, и я не струшу, товарищ Время, товарищ Время». Леонид оторвался, подобно подростку в пубертатном периоде в женском исправительном учреждении, Леонид оторвался от кровати. Глубокая, проходящая наискось через всю стену щель удручала не сказать чтобы сильно, просто вот слегка, двухэтажный каменный дом, таких домов на Сталепрокатной было штук пять. Двухэтажный каменный дом как будто перекосило в земном поклоне. Лёня дошкандыбал до окна, открыл. Там расплескалась синева, свежий воздух ударил в голову, голова, соответственно, закружилась. С непривычки свежий воздух действует подобным образом. Когда-то тогда, несколько лет назад парень ездил на Байкал с дядей Колей. У дяди Коли при вдыхании такого качественного воздуха случилась рвота. И он был вынужден прислониться к выхлопной трубе своей серебристой Нивы, заведенная Нива насыщала легкие дяди Коли пакостью, ему становилось лучше. Леонид стоял у окна, ноги дрожали, он держался за подоконник. За окошком простиралась Родина, охмурилась своими яблочками на ветках яблонедуба, маршами фей, наряженных в форму неведомых войск. Песенка в радиоприемнике стала звучать тише, а потом и вовсе смолкла.

Мужской дикторский голос. Голос, наделенный, словно Вильгельм Телль властью распорядиться стрелами, решать, стрелять по яблокам, или повременить, – так и дикторский голос говорением пронзал фрукты, растущие на головах граждан. Заговорил дикторский голос: «уважаемые слушатели, мы прерываем выступление с тем, чтобы сообщить информацию, поступающую из ряда крупных обсерваторий, она связана с явлениями на планете Марс. Ничего совершенно не смысля в данных явлениях, мы обратились и задали кое-какие вопросы известному в узких кругах специалисту в области астрономии, Всеволоду Константиновичу Чекушкину. Мы продолжим эфир в ангарской обсерватории, где наш комментатор Владимир возьмет интервью у профессора Всеволодовича Константиновича». Джонни взял винтовку, а Леонид зубную щетку и основательно так почистил зубы, ажно десны закровоточили. Некто Владимир, заикаясь, спросил: «а-а-а в-в-вы, з-з-здравствуйте, В-в-все-все-вогод, рассказките». Лёня вошел на кухню, желая обесточить надоедливое радио, однако речь специалиста показалась интересной, поэтому он не обесточил радио, открыл холодильник, взял кастрюлю с рисовой кашей, поставил на стол, достал плоскую тарелку из шкафа, стал нарезать хлеб, кипятить чайник. Ученый муж темнокожей жены принялся разъяснять: «рассказываю, Владимир, рассказываю, имеется такое мнение в обществе, что Марсианская земля абсолютно необитаема, то есть, конечно же, не заселена сложными организмами, такими как люди. Но, позвольте спросить, находясь в пятидесяти пяти миллионах километров от Земли, кто там, что разглядит как следует». Леонид наливает кипяток, чай фирмы соса-сола, чай цвета нефти, красно-белый картонный флажок висит на ниточке, ниточку как будто сплели паучки-лилипуть. Внезапно речь Всеволода Константиновича

прерывается, прерывает ее диктор, который наделен властью, который представлял Всеволода Константиновича, он говорит: «мы вынуждены прервать интервью, нам поступили сведения о зафиксированном землетрясении в районе...»

Изюм в каше напоминает тсантсы. Иными словами, засушенные индейские головы, с сохраненными чертами лица, но размером с кулак. Чай горчил, словно был взглядом обитателей картины «Американская готика». Радио принялось разговаривать голосом дикторши, второй по счету, Леонид предположил, что эта девушка непреклонных лет весьма и весьма ничего, то есть вполне себе мила. Она сказала: «всем слушателям слушать внимательно, сейчас я озвучу последнюю на данную минуту информацию, поступившую нам из високосного университета от профессора Шульженко А.А. Он сообщает, что стал свидетелем как минимум трех вспышек на планете Марс между десятью и одиннадцатью часами утра. А теперь совсем важная информация, примерно в одиннадцать ноль одну на ферме близ населенного пункта Киренск произошел прилет охваченного пламенем предмета, специалисты полагают, что упал метеорит. Шум от падения был слышен далеко на севере...» Леонид расправился с кашей, выключил радио, шелкнув тумблером. За окном высоко в небе пролетала стая хичкоков, одетых в строгие костюмы. На телефон поступил звонок, это была мама. На столе стояла кружка и чашка, в них остался лишь синтаксис предложений, которыми они сейчас описываются. Мама посоветовала искать для Антонины Георгиевны сиделку, посоветовала сделать это побыстрее, а сама она придет через неделю, похоже, надолго, все-таки не чужой человек, хотя психику поломала. Бабушка в смысле поломала матери, однако, чего уж там, всякое случается, не каждый умеет демонстрировать любовь, не каждый сексот нежности.

Лёничик, помыв посуду, стал пробираться вглубь квартиры. Он переступал через раскиданные тут и там осколки дряхлых культур. Попался раскуроченный телефон цвета белогвардейца, по нему позвонили. – Алло! – сказал парень. Потом он сказал: ах, Лиля, вольное сокращение от Зинаида, помню-помню, не звоните сюда больше, она занята. Леонид положил трубку, рассмеялся собственным фантазиям, рассмеялся как не в себя, вспомнив детское прозвище: Лёнинград. Лёнинград, отворил дверь кладовки. Пахнуло затхлостью, даже некоторой консервативностью, свойственной разным кладовкам. Они пухнут от домашних архивов, зимних вещей, которые и не пригодятся больше, а выкинуть жалко, игрушек; разного вещественного непостоянства. В конкретном случае с кладовкой Антонины Георгиевны, в этом конкретном случае, когда Лёнинград зажег унылую лампочку, потянув за веревочку, чулан содержал в себе много-много макулатуры и приспособлений для самогонования. Занемевшая мензурка, видно, не видно, невидимая, – но возьми да и упади на голову парня. И сразу голова повернулась в нужную сторону, из-под снимков с флюорографией выглядывал краешек синей папки. Некстати вспомнился бабушкин живот, увиденный неумышленно на пляже, у нее была улыбка на животе, это вот от кесарева, посекали ее так. На ощупь находка была липкой, шершавой, на ладонях осталась белая гадость. Консистенцией гадость напоминала какое-то хамство, если выразиться резко. Слышимость в кладовой была на очень высоком уровне, подобный уровень демонстрировали шумеры, применявшие орошение с помощью дамб и каналов. Этажом выше некая особа бубнила: муми-тролли, уходите, ухо-то мое отдайте, что вы, как бы да. Странная соседка, занимающаяся апологией своего уха, притихла, только зашуршало что-то. Лёнинград с этой папкой покинул помещение, в коридоре присел на табурет, ножки которого были обуты в разные сандалики, кожаные, ношенные.

Леонид начал откуда-то с середины, на желтой бумаге плохо пропечатанные буквы складывались в заметку: «Капустин яр, 1989-й, фиксация плохо идентифицируемых дисков над военными складами. Сферы имеют диаметр – шесть метров. Звук отсутствует. Свечение пульсирующее. Самолет, поднявшийся совершить перехват, совершить перехват не сумел». Чудны пути твои, подумал юноша. И принялся читать дальше. «Протокол от 1968-го года, точная дата неизвестна. Место события Березники. Добытое тело инопланетного существа отправлено в научный институт. Приказ маршала А. Гречко: положить дело на особый контроль». Лёня покачнулся вместе с табуретом, рискуя свернуть себе шею. Бегло просмотрел иные документы из папки, отче-

ты, результаты анализов почвы. И вдруг наткнулся, хотя чего это вдруг, как ни крути, сюжет в данном произведении развивается согласно авторской логике и мотивам. В поле зрения молодого человека попали бумаги, сшитые белыми нитками. Это был дневник бабушки, в нем Антонина Георгиевна описывала малопонятные вещи. Например, она сообщала: «я, Антонина Георгиевна, даю согласие, на что я там даю согласие. В рамках программы обмена опытом я даю свое согласие на то, что меня заменят моей точной копией товарищи с Марса, сама же я отправлюсь на Марс, где буду проживать в течение тридцати трех лет и трех дней. По окончании...» Запись обрывалась, на листки как будто плеснули нажористым супчиком. Да, Ленинград не ожидал подобных пердимоноклей. Для выяснения обстоятельств данного дела он отправился в больницу к бабушке, хотя и отдавал себе отчет со словами: вам отчет, выполнил его к пятнице, а не к понедельнику, дорогой начальник. Впрочем, это все шуточки, Лёня понимал, что женщина невменяемо, но кто же к ней еще придет, кроме внука, надо, Федя, надо. А когда не надо будет, она промочит: уйди, мальчик, я тебя не знаю. Значит, больше не возникнет вопросов, раз бабушка выразится таким понятным образом, все же мы люди, в самом деле.

Леонид отделился от квартиры, и на улке пошел дождь. Характеристика дождя была такая: он произносился по-особенному, на манер петербургских дождей, где вместо «ж» следовало говорить «ш». Это был дождик политик. Когда холодные капельки то тут, то там, то тут, то там – такому дождю веры нет. Возле булочной, приземистой одноэтажной избушки, столпились детишки. Пробежала коричневая курица, за ней гналась кухарка с грандиозным тесаком. Влага просачивалась за воротник байковой рубашки, сшитой как будто из одеяла, белого с голубыми квадратами. Войдя в избушку, чтобы переждать непогоду, Лёня увидел морозильную камеру. В основном там – конечно, не в камере, а в булочной – собралась мелочь пузатая и не пузатая тоже, неблагополучные семьи очень серьезный вопрос, на который мы требуем дать немедленный ответ. На большой блестящей двери холодильника висело объявление, распечатанное на принтере: «пожалуйста, не воруйте наш снег, наших коров, пожалуйста, пришельцы, будьте людьми». Абстрактные дети были крайне возбуждены, ведь за кассой находился мужчина, вырядившийся пиратом. Он изготавливал в специальном аппарате кислородные коктейли. Советская разработка, а кислородные коктейли – это именно наше, советское изобретение – готовились особенным образом. Пластиковые полулитровые стаканчики после того, как напивались соком, яблочным, виноградным, и насыщались кислородом, – пират в них кричал. Вот подошел к прилавку глест в целлофановом дождевике, попросил: дяденька, а накричите мне что-то доброе. Мужчина приглаживает свои дымные, эффектные усицы, говорит: хм, дай-ка подумать. И начинает вопить в стаканчик, вопит, но как бы поет: пусть всегда будет солнце, пусть всегда буду я, а-а-а-а! И передает получившийся коктейль мальчишке.

Лёнинград смотрит на пирожные за стеклом, на каждом из них – что бы они из себя ни представляли, то есть муравейник, не муравейник – было написано: продукт с инвентарным номером один, продукт с инвентарным номером два и так далее. Господин пират, одетый в обмундирование покорителя морей, жеманно сказал: угощайтесь еще пирожными, кстати, сегодня за счет заведения, и не забывайте голосовать за Иннокентия Павловича, когда вам исполнится восемнадцать, к тому времени я буду баллотироваться в мэры. Мужчина постучал пальцем с длинным желтым ногтем по черной повязке на глазу. Затем приоткрыл ее, явил окружающим агатовую завораживающую бездну. Ребятишки уставились на него, как на форель, предлагающую загадать три желания. Служащий булочной вернул тряпку на место, замаскировал свое безобразие, произнес: а еще вон там стоит автомат, где вы можете выбрать себе игрушку. Подле морозильной камеры стоял пурпурный аппарат с металлической клешней-рукой для извлечения предметов. Вместо стандартизированных пистолетиков, Чебурашек, морских коньков аппарат был начинен правителями. Леонид пригляделся, даже подошел к машине, расталкивая Шпунтиков, которые не скупались, тратили свою пятирублевую валюту, бросали монетки в продолговатую, как разрез на туше тюленя, щель. Эта туша тюленя представилась Лёничку неспроста, он посмотрел на пухлое лицо Мао Цзэдуна, на лицо Трумена, Петра Первого. Бог ты мой, подумал юноша, да это

же куклы правителей в автомате с игрушками. Школяров с детства приучали к выбору, ну, будьте здоровы, школяры, тогда. Леонид в радостном настроении, ни разу не в расстроенных чувствах, в расстроенных чувствах обычно пребывала мама Полины. На ней играли музыканты-неудачники, а последний сожитель практиковал тяжелый металл, поэтому женщина ходила с ужасающими синяками под глазами. Вышел из булочной.

Язык довел до Киева, и до приемного отделения больницы. Лёнчик ловил капельки дождя, раззявив свою раковину, в которой блестели жемчужинки зубов. Краткие, словно телеграфные сообщения липы покачивались, их пушистые одеяния шушукались о своем природном, неведомом. В окошке регистратуры сидел бывший одноклассник Шамиль. На этот раз он вырядился в соответствии с занимаемой должностью. В халат цвета белого квадрата Малевича, с пластырем на носу, гладко выбритый. Он водил рукой по черной тощей кошке, приговаривая: Анубис хороший, хороший. Заметив Леонида, мужчина смущенно сказал: а у меня ипотека, семья, вот приходится крутиться. И был он подобен Осирису, чье тело разрубили на части, раскидав по всему Египту. По крайней мере, подобная аналогия сразу пришла на ум Лёнчику. – Я к бабушке на свиданку, – сказал наш герой. А не наш герой, не герой нашего романа, ответил: тут вот какое дело, пропала она. Овальные часы с корабликом унывно тикали, два санитары с печальными коровьими глазами несли кого-то на носилках. На выпростанной из-под клеенки руке была вытатуированная надпись «мир». – Куда вы его тащите, бросьте, это не ваш, я ваш! – внезапно, как безвременная кончина Лауры, в приемный покой забежал кричащий мужик. Его крик напоминал интонациями вскрики того тимуровца из Ералаша, естественно, тимуровца постаревшего: «стойте, куда вы ее тащите, бросьте вы ее, это не наша старуха, наша она!». Санитары обеспокоились, поставили носилки на пол, потом посмотрели на крикуна, посмотрели на носилки, один из представителей младшего медперсонала сказал недовольно: назад в палату возвращаемся бегом, скоро и тебя заберем, если будешь плохо себя вести. «Это не наша старуха» стусевался, почесал свою промежность, закованную в доспех подгузника, кивнул плешивой головой и точно краб убежал на своих искривленных ногах резво наверх. Шамиль произнес: а ля гер, ком а ля гер. Что переводится не иначе как: на войне, как на войне.

В смешанных миксером чувствах Лёнинград покинул пристанище рыхлых граждан. За прошедшие годы, проведенные в приемном отделении, дождик успел смениться пламенной аскорбинкой, аскорбинка перекатывалась по голубоватому столу, во главе которого стоял условно ценный мальчишка с медицинским инструментом, найденным в сумке мамочки. Он стоял там и надувал цветной пузырь, наполнив медицинский инструмент красками, мылом. Антонина Георгиевна исчезла, бывший одноклассник рассказал, что за ночь необъяснимым образом испарились несколько пожилых граждан. На утренней поверке постельки пациентов оказались обесточенными, по ним больше не бежал людской ток. А на казенных простынях обнаружили подозрительные белесые пятнышки.

Поодаль, возле фигуристого строения, в окнах которого курили студентки педагогического училища, шли полураздетые люди. Это были учащиеся уже семейных институтов, с маленькими детьми, опоясанными цветастыми спасательными кругами. В редках из резины. – Зина, Зина, покажи грудь! – предлагал жилистый, загорелый фронт с редкими седыми волосками на груди. Женщина в сиреновом купальнике, соломенной шляпе, с ожогом на спине посмеивалась: прекрати, Евграф, прекрати! Леонид присоединился к людскому потоку, устремившемуся на пляж, традиционному для подобной знойной поры, традиционному, как пакет с пакетами дома. Кусачее солнце провоцировало низменные инстинкты, словно чтение Маркиза де Сада, Леониду хотелось сбросить одежду, закричать: каникулы! Рудиментарный хвостик, высунувшийся из труселей шедшей впереди пышнотелой гражданки, вызвал умиление. Впрочем, Лёня не понимал, чему теперь умиляться, бабка пропала, надо маме сказать, а что скажешь, случаются печали, но сердцем лучше не стареть. – Нет, сказать надо так, – размышлял вслух юноша, – ты не волнуйся главное, не волнуйся, бабушку повысили, пригласили на новое место службы. Нет, как ее могли повысить, если она на девяносто процентов овощ, в таком состоянии повышение это подковерные

игры в ящик. Надо сказать так: ты только не волнуйся, бабушку похитили, я сам в неведении! – В раздумьях Леонид вышел на пляж, засыпанный песком цвета известки. Речка блестела в лучах аскорбинки, переливаясь на манер дизельных пятен в Норильске. Встречались граждане отдыхающие с постными лицами, мясистыми лицами, всякие разные люди нежились под чутким присмотром старшего жоатаго, Солнца Тучкина. Раздевшись, Лёня сложил байковую рубашку, брюки стопкой и направился вдоль кромки берега, внутренне он ощущал потребность уединиться. Неожиданно, словно находки в квартире Анатолия Москвина, в лицо прилетала жменя семечек. На внушительном пузе бросившего семечки мужика синеватый туман нежности окутал пригорки тоски. Агрессор сидел на песке и употреблял пиво. Он неприятно сказал: ты мне солнце загораживаешь! А потом еще и сплюнул мутно-зеленым.

Пропустив мимо ушей высказывание и не желая быть расточительным, нервы нынче товар недешевый, юноша так же неторопливо, как прежде, побрел вдоль берега. Задира продолжал собачиться, в лицо Леонида полетела пригоршня песка, для этого хам отставил свою бутылку в сторону, ведь пригоршня подразумевает две ладошки, сложенные лодочкой. Пузатый негодяй крикнул: я к тебе, к тебе обращаюсь! Со стороны кустов стремительно, точно появление женщины на полях текста одного видного писателя, вышло новое действующее лицо. Состарившийся, словно мороженое на жаре, майор Пронин. За прошедшие годы он выцвел. Его рыжие, как будто бесстыжие волосы в данное время имели пепельный оттенок. А форма совершеннейшим образом стала мышинной шерсткой. Старый знакомец, шагая, говорил мужчине-забияке: гражданин, неужели вы хотите стать бывшим потомственным почетным гражданином, я вам сейчас устрою кузькину мать! Агрессор как-то сразу стухевался, нет-нет, что вы, Петр Васильевич, я так, бабушку. Милиционер подошел к Леониду, сказал: а я за тобой следил вон из тех кустов, пойдём поговорим. И как это бывает в бесчисленных произведениях Токарева, мотивацию героев сложно, мы бы сказали, почти невозможно объяснить. Поэтому Леонид, не без сомнений, проследовал за майором. Позади слышались крики, некая дамочка истерично сообщала по телефону: Олег, я не понимаю, что происходит, они опять на меня всем пляжем ополчились! Вокруг нее столпились отдыхающие, кто-то снимал на телефон, кто-то ласково уговаривал: женщина, мы сейчас вызовем санитаров, отдайте моему сыну игрушку.

Миновав таинственные кусты, Лёнчик очутился на полянке. Там худощавый мужчина, про таких говорят в толерантном обществе: мужчина корректный. Хлюпкий мужчина стирал в речке носки. Речка была небольшая, сантиметров пятьдесят в диаметре, карликовая речка. Бледная впалая грудь мужчины напоминала населенный пункт, подвергшийся ударам крылатых качелей. Произошло узнавание, дядя Слава произнес, озираясь по сторонам, хотя прохожих и не было: мне сообщили, что ты прибыл в город, есть свои осведомители, ты никому не верь, тут много подменных. Леонид на всякий случай уточнил: кто? Вячеслав посмотрел на майора, сказал: Петя, будьте любезны, проведите анализ местности, нет ли у нас непрошенных гостей. Милиционер кивнул, ушел обследовать близстоящие территории. А дядя Слава покончил со стиркой, повесил синие уставшие носки на ветки неведомого дерева, получился своеобразный кукольный театр. Лёня спросил: а вы тогда, когда мы виделись с вами, вас потом куда-нибудь определили? – Куда это могли меня определить, молодой человек? – переспросил раздраженно мужчина и сыграл мелодию лета своими хрустящими пальцами. – Верно, верно, бывшая супруга совершила предательство, но дело не в этом, дело не в этом! – Вячеслав как полоумный, с безумными глазами, порывистыми движениями рук стал ведать-заведовать-рассказывать. Он жестикулировал, точно был дирижером оркестра кретинов. Говорил: ты, наверное, слышал по радио о вспышках, ну, да-да, слышал, это редчайшее явление, я ждал этого долгие годы! Лёнчик подумал, как сказать маме, чтобы она не расстраивалась, бабушка все-таки являлась последней тростинкой, по которой можно было добраться до семейного прошлого. – Твоя бабушка, Антонина Георгиевна! – надрывался словесными гирями чудак. – Она, это совершенно точно, участвовала в программе обмена, и таких половина города, половина! – повысил свой голосок возможный ученый. Ленинград не представлял, уфология это учение или дебильность.

С западного фронта, где товарищи боролись с землистым цветом кожи, подул порывистый ветер. Аскорбинка укатилась поближе к востоку. Майор Пронин вышел из кустов, не тех, в которые он заходил, других. Милиционер спросил: Слав, он с нами, ты ему рассказал? Дядя Слава глубоко вдохнул носом. И высказался ртом: Леонид, Лео, за время вашего неприятия здесь утекло много воды, конечно же, я не сидел на месте, мне удалось создать прибор, позволяющий на волновом уровне опознать, наметить некоторый радиус нахождения передатчика. – Слава, не перегружай этой заумью, ближе к делу! – поторопил Петр. Юноша приметил, как по пригорку ползет муравей, на своей хребтине он тащил финскую стенку, должно быть, для детишек. Леонид предположил также, гипотетически, конечно, что an ant ползет в муравейник, сгоревший муравейник. Дядя Слава путем колебаний воздуха вывел из этих почти гипнотических думок Лёню. Он сказал, потрясая самой что ни на есть балалайкой: а это, посмотрите, вы, кажется, уснули с открытыми глазами, посмотрите, это мое изобретение, не вдаваясь в детали, с помощью него мы вычислим... – Слава, Слава, парень не Толстой, чтобы понимать! – перебил чудика Пронин. И продолжил, кивнув на тело музыкального инструмента, покрытое проводами-венами, кнопками-сосками: – Вячеслав изобрел этот самый, с его помощью мы найдем передатчик инопланетян, хотя словечко мне не нравится, паскудное словечко. – А зачем вы за мной следили-то? – спросил наивный чукотский мальчик. И возбужденный, как стая мартовских волков, уфолог начал сбивчиво рассказывать про специфическую связь внука и Антонины Георгиевны, которая в числе подмененных, про дело, которому он посвятил тоскливые годы, про жену маразматичку-математичку-телеграфистку. И будучи человеком, охотно идущим на поводу, Леонид сказал: а почему бы, собственно, и нет, запишите меня тоже в поход, обязательно в крестовый, но не шлицевой. – Раз с моей помощью удастся связаться с бабушкой, тогда ладно, – сказал Лёничик, мечтательно глядя на мелколесье волос на собственных обнаженных ногах.

Глава 9 НЛО вербует подростка

Растет в лесу камень, никого не трогает, растет не маленький, не большой, день растет, два растет, века растет. Уж зарделись небеса, чьи-то товарки нарожали детишек, материнским капиталом распорядились, мультфильмы новые прогрессивные сочинили, от крепостного права отказались властные мужи, ирония перестала работать, общество изменилось. Наверное, лежит этот камень здесь столько, сколько и не нужно порядочному камню лежать. В гостях ведь хорошо, а дома благополучней, пора и честь знать. Вполне вероятно, камень знает, и честь знает, и что вы делали две тысячи лет назад, тоже знает. И познания его носят характер сугубо беспристрастный, созерцательный. И вот уже разгоряченный отрок шепчет в тени можжевельников девчонке: закрой рот моим ртом. А камень, который и не камень вовсе – яйцо, лежит себе, вслушивается. А так посмотришь – и не происходит ничего особенного, а все-таки НЛО. И такая, знаете, оторопь берет за жабры, что думаешь, неужто следует возвращаться туда, откуда выполз, теряя перепонки, социальные навыки, речь. Как жить в мире, когда секрет подобный под ногами валяется, не поднимается.

Из темно-синих рейтуз доносился жалостливый крик, необитаемый дядя Слава усмехнулся. – Это у меня живот бурчит, команды «газы!» не будет, – сказал он. И был он жалок, как гражданин с асфальтовой болезнью в своей легкомысленной одежке: полосатой пижамной рубашке, синих рейтузах. В дивном храме природы ряды живых колонн сплетничали, как девки в коллективе, перемывали косточки особенно удачливой лиственнице. Глядели на путников очами, полными символов и мифов. И где-то там, в чашобе леса прорастало, по слухам домохозяек, осевое древо, из нижнего мира до самой операционной системы вселенной. Майор Пронин в неизменном индиговом, но посеревшем кителе, в штанах с бесконечными лампасами – казалось, они живут обособленно от штанов, белые ленточные червячки. Леонид вместе с престарелыми

ребятами шел по лесу, впереди бежали дриады, одетые в наряды проституток, где-то гремела танцевальная музыка. – На танцы, кобылки, по лесу-то нехорошо без провожатого, потом и находим подснежники по весне, – сказал Петр. Дядя Слава спросил, отгоняя кедровой веточкой приставучих бабок, кружащихся, норвящих укусить: послушайте, Петр, не все так однозначно, вы снова делите мир на черное и серое. Лёнчик подумал: оставить записку, с кем ушел, куда, не помешало бы, хотя кому ее тут оставишь. Майор слюнявил ртом, чем же он мог слюнявить еще, папироску, его шаги замедлились, упругость земли сменилась на чавканье, как будто началась болотистая местность. Петр говорил, ни к кому не обращаясь: помню, последнее дело, девчонка Дафна, хорошая, отличница, ты когда уехал? – неожиданно спросил паренька милиционер. – А вам это зачем знать, в классе восьмом, – зачем-то посотрудничал юноша, выдав компрометирующую информацию. – Судари, мы, кажется, близко! – сказал уфолог, его балалайка говорила на языке Сыроежкина-киборга, мигала.

Ученый муж жены с приборахом принялся нажимать на кнопки своего инструмента. Майор вглядывался в эти сибирские джунгли, вглядываться в них надобно было уважительно, как при обращении на вы. Леонид размышлял, а не запутались ли они в зарослях лесных подмышек. И стало ему так смешно, как при прочтении дневников нимфоманки. Вообще, ситуация эта помыслилась настолько комичной, вот он идет в компании бывшего милиционера Петра, странного дяди Славы неизвестно куда, а вдруг впереди ожидает уничтожение достоинства человека. Дикие утки вспорхнули, полетели, они были жирные, поэтому летели медленно, так и просились в духовку. Лёня присмотрелся, запеченные утки летели в сторону многовекового дуба, видно, там у них было гнездо. Научное изобретение Вячеслава запиликало на манер экзерсисов кузнечика со скрипкой. Он сказал, бодро шагая: мы рядом, мы почти пришли! И был он подобен в своем бодром шагании человеку, прожившему жизнь так, что даже гробовщик пожалел о кончине этого человека. Петр взглянул на Леонида, сказал: давай, малой, надо нагнать нашего Борменталья. Уфолог оплошал, опростоволосился, сел в лужу. Исполнив путешествие по воображаемому гипоталамусу этого крайне запутанного лесного организма, компания пришла в то же самое место, через каждые сто метров майор повязывал красную ленточку на ветках. Они ходили по кругу, коньячному кругу от рюмки в беседке Карамазовых. И природный дух уверенно вошел в ноздри ребят, овладел телами, никто не позвал экзорциста. Терпкий аромат ягод, кедровых шишек, белых грибов непрерываемо – хотя как же непрерываемо, ежели мы можем это все описать, – смердел. Нет-нет, не смердел, благоухал.

Сделалось зябко, Петр достал из походного рюкзака стопку писем. Путники остановились возле отломанной многометровой зубочистки. – Что это у вас? – спросил Вячеслав, принохиваясь, воздух был какой-то ионизированный. Лёнчик чувствовал невероятную свежесть, как после грозы. – Любовные письма, я же, когда работал участковым, то курировал работу детской комнаты милиции. – И что же, они писали кому-то любовные письма? – хмыкнул дядя Слава, поднося балалайку к уху, в ней мерно тикали механизмы. Майор усмехнулся, начал готовить место для костра, расчищать от листьев, выкапывать ямку. Ответствовал: писали, такие горят по-особенному, жаркие, мама дорогая. Леонид был озадачен, как старик, в чьем компьютере вылезла генетическая ошибка. Уфолог пробурчал, что ничего не понимает, по всем признакам они уже близко, но как выглядит искомый объект – это, конечно, предстоит выяснить. Петр, раздув пламя костерка, сказал: Слава, привал, найдем еще. – Петр, а вам зачем нужна связь с этими? – спросил юноша, присев на поваленный ствол дерева. Ствол был шершавым, точно кошачий язык, кора подверглась профессиональной деформации в нескольких местах. Видно, топорщиком орудовал дровосек-любитель. – Как тебе сказать, кажется мне давно уже, что я это не я, нереальность какая-то реальности, – разоткровенничался Пронин, доставая из рюкзака консервы. Сумерки сосредоточились на постижении науки светового дня, утемнился вокруг лес. В брызгах костра умывался дятел, его багряный хохолок напоминал цветом прорезиненную ручку молотка, у бабушки в ящике для инструментов такой был. Заухало в северной стороне, ветрянка мха, мшистая ветрянка поразила древесные тела. Леонид клевал носом, клонило ко

сну. Дядя Слава ворчал, впрочем, вульгарно не изъяснялся, и то хорошо. По периметру стоянки со своей балалайкой бродил. – Слава, хронически здоровый ты наш, давай поужинаем, а потом бродь дурочку гнать, – попросил милиционер по-доброму без применения спецсредств.

– Ничего не понимаю, судя по характерному скачку температур, мы в шаге от искомого, а так ничего не понимаю! – нудил дядя Слава. Его кое-как усадили на бревно у костра. Петр был человеком деятельным, поэтому вокруг очага воспаления он организовал настоящее лежбище котиков. Трапезничали. Лёня спросил с набитым ртом, волокна говядины увязли в зубах: а инопланетяне какого цвета, я не эксперт, но вы кажетесь поехавшими? Майор почти не обиделся, бывшие милиционеры не умеют обижаться, ответил, глотнув из примятого термоса с цветочками чай: синие, малой, синие. Кроны деревьев, их избыточная кутерьма нагоняла сумрак, время было не позднее, но создавалось впечатление, что путешественники очутились в брюхе лесного кита, где всегда царит полумрак. Где встречаются осколки культур, пораженные планктоном бригантины, храбрые танки, шлемы тевтонцев. Дядя Слава прислушался к разговору, он употреблял сушеные яблоки, зубы у него были цвета ночных кошмаров, которые испытывают дети, а по утрам родители наблюдают желтое море на перине. Он говорил: мне довелось встретиться дважды с представителями Марса, так вот, на втором нашем свидании они предстали передо мной синими. Уфолог замолчал, многоярусная колыбель, составленная из елейных лап, покачивалась. Леонид уподобил в уме дядю Славу Кассандре, и не поверил. Уточнил, зевнув: а почему синие-то? Треснула ветка, непрошенный гость, но не татарин, лесная зверушка ломанулась прочь, приминая кусты. Майор ответил за всех, и за Вячеслава, и за маму, и за папу, и за главнокомандующего: дык твоя бабушка-двойник поспособствовала, особенности культуры, были зеленые, как огурцы, стали пьющими. Чудовищная, как некая мать, не сдержавшая эмоций и утопившая свою дочку в ванной, а потом сама испугавшаяся в ванной, ведь не пропадать же теплой водичке. Подобная чудовищная сонливость окутала юношу, и мы не в силах даже представить, как его там разморило после сытного ужина.

Мы можем лишь подслушать диалог Вячеслава с Петром, и нашими ушами станут локаторы сибирского кота, дерзнувшего возвратиться после стремительного побега от места стоянки двуногих. Его жидкокристаллические глаза подмечали особенности, детали. Усы, как будто пучки соломы, прыщик, как будто верхушка ракеты, водянистые полуприкрытые глаза, как будто их носитель чрезвычайно устал влечить жалкое существование. – Петь, а ты мне веришь, ну, не может врать прибор? – сказал человек один. – Хрен его знает, Слава, во что верить, не верить сейчас – сказал человек два. Свет от костра проявлял физиономии в темно-темной комнате. – Слава, ты уверен, что пацан пригодится, он же какой-то шебутной? – спросил человек два. – О, это вообще пустое, все эти размышления, нужен, не нужен, в данный момент главное найти передатчик, ой, заметили, я с вами на ты перешел? – то ли спросил, то ли не спросил человек один. Человек два закурил, выдохнул, тучка медленно полетела, стал накрапывать дождь. Капель тридцать было выпущено, потом он прекратился. – У меня историй этих необъяснимых, сам знаешь, в Курске тогда, здесь на службе, – сказал человек два. Дернулась нога человека три. Человек один оживился: а что там, Петь, у вас в Курске было, напомним. И второй человек стал напоминать: что-что, звонок в дежурку, по вокзалу расхаживает гражданин в милицейской форме старого еще образца, советской. Человек два тушит о землю окурочок, продолжает: выехали группой, выглядели опрятно, ботинки начищены, на поясе кобура, взяли, в ките нашли удостоверение восьмидесятого года, выданное Тульским УВД, позвонили туда, был такой сотрудник, пропал, двадцать лет не было. – Вот как, временной разрыв? – спрашивает человек один. – Памяти нет, правда, вспомнил он эпизод, как лежит на столе, вокруг существа с большими глазами, бритые, общаются на русском, – пояснил человек два. Помолчали. – А потом лейтенант заметил, что в шее у него чип, приехали доктора из института Сербского, увезли, не знаю, что с ним теперь.

Сибирская кошка была вынуждена восхититься вспышками в небе. Розоватые линии, деградирующие до состояния точек. Всполохи озарили лагерь, костровой крепко высказался. Вячеслав бросился к яйцевидному камню, крича: мы нашли его, нашли! Леонид проснулся зайкой,

ноги непроизвольно дернулись, юноша чуть не угодил в огонь. Пронин рывком поставил туда, откуда взял, сказал: малой, надо идти! Звуковое сопровождение было нелепым, надрывались коровы, что-то пищало, кто-то чавкал, скрипели тормоза поезда. – Слава, отступаем! – майор перекрикивал концерт по заявкам. Уфолог поместил камень в рюкзак. И путешественники, точно комедианты, поспешили. – А куда мы на ночь, хотелось бы уточнить? – уточнил Лёня, они с Петром удерживали с двух сторон Вячеслава, тот норовил сделаться одним, которого не ждут семеро. – В дом лесника, малой! – грустно, как русско-японская война, бросил милиционер. Феерия смыслов и световое шоу прекратились. Но путники упрямо шагали сквозь недоброжелательные кусты, которые хлестали по лицу, кололись. Дядя Слава трясся от нетерпения, говорил: Петя, давайте мы остановимся, бог с ним с этим домом лесника, темно же, надо изучить объект! Майор проявлял непреклонность, являлся человеком волевым, если решил заночевать в лесничем обиталище, значит, так оно и случится. Он сказал: цыц! Лёнчик ушибся ногой о предметы, выступившие на физиономии матери природы. Пронин повысил голос до недопустимого, примерно до шестидесяти децибел, хотя в ночное время разрешалось лишь тридцать. Он сказал: пришли, голубчики, пришли. Леонид спросил, корчась от возникшего дискомфорта, по ощущениям конечность боднул теленок: куда? – Куда надо! – выказал своим повелительным тоном служитель закона в отставке раздражение. Раздвинув, точно адронные коллаидеры в случае с раздвижением горизонтов физики, именно так Леонид раздвинул темно-лазоревые кусты. И увидел домик лесничего, поленицу, протоптанную дорожку, по которой юнцы без проблем пройдут, как их деды и прадеды. Ведь с каждым годом парень все больше склонялся к идее уехать жить в деревню.

И был этот домик настолько грустным, грустным, как судьба Владимира Фомина, борца за право мужчин ходить в платьях и без трусов. И был этот домик точно слоеный пирог: нижние бревна отсыревшие, темные, все выше и выше и выше – светлее, интересно, какая у него начинка? – Лёня, ты скажи, ты альтернативно развитый, зачем ты все это записываешь в такое время? – прервал говорение Леонида в диктофон Петр. Дядя Слава, достигнув двери и многого в уфологии, попросил помощи зала: Петь, Петь, помоги мне, она не поддается, я так не играю. И только всему коллективу, когда друг за друга схватились, а ученый вцепился в грубую дверную ручку, получилось с характерным «чпок» откупорить сторожку. Внутри было двусмысленно, то есть неизвестность, таящаяся во мраке, она определенным образом действовала на нервы. Ровно до того момента, пока майор не зажег. Как по взмаху волшебной бензопилой, жилище утонуло в липком желточном свете. На прямоугольном, волевым, как челюсть Арнольда Терминатора, столе прикорнула черная швейная машинка с золотыми узорами. Росчерком руки по воздуху Пронин что-то подписал, а подписал он, как стало известно из реплики, прозвучавшей далее, указ о том, что Вячеслав не должен проводить манипуляции с найденным объектом, во всяком случае, пока они застряли тут. Вот когда они доберутся до лаборатории в гараже, только тогда можно, а сейчас ни-ни, неизвестно какая зараза пробудится. Красная бочка пропана притулилась на краешке скамейки. Над плиткой висел патронташ, из каждой ячейки торчало по макаронине. Леонид подошел ближе, на конфорке стояла кастрюля, испачканная в саже, в ней разбухли патроны калибра семь, шестьдесят два. Юноша открыл рот, и все отчего-то обиделись. Хотя спросил-то милую глупость: вы точно не состоите на учете в специализированном учреждении?

Вячеслав выудил из пруда своего рюкзака найденный камень. Майор цокнул, выражая неудовольствие. Уфолог сказал, положив находку на истошенный коврик непонятного цвета: – Петя, вы не волнуйтесь, я не нарушу, я просто почищу, вам разве неинтересно? – Мне интересна безопасность, – рассказал, что ему интересно, Петр. Лёнчик рассматривал настенный календарь с уроженкой страны порнография. Белокурая с чрезвычайно серьезным взглядом женщина, казалось, вот-вот рассмеется, она сидела вполоборота, попа соприкасалась с резиновым жезлом. – Товарищи, вы посмотрите, оно живое! – закричал Вячеслав. Изгадив пол частичками чернозема, мха, прочих составляющих организма леса, уфолог явил ребятам нечто. Яйцо развитой курицы, мы упоминали акселератов, почему бы не применить этот поистине насыщенный термин к птичке. Продукт творчества курицы Рябы был темно-синим, и был фиолетовым, ярко-желтым, и

в то же время багрово-розовым. Подобные цветковые симфонии нам изъясляет космос в редкие часы гибели планет, если верить научным кинокартинам. Леонид с первых мгновений контакта с объектом понял, что яйцо сочинил не Афанасьев, нет, в создании задействованы силы иного порядка. Курочка, вполне вероятно, страдала гигантизмом, юноша не мог даже представить, каким культурам равнялась эта птичка. От находки исходило тепло, кожу стало покалывать, когда своими ручками Лёня потянулся к артефакту. За что и получил подзатыльник, произведенный Петром. Милиционер дрогнувшим голосом сказал: одумайся, глупец, это тебе не это. – Да-да, не следует вступать в диалог с передатчиком раньше времени, я сам немало рискую! – поддакнул дядя Слава. На его глазах выступили слезы, он облизывал пересохшие губы по аналогии с ящерицей. Уфолог задумчиво произнес: мы даже не можем представить, какая внутри него клокочет ярость, а может, там царит гармония и равновесие.

Оставшийся кусочек вечера, если отталкиваться от метафоры с ночным бананом, которым по обыкновению перекусывает гражданин, чей сон был внезапно прерван политическими грезами. Кусочек ночного банана путники проглотили без аппетита. Объект, как заметил юноша, распространял приветливые тепловые потоки. Поэтому оттепель в сторожке наступила раньше положенного срока. Леонид сидел в кресле-качалке, глядел на подоконник, на подоконнике лежали потрепанные веками книжки поэтов-эстрадников, рядом стоял портрет, перечеркнутый крест-накрест. Лысоватый мужичка в круглых очочках, поразительно похожий на лоха. В общеобразовательных школах подобных круглощеких аппетитных заморышей обычно используют вместо закуски старшеклассники, если, конечно, рядом нет мистера огурца. Петр и Вячеслав о чем-то еле слышно разговаривали. Жилищная площадь не позволяла разгуляться, ребята стояли у приоткрытой двери, милиционер курил, выплевывая сизые комочки в потемки. На подоконнике лежало что-то еще, Леонид прищурил глаза, засохшие плоды кукурузы. Одолели тяжелые государственные думы, вспомнилось, как бабушка распространяла себя в разных старческих кружках. Она тащила за собой внука, бабушка с внуком это весьма солидная пара, от которой не ждешь удара тупым предметом по темечку. На танцах, где полуистлевшие джентльмены галантно приглашали дам, а те в свою очередь говорили: не дам на первом свидании. Бабушка втиралась в доверие, торговала самогоном из-под полы пальто внука. Мерзавчики, как она называла эти термоядерные напитки, – хватало нескольких глоточков, чтобы старики преобразились в ветеранов донжуанства.

– Готовность раз, пьем какао и отходим ко сну! – вторгся в личное мыслительное пространство молодого человека сами знаете кто, ведь по манере речи понятно, что говоривший был рубакой правды с плеча, вне всякого сомнения, данную фразу произнес жандарм. Дядя Слава умолял провести газовый анализ передатчика на месте: Петь, я умоляю, позволь провести газовую аналитику! Майор отставил кастрюлю с патронами, подключил баллон к плитке. Безмолвствовал, точно девочка красивая, которая лежит в кустах нагой, другой бы изнасиловал, Олег Григорьев лишь пнул ногой. Лёничек проследовал к двери, подышать свежим воздухом перед сном. Пронин посоветовал ему на прощание: малой, далеко не уходи, там времена беспокойные, смутные. Покинув домик лесника, Леонид пронаблюдал за померкшими краями облаков, точно консервную банку открыли мучительным способом, а потом открывальщик вынужден был обратиться к мамке, чтобы та перебинтовала ему палец. И крайний луч заката догорел по аналогии с купонами на скидки в супермаркете. Вообще. было и другое описание вечера, другое описание встречалось в сочинении Давида Наказова, не к ночи помянутого. Отчего-то молодой человек вспомнил, как вопила радостно классная руководительница, когда за Наказовым приехала группа захвата, впрочем, она не забывала хвалить его сочинение. Присев на корточки, потому что в животе стало покалывать, Лёня стал вспоминать, как же там написал этот удивительно злой мальчик. Он придумал и написал так: «сообразился вечер, луна, как голова сырного человечка, оторвалась и упала на лаваш земли, мы все долго смеялись над шутками вернувшегося из лагеря Марата, он загорел и был невменяем». Поразительно, но Леонид помнил фрагмент – текстовый фрагмент словно налип на зубах по принципу ириски, ириски должителя, которую пропустил

стоматолог на плановой проверке полости рта в 1905 году, когда Альфред Эйнгорн синтезировал новокаин. Учитель истории однажды поведал эту забавную байку, когда на вопрос: в какое время вы бы хотели жить, – товарищ такой-то с таким-то отчеством ответил: во времена, когда изобрели анестезию, мои маленькие козлы обучения. Над головой пролетала птица высокого роста, что-то выронила из клюва, Леонид сидел на корточках, поэтому без труда он увидел черепаху. Странно, подумал Леонид, однажды Эхила пришибла черепаха. Орел предположил, что блестящая лысина – булыжник, о который можно разбить панцирь. Ну, дела, расстроился парень, кажется, я начинаю лысеть, не зря Аполлинария потешается.

Во временном пункте размещения путников с истекшим сроком визы, выданной какой-нибудь кикиморой, например, попахивало напитком какао. Лёня застучал мужчин в момент обсуждения возможных признаков, указывающих на то, что человек подменен инопланетным бундесбургером. Это почти гамбургер, однако немцы народ точный, поэтому каждому бундесбургеру полагается не больше одного гамбургера, иначе нация разжиреет. – Петя, одна вот из мною замеченных особенностей, тотальная немощь в произношении звука «р», – говорил не Петя. В сторожке воцарилось умалчивание, стоило парню войти. – Лео, а мы тут плюшками будем баловаться, – изобразил что-то эдакое руками странноватый Вячеслав. – Какими плюшками, у нас только кипятки! – не поддержал Петр, а у нас и выходит, что люди до сих пор ждут, пока Гоголь допишет второй и третий том. Вместо того чтобы взять, и поддержать автора, прислав копеечку. Юноша спросил: как это только кипятки, вы что, не взяли какао? – Петр Васильевич шутит, все мы взяли, не дури! – воскликнул уфолог. Путешественники по-турецки уселись на пол, в окне промелькнул силуэт лешего в форме железнодорожника. И всем стало немножко радостно, и все почувствовали, наверное, что сказки венского леса по-прежнему случаются. И в следующий раз, когда абстрактного паренька спросят в злачном подвале: ты что, в сказку попал, что ли? – он вправе ответить: что ли. Потому что чудо не может быть названо, потому что тогда элемент неопознанного пропадет, а как объяснить лешего-железнодорожника и кикимору-сотрудницу консульства. Сказка, она и есть.

Напитокгорчил, незримые трещинки на губах, подобные церковному расколу, произошедшему в 1054 году, ныли. Учитель истории на вопрос: а в каком времени вы бы не хотели жить? – ответил: давайте перейдем к уроку и не будем задавать учителю глупых вопросов, болваны. Ребята расположились полукругом, для полного квадрата не хватало человека. Вячеслав спрятал яйцо в рюкзаке, не желая смущать компаньонов, Петр посматривал в сторону рюкзака, тяжелый взгляд сероватых глаз, кажется, смущал дядю Славу. Уфолог нервно говорил: Петь, перестань уже, не буду я подвергать нас опасности, доберемся до лаборатории, там все сделаю. Майор отвечал: ну-ну. И путешественники пили какао. По полу пробежала мышка сквозняка, парень чихнул, сверкающие, как певички на сцене, капельки слюны прилетели на темно-русый, массивный сундук. Леонид, чтобы поддержать беседу попросил дядю Славу: а расскажите о том случае, когда вас похитили, когда мы еще в детстве с вами виделись. На удивление Петр поддержал: да, Слава, поведай товарищу об этом удивительном пятне в твоей биографии. Вячеслав принужденно улыбнулся, как будто и не улыбнулся вовсе, а скуксился. За окном проковылял железнодорожник-леший в обратном направлении, как заметил юноша, на мохнатой щеке были частички помады, или не помады.

Изложенные уфологом сведения о собственном похищении заслуживали внимания уважаемых слушателей, за неимением таковых мужчина работал с теми, кто был. Майор не сдержался, уснул, а Леонид, замороженный, словно Фауст речами нечестивого, выслушивал. Он даже затаил дыхание на моменте описания внешности похитителей. Вячеслав говорил, поглядывая в окно: тем утром я вышел в магазин за хлебом, эта история полна печали, шел мелкий снег, а печаль была такая плотная, понимаете, молодой человек, что хоть сейчас ее мажь вместо масла на хлеб. Петр пробурчал в полусне: боже, какой пустяк, упал, отжался. – Нет, я шел не за хлебом, я шел в бар, вы тогда были еще маленький, маленьких не пускали в это питейное заведение на улице Косыгина! – закричал как полоумный дядя Слава. Леонид прикусил губу до первой крови, замер,

ождая услышать нечто настолько удивительное, что даже решение Льва Николаевича настоять на том, чтобы Каренина нырнула рыбкой под поезд, показалось бы безынтересной этикеткой на джинсах. Вячеслав продолжил надиктовывать свой рассказ в ушные раковины юноши, в которых крутились, как матери-одиночки, магнитофонные пленки, фиксировали, запоминали. – И что вы думаете, что же вы можете подумать, первым делом самолеты, а в моем случае захожу я в туалет. В ночном обществе, куда не вхожи собравшиеся в сторожке люди, загавкали. Дядя Слава, грызя ноготь на пальце, сказал: ой. И, действительно, прищурившись, Лёничик обнаружил на пальце красную капельку. Парень, желая напомнить, что не в игрушки они тут играют, поторопил, пусть и неуважительно, хотя никого унижить и не хотел: послушайте, давайте вы уже дорасскажите, а то сдаётся мне, что вы близки к нервному срыву. – Полноте вам, окститесь, теряю сознание в туалете, прихожу в себя на таком, знаете, кресле, как у стоматолога. – Мужчина глохнет, подобно артиллеристу, изучает свой палец, точно из-под ногтя сейчас вылетит птичка. Берет себя в руки, говорит: обращенные уже стоят передо мной двое, а зрачки у них такие, кошачьи, выдают. – И что они хотели? – задает уточняющий вопрос, как на уроках космического атеизма, парень. – Что-что, ты разве не понимаешь, почву они прощупывают! – в несвойственной для себя манере рычит уфолог. Тогда Лёничик еще уточняет, нельзя же отпускать лектора без соответствующих пояснений: а потом что будет? Вячеслав полупшепотом ответил: вы меня пугаете, элементарно, наша планета станет их столовой, а мы будем добывать ресурсы. Собеседник подводит черту, умывает руки, желает доброй ночи: вот что, давайте уже спать, молодой человек, утро вечера, как говоритсЯ.

В сундуке, о котором мы не забыли рассказать, ведь не страдаем деменцией, лишь немножечко аутизмом. В хозяйском сундуке обнаружилось великое множество разносортного тряпья. Бушлаты спасателей, девчачьи платьица, крылышки феи, стеганные печальные одеяла. Печальные по причине того, что именно такие одеяла использовали в качестве подстилок под новорожденных в роддоме, где подменяли понятия. А потом, спустя десятилетия, мамочки встречались на телепрограммах, причитали: подменили, козлы, подменили. Леонид работал в роддоме, уборщиком, помнил, помнил такие одеяльца. Воссоздав для себя полноценную перину, которой позавидовала бы принцесса, ведь горошинки не было и в помине. Парень услышал жалостливую просьбу Вячеслава, который запутался в деепричастных кофточках. Мужчина попросил: а сделай мне так же красиво, пожалуйста. На что Лёня отрезал нужное количество веревки отказа: что вы, это форменное свинаяье гнездо, у вас получится намного лучше, делайте, да обрящете. Уфолог, кажется, обиделся, бросил: ну и ладно, ну и пожалуйста. Забрался в опустевший сундук, укывшись печальным одеялом. И через некоторое время засопел. Гавканье повторилось, наследуя принципам учения. Сон непростительно долго, словно граждане, ждущие конец света, а он все не сбывается, и не сбывается, а граждане все верят и верят, не шел. Ворочаясь, изнывая от духоты, вдыхая ароматы чьих-то давно забытых историй телес, Лёне пригрезились связанные бабушкой яства, куриный супчик, желе из рыбных пузырей. Какие аппетитные блюда, аж слюнки окислились, желудок предательски начал сокращаться.

Рюкзак завибрировал по аналогии с интимной женской игрушкой, о нет, это была не интимная женская игрушка, это был передатчик. Мертвенно-зеленые световые недомолвки привлекли внимание юноши. В недрах Леонида заурчало, возникший голод затмил рассудок. Дыхание Кнута Гамсуна на щеке вынудило выбратьсЯ из-под горы обносков, пахнущей мокрой шерстью. Молодого человека посетила чудесная мысль, а не соорудить ли яичницу из передатчика. Тождественность яйца с инопланетным артефактом показалась неслучайной. Леонид включил свою неугасимую лампаду на телефоне, зажал ртом, подошел к чужой собственности. Путешественники спали, как десять негрятЯ после свершившегося возмездия. И были они подобны в своей дремотной трясине Иванам Царевичам, соответственно, Леонид уподобился Василисе Премудрой, скинувшей лягушачий кафтан. Парень достал свой ночной ужин, цвет находки сделался таким, гуталинным. Зажег конфорку, решив подружить яичницу с макаронами. Диверсионные действия никто не замечал, юноша попробовал разбить скорлупу кулаком. Саднило в горле, как будто сожрал песка,

запив газировкой. Объект покатился по столику, сверзнулся на дощатый пол. Герой нагнулся, рядом с передатчиком лежала мумифицированная мышка. Искаженный рот, замерший в немом крике, в лапках зажатый кусочек сыр. Рассудив, что мышке сыр ни к чему, а с макаронами в самый раз, Леонид отобрал у грызуна зеленоватый кусочек лакомства. И наудачу, взяв тушку покрепче, разбил скорлупу. Тягучий желто-оранжевый водопад никак не желал иссякнуть, светясь словно расплавленный металл, ниспадал в кастрюлю, шипел.

Космическая баланда по вкусовым ощущениям не уступала баланде земной. То есть сказать наверняка: вот эта яичница наша, вот эта марсианская – не представлялось возможным. В желудке как будто взорвалась бомбочка, цунами тепла поднялось по пищеводу, мягко тукнуло по мозгам. Разомлевший Леонид рыгнул и тут же извинился перед собой: простите великодушно. Прошел к своей лежанке, вполз в импровизированную берлогу, отстроенную из чужих шмоток. Засыпая, юноша почувствовал себя некой падчерицей, нелюбимой, которой отвели место в чулане. Однако чувство сытости помогло расслабиться, забыться сладким сном, сном, в котором котика съела мышка. И череда нелепого насилия прекратилась, наверное.

Глава 10 Детективчики

Леонид решительно открыл дверь кабинета. Так же решительно, как ребенок, оставленный в приюте, а потом сообразивший родить для себя мать и отца, и собаку. Опоздание на урок английского языка сопровождалось отборной руганью бабушки, обидные слова звучали до самого учебного заведения в голове мальчишка. Она ругалась так, что летели щепки дедушкиной трости, которой родственница безбожно колошматила чахлого мальчишку, как будто тот был крапивой поганой. Она упоенно цейлонским чаем ругалась. Причиной, по данным следствия в лице учительницы Белохвостиковой, стало неповиновение новым законам, принятым накануне: внук запамятовал и не явился с прогулки к допустимому сроку. Прикипел сердцем к мысли повторить судьбу Тома Сойера – бродяжничать, но аккуратно. Поехал в публичный дом по приглашению старших товарищей. Они подначивали познать девчонку. Некто короед, подросток с пространными размышлениями о природе человека, вопрошающий постоянно: «ты кто по жизни». Этот умудренный уроками карате дерзкий старшеклассник изъяснялся высокопарно, не высокопарно он не изъяснялся. Слегка прокишим воскресным вечером, осенней порой, когда бабушка пообещала, отпуская внука на вечернюю прогулку, пообещала выселить из квартиры, из города, из бытия, если тот не вернется к семи часам. Именно таким воскресным вечером Леонид повстречал короеда с двумя незнакомыми типами. Типы были одеты в спортивные костюмы с олимпийскими мишками на груди, детдомовские, сразу понял наш герой. Отправился в соседнее село малолетний Леонид, как в опасное путешествие, блудница представлялась ему своеобразной чужбиной, которую надобно посетить. Однако пройти обряд инициации Леонид не успел, Антонина Георгиевна в шесть сорок пять заподозрила неладное, закинувшись валидолом, женщина пошла объявлять внука в розыск. Попутно родственница объявляла каждому встречному внука гадом.

Лёню перехватили на подступах к остановке, охотники желали знать, где сидит фазан, а бабушка в компании органов правопорядка знала, где блуждает внучок. – Стой, стрелять буду! – закричала женщина, нет, она закричала другими словами, непечатными, как поэзия Лианозовской школы. Сильные ручки, как десять Ньютонов, схватили. Антонина Георгиевна не позволяла лишнего при свидетелях, однако уже почувствовала вкус крови, при задержании мальчику разбили губу. Один из охранителей прав – кажется, дамочка с глазами-прожекторами – попросила не убивать ребенка: как замечательно, видите, нашелся, только не прикончите раньше времени, а то зачем же мы искали! Голос оперативной сотрудницы был истеричный, точно та отведала неправильно приготовленную фугу, а простых извинений повара ей показалось мало.

Бабушка сказала, прищутив глазки: что вы, он у меня выживет, иначе кому поднимать целину. Лёничек не хотел, конечно, ее поднимать, осознание грядущей расплаты причинило дискомфортному организму. Опасения подтвердились, дома случилась антиутопия, бабушка попыталась утопить внука, однако тот активно сопротивлялся, вцепившись руками в края ванной. Выбившись из сил, пожилая женщина согласилась, что гуманистические ценности придумали не просто так. И ограничилась всыпанием по первое число.

Второго ноября Леонид решительно открыл дверь кабинета английского языка. Перед классом выступала Зинаида Белохвостикова, подающий надежды педагог. Помогал выступать Зинаиде сурдопереводчик. Поговаривали, что дамочки принадлежат к банде суффражисток, активно отстаивают свои права, убивают психику мужчинам. Англичанка вроде бы не преподавала язык насилия, кроме английского, разумеется. А вот бабушка была в этом деле гроссмейстером. Правда, Лёня не знал, в каком институте Антонина Георгиевна обучалась, кажется, в техникуме. Англичанка, проследив за взглядом компаньонши, обратила внимание на проштафившегося юнца. И стала показывать ужасающие в своей глухонемой злобе жесты. Ее персидские глаза пылали безмолвной страстью. Многие ребята в классе желали Белохвостикову в сексуальном смысле. Один лишь Наказов не желал, к моменту описываемых событий он пребывал в учреждении закрытого типа, писал письма, полные ненависти, бывшим одноклассникам и учителям. Зинаида Анатольевна большим пальцем несколько раз провела себе по шее, гусиной тонкой шее. Трясла указательными пальцами, приставленными ко лбу, словно взбесившаяся буренка. Переводчица в облегающих брючках, черной водолазке, с курчавыми, как город Курчатов, волосами сказала: опять, ученик такой-то, как вам не стыдно, сейчас же займите ваше место! Дабы не пополнить ряды жертв политических репрессий, Лёничек проследовал до своего места.

Истертые многими попами сиденье стульчика скрипнуло, стоило только присесть. Шамиль пожал руку новоприбывшему, ввел в курс дела, сообщил ситуацию на фронте: уроки сегодня отменили, англичанка сейчас задаст самостоятельную, мы ее будем выполнять. – Выполняйте! – в шуточной форме ответил мальчик. За что получил нагоняй от Зинаиды. Барышня в лиловом облегающем платье судорожно тыкала в Леонида пальцами, сложенными в козу. На расстоянии парты сидела Вика, потешалась: корежит бабку, умора. Коза нацелилась на Ложкину. Белохвостикова феноменально читала по губам, и все нелестные отзывы о своей педагогической работе считывала на раз, три. Вика, происходившая – или проистекавшая – из семьи набожных граждан, стала плевать через левое плечо, а пальцы сложила в фигушки. Преподавательница с волосами цвета грибов лисичек взяла себя в руки, прекратила срываться на детях. Переводчица произнесла: ребята, что же вы с утра доводите свою королеву, вам же экзамены сдавать предстоит. Шамиль прошептал: красные дни календаря, наверное. – Похоже на то, товарищ, похоже на то, – прошептал в ответ Лёня. В класс вошла чумичка, конечно, таковой Леонид не считал эту девочку, похожую на попугая Кешу своими громадными, как амбиции Ломоносова, глазами, одноклассница растерянно моргала. Зинаида Анатольевна относилась к ней очень хорошо, даже замечательно, преподавательский коллектив поощрял успехи этой дочери своих родителей. Родителей, которые удочерили чумичку; но Борис был все-таки поумнее. У Бориса прабабушка, с ней он прожил, являлась академиком-японистом. И сколько новых, чудных слов узнал наш герой благодаря Борису, мечтающему причинить кому-нибудь хакари. Переводчица воскликнула: моя ты радость, опять допоздна сочиняла стихотворения! Потом взглянула, как бы ища одобрения, на Белохвостикову, та благостно кивнула, подтвердив сказанное. Опоздавшая проследовала к последней парте.

Англичанка стала показывать классу волка, замок, решетку. Компаньонша озвучивала: как вы поняли, вам необходимо сегодня посетить своих взрослых знакомых и написать эссе на английском языке об одном трудовом дне своих взрослых знакомых, победители получают берестяные грамоты. Ложкина отреагировала, тем утром на ней был по-настоящему вызывающий наряд, но никто не приезжал, чтобы ее заковать в наручники. Сетчатые колготки, полные чешуйчатых мужиков,

покусившихся единожды на девичье тело, ставших рабами своих страстей. Но все хорошие ноги когда-нибудь заканчиваются, за минувшие месяцы Леонид охладил к Вике, стал полуфабрикатом в холодильнике. Так вот, Виктория отреагировала на реплику сурдопереводчицы: ничего себе, даже берестяные грамоты дадут, обосраться можно. И школьники заготовили. А Белохвостикова всплеснула руками, отчаянно зажестичулировала. И прозвенел звонок, и все покинули учебную комнату.

В коридоре носились обгорелые первоклассники, не успевшие сбросить летнюю кожу, переругивались меж собою, были военизировано настроены, как танкисты. Ведь именно танки движущая сила истории, по мнению Давидовича. Такими представлялись ученики начальной школы Леониду. Пухлого рыжика в кроссовках с налипшими кусками грязи допрашивали двое хулиганистых доходяг, отличные психологи, между прочим. Они не давали пройти ребенку, спрашивали: от тебя воняет бабушками, что мы будем с этим решать? Шамиль, как настоящий футболист-дикарь, нанес удар ногой по мягкой части одного из агрессоров, прокричал: потерялись сейчас же! И преступники, ворча, заковыляли в столовку. Рыжик нахмурил брови, словно Кавказский Ленин, сказал благодарственное: храни вас бог. Леонид с товарищем направились на выход, Шамиль спросил: я вот что думаю, пойду в библиотеку, напишу про библиотекаря, хочешь со мной? Лёнчик ответил: давай пойдем, но я вообще-то не уверен, что хочу про библиотекаря. Парнишка не знал, о ком написать, быть может, о милиционере, зайти в райотдел, к тому же там постоянно ошивалась тетя Клава, она превосходно изъяснялась на английском. Любезная тетя Клава рыскала по милицейским кабинетам в поисках фактуры для своего детектива. Антонина Георгиевна с ней когда-то работала, все когда-то с кем-то работали, однако бабушкин список был внушителен. Половина сибирского города состояла с бабушкой в трудовых отношениях.

Выйдя на школьное крыльцо, ребята были повышены до статуса свидетелей, свидетелей природного явления под названием небесные анализы. Полупрозрачная баночка, напоенная желтоватой субстанцией, висела высоко-высоко на небе, красная крышечка цветом напоминала ожог от прививки на идилически-лазурной коже ребенка с проблемами сердечно-сосудистой системы. На крыльце повстречалась женщина в песчаном плаще, с белыми короткими волосами, она всхлипывала, размазывала салфеткой по лицу свой женский грим. Тоскливо, подобно зрителям телевизионного проекта «Дом-2», наблюдающих за уходом Должанского, глядела на школьную дверь. Николай Второй, которому в произведении уделено внимание, – мы сейчас вернулись к главе под названием «Электротат весны». И убедились, внимание уделено. Директор учебного заведения успокаивал: мамаша, ничего не случится с вашим, гм, сыном, вернется, вернется он сегодня же после обеда, я лично прослежу, чтобы его отпустили с группы продленного дня. Шамиль с Леонидом раззявили рты, хотя и не нужно было этого делать, ведь директора, как правило, на дух не переносят лентяев. Ведь на заводе оно как происходит: человек без дела сидит, значит, саботирует, а если он в руках метелку держит, тогда молодец, и это ладно, что с метелкой работник может целую смену просидеть в кресле, главное не лентяй. В руках мальчиков не было метелок, поэтому властный мужчина сказал им: кыш отсюда, кыш! И продолжил успокаивать дамочку, приглаживая свои пышные усы.

Сибирские дровки, как будто в каждом регионе они различаются – едва ли, в таком случае уместнее опустить эти «сибирские». И сочинять: деревья покрылись тонкой, как ремень в брюках трудовика, корочкой инея. Палая листва, листва Пал Палыч, прибитая к земле неведомой силой, шуршала под ногами ребят. Шамиль произнес, когда они проходили вдоль гаражей-ракушек: подумал тут на досуге, поеду все-таки поступать на юриспруденцию, когда закончим учиться, надо делать дела. Лёня промычал одобрительно, точно гражданин на пике распада личности. Голова мальчика была занята мыслями о воссоединении семейной четы, в сущности, мысли не покидали ни на секунду, все шесть лет, что ребенок проживал с бабушкой. Вроде бы следующим летом дочь Антонины Георгиевны обещала забрать к себе, вроде бы у нее там устаканилась квасная пенка житейских неурядиц. Показалась библиотека, она росла возле исхудавшего в связи с сокращением рабочих мест почтамтом. Товарищи, которых не думали пускать в массовое

производство, проходили мимо школьников, их внешность казалась Леониду выдающейся. Статные, с черными длинными волосами, в серьезных косухах, хотя могут ли косухи быть несерьезными. Не товарищи металлодетекторов – столько железа на них было – устремились в радужное будущее с концертами, поклонницами, множеством сахара. А мальчишкам оставалось лишь устремиться в библиотеку, ведь матушка не позволила бы Шамилю стать рок-музыкантом, а Леонида бабушка просто зашибла, да и всего лишь, с такими заявлениями.

Городская библиотека являлась местом концентрации, мы бы даже сказали контрацепции. Нечастые читатели при посещении библиотеки лишались греховных помыслов, странные дела происходили здесь, поэтому в библиотеку почти никто и не заходил из молодежи. С недавнего времени выдача знаний происходила особым образом. Начальство населило данное место пожилыми людьми. Отныне, посещая библиотеку, к вам приставлялся пенсионер. Как выбирался пенсионер, ясное дело, абы какой вам не подойдет. Читатель брал нужную книгу, работник сверялся с каталогом, подзывал необходимого гражданина в летах, чей жизненный опыт так или иначе пересекался с интересующим вас печатным продуктом. И уже в читальном зале, при непосредственном изучении сочинения, пожилой человек вам все комментировал, попутно пересказывая собственные наблюдения о своем житие-бытие. Войдя во дворец книги, Леонид ощутил прохладное дыхание вентиляторов на своей коже. Даже зимой порой библиотекари были вынуждены заводить свои ветряные мельницы, котельная проявляла нешуточную страсть по отношению к этому местечку. Сам Лёнчик, были времена, зааживал сюда через день, спасаясь от клиентов Антонины Георгиевны, пару лет назад она открыла алхимическую тайну, получивший спирт перестал иметь запах, употреблявшие напиток становились бодрыми, веселыми, баллотировались во властелины Сибири. К счастью, новый рецепт потерялся, стоило лишь пустить на порог покупателя с фамилией Бассейный. Он выкрал помимо бабушкиных тетрадок с журнальными цитатами секрет чудесного пойла.

Полнощекая библиотекарша по фамилии Пуговкина. Женщина с привкусом диссидентства. Как-то раз на площади перед белым домом она съела свой паспорт, и не свой тоже съела, кто-то из толпы протянул документ, поинтересовавшись: а мой слабо так же? Ее знали в городе как выдающегося борца против чего-то. К своим пятидесяти годам библиотекарша изобличила целый ряд перверсий, например, именно благодаря Пуговкиной уполномоченный по делам котиков покинул свой пост, уличенный в содержании подпольного цеха, где шли воротники и шапки. На дамочке, что стояла за стойкой, была фиалковая кофта, пряжа из шерсти ангорской козы, предположил мальчик. Стремные бусы из самоцветов, клякса родинки над правым глазом. Пуговкина, завидев ребят, спросила: а у вас не найдется зажигалки? Школьники хором ответили: а мы не курим. Тогда женщина удивилась: но как же вы расслабляетесь? Мальчишки сказали: а мы не напрягаемся. Из-за стеллажей послышался старческий кашель, его подхватили, теперь кашляли по меньшей мере два пенсионера. Женщина покинула сумрак, ноги Пуговкиной прикрывала длинная ворсистая юбка, она сказала: я так понимаю, вы по делу, вынуждена вас оставить на какое-то время, необходимо поддерживать жизнь в угасающих стариках. Лёня повернулся к Шамилю, сказал: старик, я, наверное, пойду про милиционера напишу, пойду я. Товарищ, стоя возле шкафика с книжками по Древнему миру, неволею не стал, ответил: ладно, тогда до завтра, свидимся.

И ребенок вышел в непреложный конституционный мир. Существенно похолодало, существенней, чем до того, когда ребята шли в библиотеку. Паровое облако вылетело из человека-поезда, Леонида так звали в школе, это еще до прозвища Ленинград его так звали. На уроке физкультуры, когда играли в волейбол, мальчик долго не мог понять правил, поэтому бегал на враждебную сторону, врзался в одноклассников, отбирал мяч. Накануне волейбольной баталии случилось неприятное событие, Леонида клонуло в макушку качельми. Его несколько перемкнуло, и последующие дни запомнились вспысками, вот Лёнчик отбирает кость у собаки, стоит на четвереньках, гавкает, потом отбирает собаку у кости. Вот Лёнчик записывается в совет директоров целлюлозного комбината. Сумасшедший денек выдался у Локомотива.

Герой прошел райончик, застроенный одноэтажными деревянными домами. У аптеки стоял Минотавр, парнишка в спортивном костюме, а поверх мастерки у него пиджачок. Гражданина трясло, точно тот подцепил лихорадку под названием «тварь дрожащая». Лёнчик не хотел с ним связываться, бабушка предостерегала. Поэтому обошел на почтительном расстоянии по дуге. Сквозь кроны деревьев просвечивало здание милиции, баночка анализов на небе пока не думала проливаться. На крыльце стояла грузная женщина в лыжной шапочке, зеленом пуховике, она всхлипывала, глядя на дверь с толстым, как самолетные иллюминаторы, окном. Утирала созревшие яблочки слез измочаленной салфеткой. Утешающий господин в униформе старого образца, шерстяная синяя гимнастерка, португеза. Он гладил гражданку своей обветренной мужественной рукой по плечу, приговаривал: не убивайтесь вы так, вернется ваш, гм, муж, ночь поспит, и я отпущу. Леонид поравнялся с людьми, кивнул приветственно головой, однако не совсем получилось, чтобы приветственно, шею svelo. Поспешил войти в парадную, позориться не имело смысла.

В храме правопорядка пахло уверенностью и спокойствием. Запах уверенности в ноздрях Лёнчика выглядел как душный вечер в детском лагере у костра. Спокойствие, спокойствие, травы, мята, зверобой, пустырник. Сидевший за стеклом полусонный мужчина спросил: Лён, ты зачем пришел, бабушка будет волноваться, мне стоит волноваться, она придет за мной? Мальчик ответил, что не будет волноваться, что у него тут задание, написать ему нужно на английском языке про милиционера. Из комнаты, где сидели аттестованные криминальной академией товарищи, вышла тетя Клавдия. Она с кем-то препиралась, пока выходила, с неудовольствием соглашалась: ладно, больше не буду. Дежурный приоткрыл дверь, не вставая с кресла, оно у него было на колесиках, сказал тете Клаве: вы-то куда, кто вас пустил, а если задержанные вырвутся! Барышня шестидесяти лет, в бордовом лыжном комбинезоне, с посеребренным диктофоном в руках. Зеленая помада, губы точно сельдерей, с горбинкой нос, под которым блестят кристаллики пота. Тетя Клава уставилась своими близко посаженными голубыми глазами на мальчика, потом на дежурного, потом на мальчика. И сказала грубоватым голосом, как у Леонарда Коэна, которого с упоением слушала Вилка в машине у физрука, потом хвасталась, курва: Лёня, какая встреча, знаешь, Лёня, твоя бабушка всегда мне нравилась, какая у твоей бабушки тяга к жизни, поговори с ней, я бы очень хотела, чтобы она появилась на страницах моего детектива, она отказывается, а ты поговори. Мужчина поднялся из кресла, покинул свой водоем, обратился к женщине: Клавдия Валерьевна, я прошу вас, уходите, тут молодой человек пришел узнать о моей работе. Мальчик смутился, как парализованный общественный транспорт при виде новенького велосипеда. Взрослые спорили, с кем пойдет ребенок, с кем ему будет правильной пойти. Тетя Клава причитала: как же так, как же так, я без пяти минут королева сибирского детектива, со мной этот получит колоссальный опыт, у него расширится кругозор! Дежурный возражал: что вы такое несете, мальчика должны наставлять мужчины, а то получится девочка, этот пускай посидит со мной!

В конечном итоге, подобно воскресной программе «Человек и закон», выяснения отношений окончились адресом редакции для писем новых авторов. Клавдия увлекла мальчика на улицу, должно быть, приняв его за жиголо. Повечерело, подморозило, потом как-то нормально сделалось. Тетя Клава радостно произнесла: как сказал бы мой самый любимый персонаж, инспектор Ли, свидетели долго не живут, поэтому на свадьбе очевидцы. Леонид хотел возразить, но поводов особых и не было возражать. Женщина спросила: так тебе нужна помощь, напишешь об одной очаровательной подстрекательнице преступлений? – Почему же вы подстрекательница, вы же расследуете в своих книгах? – попался в капкан диалога мальчик. – А потому, что все эти преступления начинаются вот здесь! – рассмеялась конспирологически тетюшка, стуча себя пальцем по лбу. Она готовила заговор, однако заговор у нее пригорел, Лёнчик ощутил запах испорченной пищи. Что бы она ни замышляла, Леонид ее раскусил. К милиции подъехала серая с голубой полосой машина, из нее начали выгружать ящики с апельсинами. Клавдия озадаченно сказала: интересненько. Ребенок спросил: а что интересненького-то, простые апельсины? Гражд-

данка втянула щеки, сделавшись неотличимой от врача-стоматолога, страшной. – А знаешь, именно так начинается что-то интересное, давай я тебе покажу! – сказала она. И потянула юнца за рукав осенней курточки на рыбьем меху в сторону припаркованного подле ломбарда дома на колесах.

Ладный, словно фигура обезьянки из мультфильма «Осторожно, обезьянки!» до того, как животное наплодило столько детей, – ладный фургон цвета почвы на Марсе, рыжевато-красный, если вы позабыли. – Вы тут живете? – спросил мальчик. – Мы тут меняем сознание читателей! – деловито сказала тетка, поработала ключом в замочной скважине, процесс этот совершенно ничего не символизировал, пошлая. И затащила вовнутрь смущенного человечка. В жилище на колесах витали доброжелательные Виталии. С потолка на ниточках свисали портреты разных людей, на листах А4 черно-белые фотографии женщин, мужчин, как на паспорт, а внизу было что-то напечатано. А на всех представленных листочках маркером печатными буквами: Виталий 1, Виталий 2, Виталий 3, и так далее. – Виталий? – удивился ребенок, осматриваясь, движимое помещение делилось на секции, в дальнем конце виднелась дешевая с бойлером. Кухонный гарнитур, гостиная с маленьким круглым столиком, на котором стоял ноутбук. – Это мой бывший муж, я, когда работаю над книгами, вижу его имя, меня аж трясоти начинается, появляется тяга написать такое, такое, что этот подонки прочитает и лопнет от осознания своей никчемности! – завелась Клавдия. Лёня переступил через разбросанное нижнее белье, вчитался в текст на Виталиках. «Характеристика персонажа Марии: дура дурацкая, вечно сует свой нос не в свои дела, за что и поплатится скоро. Характеристика персонажа Игоря: кобель обаятельный, превосходно стреляет из арбалета, есть повод задуматься, а не связать ли с ним жизнь. Характеристика персонажа Лидии: великовозрастная кретинка, сдает меня в психушку, надо разбираться». Лёничик устрашающе чихнул, в нос залетела пылинки. Тетя Клава сняла лыжный костюм, облачилась в сиреневую пижаму. Мальчик, отвернувшись, сказал: а мне интересенько, где вы берете фотографии своих персонажей, это реальные люди. – О, я же сказала, что пишу исключительно с натуры, к примеру, твоя бабушка, достанешь для меня ее фотографию? – попросила тетка, развернув мальчика к себе, она обнажила свой бледный, впалый живот. Леонид бросился к выходу, хватило ему Виталиков на сегодня.

Но Клавдия, точно жрица, не желающая отпускать новообращенного сектанта, схватила мальчика за плечи, сказала, кажется, смутившись: стой, козлик, я ничего такого не имела в виду, просто вырвалось. Леонид еще не сталкивался с домогательствами, поэтому не совсем понимал, как себя вести. В маленькой, словно сердце у льва, раковине забурлило. Календарь с полуголым товарищем в ковбойской шляпе, висящий над раковиной, являл просроченный год, прошлый. Лампочки, встроенные в деревянные потолочные панели, светили неравномерно, кажется. Женщина попросила, задернув свой животик: послушай, тебе же нужно написать обо мне, давай раздавим по рюмашке чая, я тебе все расскажу, как ты на это смотришь, посмотри на это как на приглашение, отпусти сомнения. Тетя Клава начала раздражать Леонида своим отчаянным гостеприимством. Вполне вероятно, что женщина давно не встречала таких пронизательных, сопереживающих каждой букашке мальчиков, однако чувство такта никто не отменял. Один из Виталиков отвалился, словно хвост в процессе эволюции, мальчик произнес: давайте выпьем чай, а потом вы меня выпустите. Клавдия повеселела, занялась приготовлениями, достала электрический чайник, пошла к секции, где стоял бойлер. Она говорила: кто же тебя неволит, ты просто сделаешь приятно своим присутствием старой женщине, а я помогу тебе, что там нужно написать? Лёня, пока хозяйка была занята и не смотрела, дернул дверь трейлера, заперто. – Учительница английского попросила написать эссе про вас – соврал он. – Так уж про меня, ты меня обманываешь? – наигранно не поверила женщина, включая чайник. – Да, сказала, чтобы я занялся жизнеописанием выдающейся писательницы нашего города, Клавдии Валерьевны, – польстил мальчик.

Рабочее место дамы представляло собой тихий ужас, совершенно неудобный столик, маленький, как словарный запас Миши Токарева. Леонид сидел на табуретке, а Клавдия на

диванчике-уголке. Они пили чай «Ахмад», густой, потому что с молоком. Дамочка пододвинула к ребенку, погодите, мы пишем «ребенок», между прочим, Леонид тогда был подростком, точный возраст мы озвучить не в состоянии, к тому же происходило все во сне взрослого Лео, который посапывал в сторожке, откушав марсианское яйцо. Дамочка пододвинула к подростку блюдце с конфетами, тот отрицательно помотал головой. Клавдия Валерьевна поинтересовалась: у тебя есть диктофон, все современные люди должны иметь диктофон, дурной тон не иметь диктофона. Лёнчик скривился, это могло значить многие, но в данном контексте значило, что тетка совершенно нервировала своими устаревшими речами. Бунтовать против нее Лёня не намеревался, хотелось просто записать на листочек, желательно руками Клавдии, стройный рассказ на английском. Чтобы во вторник принести его в школу и положить на стол Зинаиды. – Зря, столько чудного происходит вокруг, всего и не запомнишь, – произнесла мечтательно дамочка. – Соглашусь с вами, а мы можем перейти к написанию очерка о вас? – умышленно согласился Лёнчик. – Давайте перейдем, но тебе нужна тетрадка, раз у тебя нет диктофона, тогда нужна тетрадь и карандаш! – повысила голос женщина. И вылезла из-за столика, стала копаться в подвесном шкафике, обнаружила там альбом с дельфином на обложке, цветные мелки. Подросток сказал: а можно ли мне сначала сходить в туалет, у вас туалет, наверное, на улице? – испытал удачу парень, рассчитывая, что, если дамочка разрешит выйти, то можно будет убежать. Однако та иронично воскликнула: ну что за каменный век, прямо по коридору и налево, сходи, я пока на кухне приберусь.

Леонид, пошатываясь, кажется, в чай подмешали клофелин, побрел в туалет, Клавдия стала напевать колыбельную. Туалетная секция, – парень рассмеялся, представив, как родители отдают своих драгоценных сыновей водопроводчику вместо тренера по футболу. Туалет был не предназначен для чтения газет, для чтения книжек, даже для чтения скороговорок. Миниатюрный унитаз напомнил фонтан Дюшана, отчего-то странная ассоциация проскочила в затуманившемся сознании. Учитель истории как-то на уроке показывал, шутки ради, фотографию писсуара. Само собой, подавляющее большинство класса гоготало, кроме Бориса. Исторически одаренный мужчина, который эмигрировал в Израиль, где он теперь, на что он теперь. Расстегнув ширинку, Леонид стал свидетелем эрекции. Пришлось мучиться. Пришлось выполнять акробатические трюки, вставать на руки, ногами упираясь в стену трейлера. И когда все окончилось безоговорочной победой тела над обстоятельствами, подросток решил вернуться к написанию рассказа, хотя очень не хотелось контактировать с Клавдией Валерьевной. В коридоре внимание привлекла дверка с мишенью, нанесенная губной помадой, по иронии судьбы не запертая. То есть благодаря инженерной мысли дом на колесах обзавелся дополнительным пространством, ведь, как подумал парень, в своей изначальной комплектации трейлер был стройнее.

Все пространство, метра три на четыре, занимала пышнотелая кровать, застеленная оглушительно ярким красным бархатным одеялом. На розовых стенах висели принадлежности ученика школы для взрослых. Наручники, таких наручников Леонид никогда не видал, как будто шерстяные, у милиционеров не такие. Освещение в тайной комнате было под стать ночному клубу, где собираются поглазеть на реликвии женских организмов мужики. Синие, фиолетовые, золотистые лучи, переплетаясь, прыгали с предмета на предмет. Подросток посмотрел на кровать внимательней, на ней лежало мужское габаритное тело, помещенное в кожаный кокон. Молния проходила от самой головы вплоть до паховой области. Грудь совершенно не вздымалась, отверстий для носа замечено не было. Лёнчик не успел поразиться, за спиной послышались шаги, на плечи легли женские руки, влажные, пахнущие средством для мытья посуды, с грушей. – Не бойся, козлик, это Виталик, он больше не помешает, – прошептала тетя Клава, прикусив мочку уха подростка. В голове заиграла песня: «карусель, карусель, это радость для нас, прокатись на нашей карусели!» И Леонид вкусил женщину, или она его, но что не требует никаких уточнений, так это появившаяся нелюбовь к английскому языку. К тому же мама преподавала французский.

Глава 11 Планета на вырост

Планета Земля несколько давила в плечах, зачем-то ее купили на вырост, но прогадали, вышло не очень корректно по отношению к мальчику Леониду. Леониду, которому стукнуло двадцать шесть лет в темном переулке сна, и ни один прохожий инженер, молочница, продавец-консультант не изумился даже, не предложил помощи. Мало ли, закрытая черепно-мозговая. Чего-то не хватало, то ли национальной идеи, то ли тепла, парень ощущал, как на него пристально смотрят, всматриваются в его прикрытые, словно границы КНДР, веки. Однако возвращаться по принципу вурдалаков, которые возвращаются в землю поспать солнечным деньком, не спешил. Помимо буравящих взглядов, важных, как правило буравчика в производстве, присутствовал фонарный луч. Должно быть, веки напоминали кожистые крылья летучей мыши, застигнутой врасплох солнцем в непролазных джунглях. Категорически не хотелось открывать глаза, кто-то покашлял, привлекая внимание. Время тянулось, словно мысль гражданина, который долго-долго вынашивает ее, а родить не может, склероз. Поваяло бумажными изделиями, мятной жвачкой, победившим анархию, аристократию, монархизм несвежим дыханием изо рта. А потом в лицо прилетел обескураживающий, как обращение односельчан в полицаи, водяной клубок. И послышался детский голос, мальчишеский: встать, падла, ты зачем яйцо съел, поганец!

Над Леонидом возвышались два мальчугана: майор Пронин, состарившийся наоборот, Вячеслав – мальчики-старички. Окно было плотно завешено брезентовым полотном. Тонкие отошавшие лучики разбушевавшегося дня несмело проникали в мелкие прожженные отверстия такой выразительной занавески. А в лицо парню светили гестаповцы, припоминали съеденный передатчик. Миниатюрное солнце постоянно перемещалось, поэтому как следует разглядеть уменьшившихся знакомых не удавалось. Лёня дернулся, намереваясь подняться, чтобы прояснить ситуацию, отделить иллюзорные зерна от истинных плевел. Но ремни, которыми путешественники прикрепили юношу, породнив его с креслом-качалкой, не дали этого сделать. Милиционер с закатанными рукавами кителя, подогнутыми штанами с лампасами, звонко закричал: сидеть, мы будем тебя допрашивать! Мальчик Слава подтвердил, причмокивая: именно, самый настоящий скандал, как вы могли так поступить. – Слава, я сам! – пацаненок Петр поднес лампу к самому лицу Лёничка, парень почувствовал даже нестерпимый зуд в области подбородка. Кресло, заскрипев старухой-процентщицей, качнулось. Пахнуло детским питанием. Некстати молодой человек вспомнил Евгения, с которым они трудились на почте. Однажды он притащил на работу перемазанного ребятенка в одежде не по размеру, чернявого. Мужчина просил присмотреть за ним, все тогда изумлялись: «а почему он так не похож на тебя, Женья?», «Неужели это твой, а когда вы успели, я же всех твоих детей видела!» Оказалось, что сердобольный кладовщик нашел его под своей машиной, тот был голоден, холоден, желал попить молока из автомобиля. Полагал, белое транспортное средство в черную крапинку, принадлежащее Евгению, подобно корове.

– Я с тобой говорю! – завопил маленький Петр, вопль ударил по барабанным перепонкам, закололо в затылке. Лампа переместилась на стол, помолодевший уфолог поставил ее туда. А майор отвесил оплеуху, должно быть, на щеке остался красный отпечаток паучьих лапок. – Ребята, я не знаю, как вам говорить, вы дети сейчас? – спросил взволнованно атакуемый Лёничик. Севший голос выдавал внутренние переживания. Дядя Слава, невидимый в полумраке сторожки, засуетился, точно был шокирован тем, что намочил манту: ничего не понимаю, произошло нечто настолько нелепое, но в то же время пугающее своей какой-то фантастичностью, не типичностью. – Слава, не мямли, малой нас подвел, он растопгал нас! – стал выкрикивать мальчишка-майор. В его голосе по-прежнему присутствовали властные нотки, видно, наследственное. Лёничик попробовал спросить еще разок, точно издатель, который нудно выясняет у писателя с дислексией, а что это за слово: господа, это вы или это не вы? Петр, схватив лампу, принялся тыкать ею в лицо парня, цедя сквозь зубы: вопросы здесь задаю я, ты зачем

сделал? Как понял юноша, это был вопрос, правда, с подвохом. Вспомнить и покаяться можно было, допустим, в сворованной в детстве капсуле времени. Отчего-то вопросыки милиционера оживили в памяти шестидесятилетие победы. Непредсказуемый учитель, раздающий щелбаны в самый неожиданный момент, когда совершенно не ждешь, худосочный, с бородкой восточного мудреца, хотя и казалось, что восточный мудрец не будет шутить на темы физиологии, тем более с несовершеннолетними, тем более вслух. Вчерашний выпускник педагогического училища притащил класс Леонида на пустырь, где вырыли котлован, вырыли к пятидесятипятилетию победы, успели даже залить бетон, поставить балки, однако грядущий пансионат не спешил вырастать. Своими маленькими серыми глазами учитель в старомодном пальто, шляпе, с портфелем под мышкой буквально разделявал одноклассниц Лёничка. Непрестанно облизывал пересошенные пухлые губы. Говорил, достав из портфеля серебристую пробирку: класс, у меня к вам предложение, каждый из вас напишет привет потомкам и в двух словах, что, по вашему мнению, произойдет через пятьдесят лет. Лёня не понимал, почему они пошли на поводу такого придураковатого педагога, пошли человек пять, конечно, прочие, когда он объявил про капсулу времени, сразу же послали подальше. Мальчик написал что-то патетическое, возвышенное: «потомкам, изобретшим бальзам прекраснодушия, пацаны, вообще, ребята, привет от Леонида». Педагог, получив послания, попросил учеников уколоть пальцы, оросить листок капельками дождика из прошлого, ведь для потомков они пишут из прошлого же. На что школьники возмутились, повалили на строительный мусор странного учителя, побили, забрали одежду, ножик, веревку, вазелин. А Леонид в качестве трофея унес эту капсулу времени, она и сейчас где-то в бабушкиной квартире, где-то там в межстрочных интервалах ветхих учебников.

Допроес начался в традициях ренессанса, Славка показал свою гуманистическую сущность, сказав: Лео, вы крайне зажаты, понимаю, мы сами озадачались, но давайте вместе подумаем, что это все значит. Где-то в глубине сторожки закипела вода, в круг света вышел Петр, в руках он держал кипятыльник. Семьдесят пять грамм раскаленной ярости были направлены в сторону юноши. Маленький Пронин сказал: я буду задавать тебе вопросы, а ты будешь на них отвечать. Он повернулся к дяде Славе, произнес: а ты будешь записывать его показания. Вячеслав изумился: Петя, так у нас нету карандаша. Майор ответил: а машинку печатную мы просто так нашли, марш записывать! К горлу подступил шерстяной комок, не надо было вылизывать собственные переживания, сидел бы сейчас невозмутимый, не трясся. Мальчик Петя спросил: будем сотрудничать, или как? Леонид кивнул головой: будем. Уфолог, скрытый всепрощающей темнотой, застучал по клавишам машинки, сказал: Петь, я все записал, не сомневайся.

– Итак, ваше имя, фамилия, род занятий! – с недетской рассудительностью сказал Пронин. С такой недетской рассудительностью обычно читают стихи поэтически одаренные товарищи в столовых. Леонид знал подобных расхитителей лингвистических сокровищниц. С ними шутить ай-я-яй, поэтому незамедлительно Лёня ответил: Леонид, двадцать шесть лет от роду, почта-льон. Удары по клавишам были нечеткие, словно Вячеслав промахивался, неудивительно, в наполовину залитой темнотой избушке людское зрение проигрывало в преферанс. Майор пробурчал своим юным строгим голосом: Слава, зафиксировал? Уфолог, кажется, поставил точку, клацнул особенно сильно, сказал: так точно, точно так. Петр продолжил взыскивать с парня признание: семейный статус, причина приезда в наш город. Подследственный ответил в стилистике бесконтактного боя, то есть достаточно вызывающе, но в то же время как трикстер, с юмором, чтобы вывести из равновесия собеседника. Ответил: мой семейный статус вас не касается, впрочем, есть девушка, приехал в город потому, что надо было, впрочем, проведать бабушку. Дядя Слава выругался, скорость печатанья его подводила – не являясь профессиональным гонщиком, он был вынужден оставаться аутсайдером. Петр спросил: мне тебя упразднить, Слава? – Нет, нет, что ты, я напечатал! – убеждал мальчик-старик. В дверь заскребились, скребки производились с обратной стороны, должно быть, любопытный зверь в полуденный час проверял свои угодья. У Леонида затекла поясница, возникла необходимость посетить туалет, но умолять маленького экзекутора отлучиться по нужде не очень-то и хотелось. Авторитет можно потерять, а в милиции

поисками авторитетов не занимались, для них это мелочи. Поэтому он даже не пикнул, доверился судьбе, напрудит так напрудит.

Разговорчики продолжились. Не достигший половой зрелости Петр постарался компенсировать данную оплошность путем нанесения пощечин. Он повысил голос, залепив умильную оплеуху: и не надо мне тут готовить план побега, я же вижу, как ты смотришь на дверь! – Да куда я не смотрю, параноик! – ответил, срываясь на крик, Лёня. И получил новый шлепок. – Петя, не надо насилия, мы же отказались от кипятильника, – захныкал уфолог. И путешественники начали ожесточенно ссориться. Майор упрекал собеседника в излишней мягкости, что старый Вячеслав был тряпкой, что новый ничуть не стал задубевшей тряпкой. Дядя Слава горячился, еле подбирая словечки: а ты, а ты, а ты вообще, ты, рибосому тебе в ядро! Петр замолчал, все замолчали, переваривая столь серьезное заявление. Где-то табор уходил в небо, а в лесничем доме самообладание героя уходило по-английски. Сковывавшие ремни как будто ослабли, Леонид на них посмотрел – батюшки, никаких ремней. Мальчики-старики стали бороться, брезентовая штора с треском оторвалась. Накрыла матросов, Эйзенштейн бы оценил такие кульбиты, но ничего подобного не происходило в действительности, об этом говорит, например, историк Кардашов Ю.П. Дверь как будто слегка приоткрылась, дымчатый лес поманил вседозволенностью. Леонид уверовал, по ряду причин, прежде всего потому, что происшествия, декорации вокруг него трактовались им же самим, как чьи-то большие фантазии. Химеры так называемой реальности ластились, терлись своими мясистыми мордочками о ноги Лёничика, как бы говоря, что все понарошку. Петр лишал воздуха Вячеслава, он восседал на своем товарище, удерживая пакет на голове уфолога, напоминающего в тот момент конкретного космонавта. Леонид вскочил с кресла, припустил прочь из сторожки, ведь мог себе это позволить.

Сладкий, точно Кара-Кум, воздух, к этому воздуху не помешал бы крепкий чай. Сахарный кубик солнца, брошенный в чашку с горячим чаем, таял, пузырьки поднимались, на поверхности получался своеобразный образ сахарного кубика из пузырьков, эхо сахарного кубика. Лесной универмаг, населенный недобитыми куропатками, кроликами, превосходно бы описал В. Бианки. Но мы пишем согласно внутреннему ощущению собственной правоты, а это дорогого стоит. Леонид, используя принципы спортивной ходьбы, устремился куда-то в глубь леса, приминая кусты малины. На ветках покачивались красные ленточки, за каждым деревом сидела золушка-убийца, примеряя в уме, в пору ли будет вон тот Леонид моему серпу. Далеко позади раздался выстрел, в небо устремилась сигнальная ракета. Бордово-пламенный шлейф осветил неприглядную действительность, а именно сокращение численности населения в связи с тем, что молодежь уезжает в большие города, ведь низкий уровень заработной платы, как одна из причин, имеет место быть. Также не следует забывать об отсутствии сильного гражданского общества, способного побороть в Чапаева коррупцию, несменяемость директоров предприятий и разное прочее. Леонида пронзила булавкой понимания мысль, а ведь мальчики-старики не смогут о себе позаботиться, до изобретения подобных домов престарелых оставались столетия, случай был уникальный. Ускорив шаг, парень врезался в невидимую стену, стена была мягкой, точно надувной матрас. Наметить границы никак не удавалось, руки ощущали прохладное препятствие, не имеющее цвета, запаха. Лизнув обнаруженную проблему, Лёня с горечью подумал, какая же гадость, нечто среднее между потным носком, который Давид Наказов заставил съесть, и резиной противогАЗа, которую уговорил пожевать пьяный учитель ОБЖ за пятерку.

Послышался визг голосовых связок, водитель гнал не разбирая дороги. Просьба вернуться, голая мальчишка был настроен решительно: я тебя выпорю, выпорю тебя! Позади Леонида послышался протяжный скрип, земля разверзлась, приподнялась деревянная массивная крышка, припорошенная листьями, камнями, землей. Показались две головы, некие польские Лёлек и Болек, перемазанные подсохшей глиной щёки, две макушки, чернявая и белобрысая. Лёничик чрезвычайно больно, как сорок уколов в живот от бешенства, ущипнул себя за нос, проверяя доклады реальности на предмет фактологических неточностей. Один из жителей подполья сказал обеспокоенно, голос его был тихим, точно людское море, давящее своими запретами и цензурой:

залезай к нам. Герой категорически не хотел выполнять авторские команды, но все-таки подчинился, и перед тем как скрыться в андерграунде, он спросил: а это что за преграда такая, пройти не могу? Собеседник ответил: а это все, там дальше ничего нет, заканчивается планета, как говорится. Леонид, конечно же, не поверил, но на всякий случай спустился по приставной длинной лестнице, которая болезно вздыхала, казалось, что перекладки вот-вот развалятся, не дождавшись в ночи вызванных медиков на улице Владимирскую.

Очутившись в просторном, как полет фантазии человека в маниакальной фазе, зале, парень обнаружил много-много Болеков и Лёлеков. На стенах пещеры висели зажженные металлические фонарики, подобные фонарики встречались почти в каждой семье, у бабушки в кладовке точно-точно встречался такой фонарик. Виднелись арки проходов, подземный дом простирался на многие километры, предположительно. Дети, дети ли это, быть может, морлоки, спятившие взрослые, проживающие коммуной, то есть хиппи. Владельцы помещения внимательно следили за пришельцем, их маслянистые глазки блестели. Юноша спросил: а это что вы тут делаете, и что значит – заканчивается планета? Никто не ответил, вместо этого граждане засуетились, Лёня заметил, два Болека-девочки – длинные волосы, замызганные сарафаны неопределенного цвета – тащили поднос, на котором лежали запеченные крысы. Несмотря на царившее в современном обществе среди населения некоторое пренебрежение к подобным блюдам, яства выглядели достойно. Лимонные дольки, размещенные полукругом, коренья, луковые кольца. Паренек в круглых очках, с зарубцевавшимся шрамом на виске взял героя за руку, потянул в одну из комнат. Земля под ногами была мягкой, как будто идешь по звукам: пя, мя, ве, ня. Остальные товарищи проследовали за ними. Похоже, Леонида завели в обеденный зал. Столы и стулья, выточенные из камней, напоминали молодому человеку, что недооценивать принявших его Лёлеков не следует. Ведь в их ладошках, судя по качеству мебели, содержится недюжинная сила. Еще, чего доброго, схватятся и разорвут на частички, потом раскидают по окрестностям, ходи собирай.

Ужинали в семейной атмосфере – конечно, если ваша семья предпочитает блондинок в собственном соку, а бодрствует исключительно по ночам. Кто-то из Болеков – Лёнчик даже не пытался их различать – поведал, в сущности, логическую концепцию грани. Дальше абсолютно ничего не было, за Сибирью ничего не было. – И что вы об этом всем думаете? – спросил юноша, посасывая коричневатую лапку с веточкой розмарина. Товарищ ответил, почесав своими пальчиками-сосисочками подбородок: а мы не думаем, все мы хотели уехать, не смогли. – Купите билеты плацкартные, они недорого, накопить можно, бутылки сдавать, в училище преподавать, – подкидывал идеи в топку мыслительных буржук Лёня. – Эксперимент, – пробубнил другой Болек в сизой рубашке, допивая морс из крапивы через соломинку-стебелек. – Чего говоришь? – громче, чем следовало, спросил парень, присутствующие замолкли, разговорчики маленьких людей с большими сердцами погасли, десятки пар глаз уставились на гостя. Кто-то, не видный в потемках, подал голос: мы участвуем в эксперименте, называйте как хотите – инопланетяне, жители Марса, – все тут благодаря им. Леонид привстал, вглядываясь в зыбкое чернильное пространство. – Я здесь, – голос принадлежал девушке, фигура отделилась от дверного проема. Ей было лет двадцать, но прядь седых волос, конечно, могла сбить с толку, но ей было лет двадцать, пуговкой нос, густые, как мазут, печальные глаза, бровки опять же домиком. – Какой ты харизматичный, эти шрамы на твоём лице, – сказала она, подойдя ближе и ближе.

Аглая Железняк, как представилась повелительница польских коротышек, обладала удивительным даром располагать к себе людей. Проведя ни к чему не обязывающую, дружескую беседу с Леонидом, девушка умудрилась вскружить голову немолодому, разменявшему четверть века человеку. Они сидели вдвоем в помещении, где Лёлеки с Болеками тренировались. Спортивные снаряды, выточенные из горной породы, штанги, гири смотрелись удивительно. В бокалах на тонких ножках, виртуозно выструганных из кедра, плескалась, потому что мужчина совершал бокалом круговые движения, местная Маргарита Семеновна. Пятьдесят миллилитров текилы из березы, двадцать пять миллилитров ликера из шелковицы, пятьдесят миллилитров лимонной цедры, соль. Стены были украшены наскальной живописью: большеголовые фигурки –

они сидели в летающей тарелке, они парили в облаках, а далеко внизу бежал мамонт, на котором сидел воробей, а рядом цвел схематичный лесок. Леонид сделал глоток из бокала, девушка закинула свою бледную ногу на свою другую бледную ногу. Льняное вечернее платье, сшитое как будто из холщового мешка, в определенном смысле развязывало руки новой знакомой. В таком праздничном платье Аглая была вправе делать с Леонидом все, что ей вздумается, даже заниматься с ним изощренными формами мазохизма. Герой следил за тем, как по грифу импровизированной штанги ползет многоножка, насекомое цвета физалиса замерло в десяти шагах от пропасти. Железняк спросила: вы не курите? Леонид, замешкавшись, ответил: бросил. – Жаль, – произнесла она. Лёлек в зеленом спортивном костюмчике заглянул в зал, угодил впросак, убежал, извинившись. Не видите, что ли, тут происходит мнимое свидание.

Девушка спросила: как тебе нравится наша маргарита? На вкус мужчины, выпивка была неплохой, скорее, не маргарита, марго. Приятное пойло, домашнее, без всякого официоза. Он сказал: необычное сочетание, как вас занесло в эти края? Аглая переменяла положение ножек, теперь они стояли прямо, сомкнутые, словно ряды панцов перед воротами в ожидании футбольного мяча, который с минуты на минуту должен прилететь в кого-то из них. – Как ты думаешь, сколько лет им всем? – начала откуда-то из середины девушка. – Лет по десять, – поспешил с выводами Леонид, хотя и допускал, что дяде Славе и Петру сейчас лет по шестьдесят, они просто помолодели телами, а если помолодели телами, но мозгами остались шестидесятилетними, то вполне вероятно, что Лёлекам и Болекам намного больше годков. – Не надо ломать голову, когда ты думаешь, тебе не идет, у тебя глаза кривятся, – засмеялась Глаша. И сама же ответила на свой вопрос, точно решебник по алгебре за 7-й класс под редакцией Макарычева: много им лет, эти люди не подошли для программы обмена опытом, а, как ты понимаешь, сотрудничая с инопланетянами, прости за это просторечие, но что делаешь, они узнали много лишнего. Чудны пути твои, подумал мужчина, потянувшись к деревянному кувшину с маргаритой. – А тебе, извиняюсь, сколько? – проговорил пока еще не пьяный Лёня. – Вообще-то двадцать, но со мной что-то не так, я не помолодела, – выпендрилась Аглая. – Ты что-нибудь помнишь, какими были они, те, кто тебя вербовал? – Леонид наполнил бокал. – Мои родители, они принесли меня в десятилетнем возрасте в амбар, – девушка темнила, не раскрывалась перед встречным-поперечным. – Они были обращенными, твои родители? – спросил мужчина, закашлявшись, в носу защипало. И ответом ему стала тишина, нарушаемая лишь далекими криками разгоряченных подземных человечков.

– Хочешь посмотреть на праздник живота? – Аглая Железняк была оригинальна, точно чипсина в форме сердечка, найденная в пачке из-под сухариков. – Я не люблю насилие, – Леонид флиртовал, его нужно было уговаривать. – Ты относишь себя к интеллектуалам и образованным людям, но они приносят тебя обратно, я угадала? – засмеялась девушка, обнажив ровные, крепкие зубы. И Леонид не мог не спросить: вы живете тут под землей, у вас, наверное, нет зубной пасты, в чем секрет? – Я гляжу, вы там у себя расхлябились совсем, а ведь секрет прост, тальк, пемза, железная ржавчина, дубовая веточка с разжеванным концом, иногда, если только для вкуса, с липовым углем. – Да, мать, удивила! – фамильярничал гость. – Какая же я тебе мать, нашелся сынуля, зубы для начала почишь, а то смердит, – девушка направилась к дверному проему. Леонид подышал в ладошку, почуяв пропастину, скривился. – Постой, я же тут потеряюсь! – он шел по мотивам шагов Аглаи по длинному коридору, потолок нависал, грозился опасть, тонкие струйки песка изливались на голову, проникали в уши. – Аглая, подожди, ой, – мужчина стукнулся коленкой обо что-то, – Аглая, не играй со мной! – Сбоку-припеку зацвел смех Лорелеи, то есть Глафиры. Сняв со стены фонарик, который мерцал, стремился издохнуть из себя последние силы. Не питая особых иллюзий три раза в день, Леонид направил фонарь на стукнувший его предмет, проявились очертания пулемета Максим. Бог ты мой, оружие, изобретенное в 1883 году в США Максимом, не сыскавшее на родине славы, подумал герой. – Ай, ты нормальный вообще?! – Железняк потирала ушибленный лоб. – Ты меня напугала, красотка, лезть не надо было, – сказал галантный Лёня, девушка и впрямь напугала, подкравшись, а ведь

к лошадям и Леонидам нельзя подкрадываться сзади, это с детского сада знают. – Пойдем на праздник живота, – сказала Глаша, и на этот раз в игрушки уже не играла, шишка на лобном поле распустилась синеголовником.

Наш герой переставлял свои плодоножки. Слышалась беготня грунтовых вод. Фонари на стенах стали встречаться чаще. В комнатке, которую проходили, Леонид заметил темно-зеленые ящики с надписью «динамит». И белая надпись «динамит» была подобна радикулиту, звучала как приговор. – А вам зачем столько взрывчатки, вы что, замышляете противоправные действия, порицаемые здоровым обществом? – Лёня заглянул в соседнее помещение, попутно заглянул в будущее, там не было ничего хорошего, в сущности. В узенькой комнатку на школьной доске, на скамье подсудимых детей висела карта с некими обозначениями, флажками. – Понимаешь, нет, ты не понимаешь, мы устали терпеть господство инопланетян, настало время, и люди головы теряют, но это время пока еще не весна, – революционерка воспламенилась, – но самый разгар зимы! – Ладно, – сказал мужчина, – так мы пойдем на праздник живота? – Да, да, праздник, мы пойдем, – Роза Люксембург улыбнулась, ее улыбка была как будто прологом для красного смеха. Нечто неприятное ощутил наш Леонид в районе грудины, как сказали бы в старину: «засосало под ложечкой». Впрочем, герой безропотно последовал за девушкой, ведь был человеком любознательным, не растратившим дух волюнтаризма. Именно по причине резвившейся не по годам воли Леонид погладил попу впереди шагающей Железняк, но девушка сделала вид, что не заметила, какая хладнокровная Железняк, Железняк-амфибия.

Глухие удары в бубны, звон колокольчиков, восторженные крики обезумевших Лёлеков и Болеков. Карнавальный экстаз был слышен за долгие минуты до непосредственного присутствия на месте событий. По глазам хлестнул нестерпимый свет десятка люстр. Монструозная хрустальная скульптура, составленная из световых приборов, внушала некий, должно быть, ужас неподготовленному для таких зрелищ Леониду. Полуголые польские человечки, вымазанные с ног до головы черной краской, с белыми лицами, они зизизикали, как стадо пчел в едином порыве. Перед светящейся на тысячи голосов скульптурой лежала необъятная покрывка грузовика. Своеобразный алтарь был наполнен ржавым песком. Аглая подтолкнула в спину, непостижимым образом оказавшись позади, хотя шагала впереди, нонсенс. Жители подземелья устремили взоры на гостя, и Лёня почувствовал себя совершенно не в своей тарелке, тарелка Лёни была пиалой. Пухленький бородатый подросток в гипсовой маске козочкой прыгал вокруг колеса. Сто пятьдесят сантиметров обескураживающего буйства. Наконец, шаман прекратил свои ребяческие телодвижения. – Не бойся, иди же, – девушка упорно подталкивала к чему-то неблагонадежному, к чему-то непоправимому, причем, все по методичке, ведь искусство любить – это Эрих Фромм. Мужчина сделал несмелый шаг, кто-то из обитателей нижнего мира пораженно охнул, так охает особо впечатлительная барышня в момент засовывания пасти льва в ухо дрессировщика. Леонид заметил в руках человека в маске Педролино волнистый кинжал. Лезвие блеснуло, Лёлеки, Болеки подскочили со своих мест, понеслись к мужчине. Невероятно развитая мелкая моторика рук позволила филигранно связать нашего героя в технике шибари. Некогда популярном японском развлечении. Бельевые веревочки образовали на груди пятиконечную звезду, запястья за спиной не могли вздохнуть, настолько их величественно скрепили. Подняв Леонида над головами, человечки, радостно загомонили, как будто стреножили не почтальона, но говорящую собачку.

– Что происходит, Аглая, ты опять играешь со мной, – Лёня дергался, но вырваться не удавалось, ручки аборигенов были чересчур сильны, – я требую объяснений, будь мужчиной, Аглая, скажи мне в лицо, что ты задумала! – В высшей степени плохое поведение Железняк не укладывалось в рамки общепризнанных гор. Сектанты стали напевать нестройно песнь африканских рабов: «Кумбайя». «Кумбайя» не предполагала ничего хорошего, мужчина был подобен колонизатору, пойманному членами дикого племени. – Куда вы меня тащите, вы, маленькие дегенераты, я ни при чем, это все Давид Наказов, он меня подставил! – пленник предпринял несмелую попытку заговорить зубы. Человечки возложили героя к подножию хрустальной статуи, прямо на колесо-

алтарь. Жертву обстоятельств удерживали на красном песке, шаман, размахивая своим ножиком, бубнил нечто чрезвычайно важное для этих Лёлеков и Болеков. Песчинки были остры, спина нестерпимо чесалась, шансы подцепить чесотку казались нешуточными, кто еще возлежал на данном песке, быть может, бродячие псы, поднесенные в качестве даров неведомому хтоническому чудищу. Девушка сменила гнев на жимолость, стоя над мужчиной, она сказала, рокот польских человечков ей не мешал: мы так никогда не поступали, но ради тебя сделаем исключение, озвучь свое последнее желание. – Желая знать, где принимают жалобы на ваше ублюдочное поведение! – Железняк рассмеялась, оглядев представителей своей армии, мол, какой несгибаемый и противоречивый гость попался. Один Болик тоже рассмеялся, оценив шутку по достоинству, за ним и остальные, произошел так называемый КВН. – Зачем это все, я не сибиряк, это не моя борьба, как вообще моя напрасная кончина поможет? – Леонид почти плакал, почти не считается.

– Видишь ли, боремся мы с диктатурой пришельцев, но для борьбы помимо ресурсов, тротила, винтовок, нужны жертвоприношения, – Аглая, точно садист, упивалась, рассказывая свое видение ситуации, а жертва беспомощно слушала, не смея возразить. – А что будет потом, вы уничтожите обращенных, а потом какие у вас планы, может быть, увезу тебя я в тундру, и мы поженимся? – мужчина проявлял неописуемо глупый оптимизм. – Да, и где вас таких жизнелюбов изобретают, – Глафира кивнула шаману, как бы одобряя его дальнейшие бесчинства. Человечки, заковав, обступили алтарь. Из недр монструозной скульптуры стал доноситься едва слышный писк. Испарина покрыла лицо, дышать стало трудно. – Как это что, мы захватим летучий корабль, конечно же, полетим на Марс, а там посмотрим, – Железняк все продумала, самоуверенность девушки, наверное, понравилась бы маме Леонида, правда, Полина бы не оценила, если он вдруг стал сожительствовать с другой девушкой. Кинжал дотронулся до щеки, он был горячим, пот зашипел, испаряясь. Хрустальная постройка затряслась, ожила. Леонид увидел, как Педролино занес над ним свое кошмарное оружие. А потом герой, кажется, проснулся, кажется, по настоящему.

Глава 12 Замок неврозов

Безопасная речь затекала в уши, хотя кошкам и нельзя, чтобы в уши, но Леонид кошкой не являлся, впрочем, проблемы членистоногих исключительно проблемы психиатров. Речь была подобна салфетке, которой, по обыкновению, старушки накрывают свой телевизор, хлопоча о целостности кинескопа. Млеющий от качественного голоса Леонид ощущал себя пультом от телевизора, вложенным в целлофановый пакет. Говоривший был смутно знаком, словно являлся Валентиной Леонтьевой. – На счет пять ты вернешься в свое тело, – доверительно сообщил голос. От затылка до копчика прошла студеная волна, сделалось зябко, возникло желание, непреодолимое желание обложить себя кошками, чтобы они своими телами согрели как следует. – Десять, – объявил голос, порой так объявляют дежурного в классе, степенно. – Девять, – потеплел кончик носа, послышался аромат кукурузной каши. – Вы слышите восемь, потому что я говорю восемь, – мужчина говорил восемь, ни больше ни меньше. – А теперь я говорю три, – кажется, произошел сбой, к сожалению, мы безвозвратно потеряли дореволюционное образование. – А вы можете себе представить, только вдумайтесь, для работы мозга требуется столько же энергии, сколько содержится в 10-ваттной лампочке? – некто проявил бестактность, вторгнувшись в речь мужчины. Этот нарушитель имел голос квохчущий, старческий. И Леонид благодаря смутьяну вернулся в свое тело не полностью.

По терминологии такого философа как Гуссерль, герой оказался в «действительном, конкретном окружающем мире». Лежа на кушетке, мужчина перевел взгляд на свое тело, голубоватая пижама в белую полоску покрывала его члены, туловище. На стене цвета морской волны висел некий зеленоватый плакат, на плакате был изображен седобородый презентабельный

дядька, в круглых очках, пиджаке, верхушка черепа отсутствовала, из головы тянулась яблоня, оплетенная змеей, женская ручка, сжимающая оранжевый бутылек. Гражданин в белом халате, из-под которого выглядывал воротник рубашки цвета сирени, обратился к кому-то другому, не к Леониду: пациент, лампочками мы тут не занимаемся, пройдите на процедуры, я могу позвать санитара, если вам больше всех надо. Герой посмотрел на дверь, там стоял субъект, его почему-то звали Вячеслав. Бронный нимб волос, сероватые глаза. – Позвольте спросить, – нижняя губа престарелого клиента желтого дома дрожала, – почему из нашей библиотеки пропал весь Гуссерль? – Ну, как же, за сотрудничество с нацистами, – лечитель мозгов извлек маленькую черную расческу из кармана халата, стал прочесывать свои лихо закрученные, усы. – Позвольте, это Хайдеггер сотрудничал, вы снова все перепутали, – пациент повернулся, зашаркал вон из кабинета. Агентурное прозвище Вячеслава было Лыжник за манеру ходьбы. Психиатр избавился от расчески, постукая пальцем себе по виску, сказав с улыбкой: сумасшедшие люди, что подлаешь. – Как себя чувствуешь, сдаешь мне, что мы достигли кое-каких улучшений, по крайней мере, динамика вполне положительная, – безымянный доктор позволил себе облизнуть собственные губы, это значило, что сеанс подошел к своему трагическому отношению. – Ладно, ступай на обед, время, время, – психиатр наморщил высокий, загаженный созвездием прыщиков лоб, – иди же, не заставляй звать санитара.

В коридоре два утконоса, они же практиканты, несли уток десять, металлические, цвета крем-брюле. Бедняжки балансировали, шли медленно, горшки рисковали упасть, залить исхоженный донельзя паркет, узор на паркете складывался в елочку. Леонид посторонился, видя окна, законопащенного торжественной решеткой, усеянной тучелами птиц, пластмассовой виноградной лозой, подле окна стоял мраморный фонтанчик-поилка. Леонид как раз возжелал воды, чудовищная по своей силе сухость во рту победила человека. Фармакология доведет однажды до помешательства, подумал горестно Леонид. Подойдя к поилке, точно умные слова к философу у магазина, где он клянчит мелочь на опохмелиться, Лёня принялся пить, вода из медного краника подавалась рывками. Сквозь истертую губами пациентов позолоту проступила седина. Стылость напитка вызвала приступ зубной боли. В голове прояснилось, что вообще-то надо бы рвать ногти отсюда. Леонид как будто не помнил, за какие заслуги перед отчеством его, внешне здорового сеньора, определили в столь неприятное место. Седативные аппараты действовали нормально, по десятибалльной шкале мужчина дал бы им побыть наедине со своими бзиками. – Эй, такой-то с такой-то фамилией, марш на dinner! – посоветовал уважаемый санитар, это был очень обидчивый санитар, наделенный волшебными силами, как и все санитары в принципе.

Леонид поспешил. Гражданин в несвежем, с горчичными пятнами на груди, халате. Чей портрет изумительнейшим образом составил в свое время Пикассо, моряк, кажется, моряк. Носовая конструкция схоже предпочла уехать набок, вместе с глазом и ухом. Санитар спросил, весьма желчно, стоит заметить: тебя проводить, а то я могу, и тебе это вряд ли понравится? – Нет, провожать ни к чему, мы люди гордые, дойдем сами, – некстати кончики пальцев на ногах онемели, Леонид, превозмогая собственные физиологичные оплошности, поплелся по направлению к столовой. Мимо него прошелестел своими пятнистыми одеяниями охранник. Мужчины в камуфляжных костюмах охотятся, как правило, на женщин в леопардовых костюмах, однако в мужском отделении психиатрической клиники подобных женщин не сыскать. Над раковинами перед столовой висела художественная редкость. Некий короб, а за стеклом картина Александра Лобана – директора клиник по всей стране, как обезумевшие, простите за тавтологию, принялись скупать произведения данного художника-аутсайдера. Леонид не представлял, чем руководствовались граждане, заведующие диспансерами, быть может, полагали, что наличие картины дарует что-то. Рисунок был выполнен цветными карандашами. Женщина в кокошнике, принужденно улыбаясь, держит в руках двуствольную винтовку Мосина. В окружении кустов рябины, черники, вдали виднелся двухэтажный белокаменный дом. Лёня вымыл руки, раму решил не мыть. На всякий случай вымыл руки трижды. И вошел в обеденное помещение.

Меж тем принимать пищу полагалось исключительно в составе отделения. Волков-одиночек не жаловали, но в связи с тем, что Леонида отвлек на сеанс гипноза психиатр, волком-одиночкой побыть не заторно было. Малочисленное отделение для буйных, потому самых, как бы это парадоксально ни звучало, вялых, неторопливо обедало. Сонные мухи едва попадали ложками с кукурузной кашей в себя. Двое из трех мужчин не проявили никакого интереса к вошедшему Леониду. Лишь санитар-надзиратель поглядел с неудовольствием на героя, смолчал, лицом он походил на сенбернара, блюдущего. Буквенные бабочки, пришипленные к светло-лиловым шторам: «когда я ем, я глуп и пел». Кто-то всерьез ошибся. На выдаче пищи стояла дамочка с грандиозной улыбкой, она спросила, явив герою свои цыганские монументальные зубы, сверкающие огнями над полями, полями, полями: опаздываем, товарищ такой-то. – Простите, я не нарочно, – Лёня принял пластиковый поднос, поклонился. Но женщина не спешила его отпускать, Леонид очень-очень нравился странненьким женщинам, порой старушки в метро лезли целоваться, говорили: вот он, Иегова нашего времени. Совали в карманы конфетки. Буфетчица, наделенная большими янтарно-зелеными глазами, добрыми глазами, в такие глаза не грех было поглядеть, буфетчица придержала мужчину за рукав пижамы. – Тебя на выписку, я слышала, готовят, передай приветик моим там, – вселенская несправедливость наличествовала в учреждении, обслуживающий персонал как будто находился в положении пациентов, неизвестно даже, кто кого обслуживал. Леониду взгрустнулось, как мальчику в их школе, который сказал однажды слово «декаданс», за что был подвержен травле, бедняге наплевали в капюшон его зимней курточки целое озеро. Подумали, что мальчишка из этих. – Передам, Маргарита Семеновна, передам, – Лёня присел у окна. Ощущалась некоторая, как мы уже заметили, грусть, связано у гражданина, который засыпал убежденным диссидентом, а проснулся яростным патриотом, и был вынужден приматывать пластырем к поясице книжку Солженицына, гадая, чем он таким отравился вчера.

Каша была пересахарена, тянулась, как прошлогодние обещания, обещания после тридцать первого декабря встать за голову и ужаснуться образу своих мыслей. Клюквенный кисель приятно студил горлышко, детвора в глотке лепила снежки, матери, выглянув из форточек, звали их на обед. Санитар-надзиратель сложил богатырей на каталку, обратился к женщине: мы пообедали, Марго, спасибо. И увез джентльменов. В дальнем углу столовой сидел еще один пациент, пациент-невидимка, интеллектуал. Его внешность постоянно ускользала, но не от Леонида. Он сидел там, возле анатомического скелета, забытого, должно быть, целым профессором. Большой имел сходство с певцом Шурой, но из-за отсутствия передних зубов, хотя из-за этого тоже, а по причинам того, что в его глазах как будто отшумели летние дожди, ощущалась некая осень, а за ней неминуемая кончина субъекта, иными словами, старость. Он сидел там и кормил свое интеллектуальное превосходство над прочими обитателями лечебницы, читая энциклопедию в красной обложке. Леонида совершенно не устраивало, что так называемый «компот», который вкальвали, в том числе, буйным, применяли и к таким безобидным старичкам-невидимкам. Герой допил кисель и сделал открытие века сразу после второго. Открытие было несколько ненаучным, однако кто-то в нем казалось небезынтересным. Лёня подумал: а вот любой диагноз – он применим к любому гражданину: пограничное расстройство, пожалуйста, вы вспльчивы, а потом не вспльчивы, наоборот, дружелюбны. Чудны пути твои. Работница столовой подошла на своих ножках, покрытых пряхей варикозных вен, взяла поднос, произнесла: закрываться уж надо, ступай, ступай, а то дежурный заругает. Пациент с энциклопедией остался вне подозрений, его как будто и не существовало.

На вахте окликнул охранник в своей милитаристской форме, предложил проследовать в комнату для свиданий. Шевеля антеннами-усиками, ковыряясь зубочисткой во рту, сказал: а я тебя ишу, ишу, краля твоя ждет, давай, малой, поспешай. Подобной крали Леонид за собой не замечал, но на всякий случай вошел в пропахшую дезодорантами, квашеной капустой каморку. На желтовато-серых стенах висели написанные членами художественного кружка пейзажи. Они в определенной степени смущали жен пациентов, поэтому рисунки частенько отворачивали к стене.

На кровати сидела Полина, лишенная волос, можно было погладить лысого ежика, не уколотившись. – Что это за «Люба, я вернулся»? – мужчина разулыбался, глядя на сожительницу. – Нормально тебя тут размотало, – Аполлиария, кажется, похудела – часы на ее запястье, чтобы их застегнуть, раньше требовались дополнительные звенья для браслета, а нынче браслет был заводской. – Здравствуй, здравствуй, друг прелестный, – девушка приобняла Лёню, приподняла, поставила на место, – исхудал, ой, исхудал. – Меж ними завязался обыкновенный диалог пришедшей провести в психушке своего кавалера дамы и рыцаря. Волосы она кому-то пожертвовала, на работе повысили. А острый психоз Леонид подзабыл. – Напугал, мягко сказано, напугал, из твоих навязчивых ритуалов вон что получилось, – Полина достала из рюкзака апельсины в пакете, яблоко, пакет сока. – А что получилось? – Лёнчик, должно быть, прикидывался, но сожительница знала его как облупленного, поэтому допускала возможность временного краха нервной системы суженого. – А твоё мытьё рук по тысяче раз на дно мутировало в поджог почты, который, слава богу, не состоялся, нашлись сознательные люди, – Аполлиария чистила фрукт, складывая кожурки на тумбочку цвета книги первого издания «Анна Карениной». – Наверное, переработал, – Лёня, присев на краешек стульчика, посмотрел в потолок с распустившимися на нем звездочками. – Переработал, а зачем ты требовал, чтобы обязательно присутствовали во время ритуала три девственницы, тоже переработал? – сожительница протянула лишенный оков апельсин. – А с волосами что случилось твоими? – спросил мужчина. – Я же сказала, один знакомый музыкант делал выставку, нужно было много волос. – Поля же сказала, что знакомый музыкант делала выставку, правда-правда. – Не знаешь, когда меня выпишут отсюда? – Лёнчик оторвался от потолка, стал приземленным. – Говорят, ты уже вышел из своего психоза, только я не знаю, как ты в него вошел, все ж нормально у нас было, я тебя не била, ничего, – девушка достала из рюкзака поистрепавшийся томик «Войны миров». Где-то в коридоре лечебницы затрубил горн. Перед уходом Аполлиария сказала: давай, ковбой, good luck, кстати, у тебя там что-то с бабушкой случилось, надо съездить, как выпишут.

В расписании, выполненном от руки на желтом тетрадном листке, значилось групповое занятие арт-терапией. В майке-алкоголичке, но не совсем, в майке-трезвеннице, ведь цветовая модальность той майки была синей, мужчина с экзотическим именем Денис, пожирая согласные, спросил: ы ае еоя оуя? – Как это зачем проснулся, так получилось, – Леонид взглянул в черные хитрые глазки этого шестидесятилетнего весельчака, тронутого, как и многие пациенты, нежной рукой Лиссы. Наш герой спустился в полуподвальное помещение закрытого типа, избранное правящей верхушкой замка неврозов для того, чтобы особенно впечатлительные больные не прыгали в окна. Бывало, напишет некий гражданин с множественными личностями нравоучительный текст, а нервный слушатель с каким-нибудь еще расстройством возьмет и не положит на место стеклянный шарик своего равновесия, он и разобьется. Полукругом расположилось двенадцать господ, не считая собаки. За одним из присутствующих постоянно таскалась собака, однако животное совершило трансгрессивный переход, и теперь пребывала физическим телом в другом измерении. – Опздываем, а ведь путь, извините меня, к выздоровлению, тесно повязан с соблюдением четких инструкций, – это говорила тетушка, владеющая острым чутьем на литературные дарования. Участники арт-терапии ехали транзитом через писательскую деревню прямо в благополучный город ремиссии. Несколько раз в неделю дамочка собирала почтеннейших джентльменов, объявляя тему, она с нетерпением ждала, пока пациенты разной степени ненормальности сподобятся описать собственные сны, переживания, придерживаясь заданной темы. Никто не был вправе покинуть полуподвальное помещение, пока не напишет. Да, вслух читать могли не все произведения, а вот послушать тех, кто все же решил поделиться, должны были все.

Ведущий специалист, женщина лет сорока, с жесткими короткими волосами, так называемыми завитушками, озвучила шутивно свое недовольство, Леонид не стал объясняться, опоздание не предполагало каких-то существенных извинений, все были взрослыми людьми, все понимали, откуда растут ножки. Тем более Римма, так звали тетушку, работала в тесном контакте с другими

психиатрами, поэтому внутреннюю кухню лечебницы прекрасно понимала. Понимала она, что Леонида задержал гипнотизер, пытаюсь прорваться на периферию его сознания, понимала, еще как понимала. Женщина в облегающем длинном платье оглядела присутствующих, Лёня присел рядом с агентом инопланетной разведки. Сознательным пожилым гражданином с ПТСР, передающим наблюдения «туда» посредством записочек на лицах прохожих, во всяком случае, тех, кто был не в силах отбиться. Римма выставила свой язык, сложенный трубочкой, напоказ. Значило это, что занятие началось. Присутствующие субъекты стали гудеть, прогревая голосовые связки. Ведь в хороших творческих сумасшедших руководством ценилось, прежде всего, умение позаботиться о себе. Травмироваться в процессе написания собственных произведений было нельзя. Один пациент, сочинив поэму о превратностях судьбы, в частности, о писсуаре в общественном туалете, который в определенные дни пожирает своих клиентов. Этот пациент читал, не разогревшись, дикий зверь, медведь, заслышав рык поэта, из лесу вышел, покусал охранника, некрасиво. Клиника находилась в черте города, рядом произрастала дубрава, если она, конечно, могла произрастать, а не просто расти. – Сегодняшняя тема, мальчики, хорошо ли мне живется, – женщина, кажется, недоговаривала. Рыхлый пациент, занимающий целых два стула, спросил на удивление тонким бабским голосом: на Руси? – Тебе, Рома Суглинок, где угодно, я спрашиваю, в общем, без конкретной привязки к месту, – руководительница кружка улыбнулась, ее щедрый на крупные зубы рот стал напоминать дольку луны. Джентльмены, услышав тему, зашептались, кто-то даже пошутил. – Юмор у вас, Успенский, как у декабриста перед казнью, – женщина больше не улыбалась, стала раздавать всем альбомы для рисования, карандаши.

На бледно-серой стене был изображен зимний сад, обглоданный капитальным ремонтом. Некоторое время назад один из художников, чье имя наверняка сохранилось в архиве замка неврозов, изобразил беседу, пруд, пустые скамейки. А потом у лечебницы появились средства, а потом данную красоту вымарали канцеляризмами серости. Но вот очертания рисунка проступили, проступили вопреки бюрократии нормальности. Леонид выводил на листке каракули мыслей. Глядя на белую, словно кожа Майкла Джексона, стенку, герой вспоминал, как ему живется. Карликовая пегаая лошадь, ноги в резиновых темно-синих сапогах, до земли считанные метры, яблочко, малость подмёрзшее в потной ладони. В парке с деревьев опадает густо-желтая листва. Параллелепипед – если вы понимаете значение этого слова так же, как мы, – молодежного дворца подсвечивают мощные прожекторы. Леонид желает вернуться поскорее домой, где размеренный быт, где сушеные ананасы, где мультики. Но мать заплатила, поэтому предстоит на лошадке кататься, осталось два круга. Сегодняшний Леонид в застенках лечебницы вернулся сознанием в полуподвальное помещение. Хорошо ли мне жить, задумался он, хорошо, чего же плохого. Пациенты сопели, выписывали измышления на заданную тему, были подобны мясникам собственной памяти, препарирующим барашка как символ детства. Взглянув на часики в форме сердца, Римма проговорила задумчиво: мальчики, у вас пятнадцать минут где-то, наверное, поторопитесь.

– Татьяна Иннокентьевна, Татьяна Иннокентьевна, я знаю, что вы не Татьяна Иннокентьевна, но все же можно, можно мне прочитать свою повесть? – выскочка принадлежал к числу двенадцать, потому что его звали Олег, и жена сдавала его в лечебницу каждую весну на протяжении двенадцати лет. Соответственно, жена была тезкой Риммы, только при других обстоятельствах, ведь Римма это еще не Таня, но уже правильное мышление, в ходе которого выявляются точные и обоснованные теории, призванные прояснить варианты возникновения ненормальности. Олег представлял из себя крепкого хозяйственника. Леонид рассмеялся, кажется, одна из пилюль, выданных до сеанса гипноза, начала действовать экстравагантно, словно супрематизм на простых работах, приглашенных бригадиром на выставку. – Хорошо, Петр, прочитайте, главное не волнуйтесь, помните, как мы учили, сохраняем спокойствие, – согласилась Римма с Олегом по имени Василий. Путаница в именах создавала определенные трудности, коммуникация грозила разойтись по шву по принципу трико в редкие моменты полета через козла. Мужчина, выразивший желание прочесть текст, выглядел сносно для своего престарелого

времени. Впрочем, шизофрения накладывает определенный отпечаток пальца на граждан с психическими особенностями, все они выглядят моложе, особенно с этой красной точкой на лбу. Руководительница кружка спросила для проформы: ребята, никто больше не хочет почитать, мы тогда слушаем Бориса, получается? Этажом выше раздался топот копыт, репетировали танец чечетку к предстоящему равноденствию. В коридорах умалишенные развесили макеты Луны, Марса, Земли, Солнца, выполненные из строительной пены, гуаши. Директор ожидал приезда комиссии, комиссионеры – в том значении, в котором понимаем это слово мы, – должны были проверить качество праздника, общий уровень творческого потанцевала пациентов. Леонид, являясь постоянным участником занятий арт-терапией, находился под ударом, агитация Риммы прочесть собственные стихи встречала жесткую оппозицию, публичные действия вызывали у Лёничка своего рода боязнь, он попугивался сцены попросту говоря.

– Раз никто больше не вожделеет, что ж, имярек, читай, пожалуйста, – женщина не знала, она даже не представляла истинных масштабов имени Бориса-Василия-Петра в данный момент, настолько торопливо менял он свои наименования. Изнывающие от психической духоты товарищи Лёни дремали, были глухи к искусству. – Тогда я начинаю, – монотонно произнес господин. Установилось затишье, жужжащее, должно быть, в правом ухе. Прислушайтесь, я не шучу. Герой посмотрел на мясистое утолщение корня, заменяющее мужчине нос. Помнилось, что у Петра-Олега была собственная ферма, где выращивались для продажи Ниф-Ниф, Наф-Наф, Нуф-Нуф. Просто вспомнилось, деталь ни на что не влияет, собственно, как и глицин. Василий-Борис потирал свекольные щечки, читая про себя. – Давай же, мы все ждем, – Римма была терпеливой тетушкой. – Ну, я читаю тогда, что ж, – Олег принялся читать тогда сочиненный опус.

– Отвечая на поставленный вопрос, то есть выделить конкретные впечатления от жизни сразу вдруг, оно мне не удается в силу моего состояния, в коем присутствую я в нынешний момент, – столь обстоятельный рассказ с первого шелеста губ заинтересовал нашего героя, приятно было послушать сознательного человека. – Так, давайте не будем сейчас вот этого гностицизма, читайте по тексту, гражданин, давайте, – женщине привиделось, что мужчина обронил конкретику. Леонид проследил взглядом за перемещениями мысли нарратора. – Недавно заваривали с детьми, а их у меня трое, все мальчики, сорванцы, заваривали с ними кору дуба, тут главное не головную, – пациент повествователь рассмеялся, кто-то из джентльменов заплакал, испугавшись этого роботизированного железного смеха. – Отставить слезы, не смей, Эдуард, мы только зашли в ремиссию, – Римма прикрикнула на Эдика Громадянина, тот необъяснимым образом был жалостлив к себе, обладал двадцатилетним возрастом, страдал расстройством, о котором в приличном обществе принято говорить шепотом. – Родившись в семьдесят девятом году, я не до конца представлял масштабы разлившейся предо мною жизни, – читал с листочка Олег, – возможность жениться на однокласснице Ольге, заняться хозяйством появилась спонтанно. – Рассказчик примолк, точно крик новорожденного, когда ему сказали заткнуться. – Продолжайте, продолжайте, – женщина поторапливала, она больше не призывала соблюдать спокойствие, допустила своим «продолжайте, продолжайте» роковую ошибку. Джентльмены стали галдеть, почувствовав нетерпимость со стороны властного органа. Леонид благоразумно встал у двери. Римма призывала всех к тишине, правда, безрезультатно: ребята, давайте мы слушаем этого Виктора, я точно уверена, что его зовут Виктор, Виктор, не ломай комедию! – Вы жестоки, а мы вам верили, такую тему задали! – вскричал некий господин, а потом врзался в стенку с родимыми пятнами потускневших облачков.

Ужин провели сдержанно. Лёня со своим отделением вкусил полагающиеся блюда, изысканные пирожки с печенью радовали. На румяном тесте повариха умудрилась воссоздать узор, вязь. Инцидент, произошедший в полуподвальном помещении, служащие лечебницы рационально замалчивали. Впрочем, они могли, конечно, обзвонить новостные редакции, сообщив о том, что такой-то расшибся в процессе слушания сочинения Виктора Корнеплода, фермера, сдаваемого по принципу стеклотары каждую весну в дурку. Однако психиатры не нуждались в том, чтобы их нахваливали, мол, посмотрите, у нас там эдакое творится, какие молодцы, так сказать. Наш ге-

рой поднялся в палату. Двадцать четыре кровати, двадцать четыре сестры радушно раздвинули ноги, нет-нет, мы что-то становимся пошлыми в нашем описании заурадной палаты. В подобных палатах, должно быть, уважаемые читатели некогда проживали, поэтому лишний раз воспроизводить быт клиники ни к чему. Представление каждый порядочный гражданин имеет. По телевизору, что стоял на тумбочке, ведущая выражала эпохальный оптимизм. Некоторые пациенты спали. Приглушенный свет, безнравственно желтый, словно пятна, оставленные несмышленным котенком возле ботинок в прихожей. В синем пиджаке заклинительница новых смыслов говорила о том, что стали взрастать посеянные семена некогда важных муниципальных инициатив. Скрывающийся от армейской пастилы призывник, с полуприкрытыми глазами, слушал ее. В лагерной прозе встречается упоминание так называемого сеанса. Переживание, необязательно сексуального рода, испытанное лицами мужского пола в моменты рассматривания фотографий с женщинами, сестрами. Призывник вслушивался в этот, надуманно строгий – работа на телеканале обязывала исключить хиханьки, – голос.

Леонид покинул палату, в уборной заунывно воняло антиутопиями. Туалеты частенько забивались, тем вечером они не смывались. В пакетике лежала белая зубная щетка, тюбик пасты «Лесной бальзам». Раковина висела на волоске, опасность подстерегала на каждом углу. До массового переселения пациентов из относительной реальности, обнесенной заборами законодательства, нормами поведения, конвенциями, в относительно свободный поселок городского типа под названием сновидения. До массового переселения оставалось часа два. Но Леонид решил умыться пораньше, покурить, Полина оставила пачку тонких, дамских сигар, хотя он, кажется, бросил. Перед самым отбоем в туалете происходила непрерывная математика. Кто-то выменивал таблетки, кто-то подсчитывал убытки в связи с тем, что родственники не приехали на свидание, курево безжалостно заканчивалось. Тусовались в туалетной комнате также представители медперсонала, следили за обстановкой, вмешивались редко. Допустим, в случаях, когда разрешить спор не представлялось возможным силами пациентов. Здесь же мудрецы делились опытом с дремучими. Леонид помнил, как один гражданин советовал загружать неопасные, маленькие вирусы в свой компьютер, чтобы у компьютера выработался иммунитет. Или был случай, дедушка рекомендовал брать собственный пульт от телевизора, когда идешь в питейное заведение, каналы переключать удобно, если не нравится новостная повестка. Один философски настроенный парень, специалист по радиотехнике, сказал герою однажды, когда тот читал в уборной старый журнал о разоблачении НЛО, сказал: если ты читаешь подобную литературу, тогда точно не вешайся, давай признаем уже, что ты не вешалка. Тем же вечером советчик позабыл, что он не вешалка. Судьбоносные встречи порой случались в туалете ввечеру.

Лёня призвал горячую воду, кран задрожал. Зеленые, малиновые квадратики плитки, на стене не было зеркала. Поэтому мужчина не встретился взглядом со своим отражением, поэтому стыдливо не пришлось отводить глаза. Щетка царапала десна, Леониду совершенно не понравилось. Он сочинил даже стихотворение по этому поводу. Рифма в нем ускользала, как умная старушка от черного риелтора.

Уснувший наркоман за рулем
 О чем-то подозревает,
 О чем-то, что больше добра и зла,
 О чем-то, что связано с детством,
 Перед тем как телом раздеться
 Он чувствует легкость,
 Внеземную легкость.
 А потом следует бум,
 И ломается остановка,
 И человек уже в упаковке,
 Словно фарш на подложке

Под прикрытием целлофана.
 Так же и я каждое утро
 Балансирую между
 Неприятной одеждой
 И хорошим настроением,
 Чувствуя непонятную легкость,
 Пока плюю кровью
 В побитую раковину,
 Пока чищу зубы
 Пастой лесной бальзам.

Лёнчик подошел к окну, скованному толстенной решеткой, толщина прутьев была подобна толщине пальцев, которые украшали золотые перстни, пальцы и перстни принадлежали серьезным господам в малиновых пиджаках. Эти господа, наверное, послушали рекламу пепси, взяли от жизни все, правда, не смогли унести. Леонид не стал определять время года, темно-каштановая часоушка стояла, и хорошо. Значит, ничего экстраординарного не произошло, раз пять Леонид видал эту часоушку. Правда, в третий раз ее там не оказалось, и случились массовые чистки пациентов, прилетели инопланетяне. Что-то привлекло внимание нашего героя, он взгляделся в лесную простоту. И разглядел медную Антонину Георгиевну, которая возвышалась, многометровая, державшая в одной руке копые, во второй пакет с продуктами. И возвышалась над кронами деревьев, подростков деревьев, не успевших подрасти за лето. Додумались, конечно, возводить памятник, но все-таки правильно, что возвели, бабушка этого заслуживала. Она, вообще, была заслуженной телеграфисткой, коммунисткой, женщиной. Леонид перекрестился, церквушка не сдвинулась с места, на крыльце вылизывал стыд большущий рыжий кот.

Эпилог

Уважаемые читатели, только что вы ознакомились с некоторым произведением. Мы бы могли написать иное произведение, к примеру, о сибирском неуловимом киллере, который использовал в качестве оружия собственную слюну. В силу бытовавшей вечной мерзлоты плевки становились обоюдоострыми ножами, причинами гражданам не только колоото-резанные вербены гибридные, но еще и покой. Следователи приходили в ярость от подобной находчивости, подобной изощренности, убийца был профессионал в своем деле, быть может, садовник. Но мы так не поступили. А знаете почему. А потому, что вовсе не хотим лишний раз пугать достопочтенных читателей, это зачастую шоссе в никуда, или в Магадан. Нам показалось важным написать определенный текст, способный, помимо своих развлекательных задач, поселить в абонентов – подростков, женщин, стариков – надежду на то, что все будет хорошо. Не прям хорошо, конечно, сначала нормально, а дальше посмотрим.

Из намеченных автором целей нами не была достигнута ни одна. Впрочем, это неважно, ведь посвящение бабушке, как мы считаем, удалось более чем. Ей бы наверняка понравилось, не будь она похищена. И как сказал классик Фрэнсис Бэкон, *to be or not to be*, и мы решили быть, и вы, пожалуйста, решите быть. Ведь любовь к отчизне не лечится, а у нас и вас только и остается, что Сибирь, да воспоминания о любимых бабушках. Поэтому становиться бабушками в дальнейшем весьма ценное стремление, творить добро другим во благо, как сказал другой классик. Вы слышите «два»! И читаете завершающий верлибр под названием «воспитанный мамой и бабушкой».

Запрет на однополые браки
 Хорошее начинание,

Однако меня воспитывала мама
Вместе со своей *мамой*.
И поэтому программы
По борьбе с этой проблемой
Еще не совсем понятны
В особенно благодатной
Среде для воспитания
Мальчиков *мамой* и бабушкой.
О запрете на однополые браки
Говорили женщины в поликлинике,
Куда меня привела мама,
Чтобы проверить мою щитовидку,
Она стала очень уж хлипкой
В эмансипированном женском мире,
Где женщины решают почти все.
Например, направить меня на анализы,
Задержать мне пособие,
Могу ли я плакать посреди улицы,
Также сотрудницы ЖКХ
Решают принимать меня дворником,
Или я никуда не гоюсь.
Даже эти стихи
Они решают, печатать в журнале,
Или пока не следует.
Но эти стихи небольшая победа
В мои двадцать пять
Над собственным страхом
Перед сильными женщинами.